LIETUVOS METRIKA

1988 metų tyrinėjimai

ЛИТОВСКАЯ МЕТРИКА

Исследования 1988 г.

LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЛИТВЫ
INSTITUTE OF LITHUANIAN HISTORY

LIETUVOS METRIKA
1988 metų tyrinėjimai

ЛИТОВСКАЯ МЕТРИКА
Исследования 1988 г.

LITHUANIAN METRICA
Investigations in 1988

VILNIUS "ACADEMIA" 1992

Составители: Э. БАНИОНИС, З. КЯУПА

Содержание

Введение . 5
Pratarme 6
Preface . . . 7
Банионис Э. К вопросу о генезисе книг Литовской Метрики (последняя четверть XV в.) 8
Менжинский В.С. Документальный состав книг Записей Литовской Метрики за 1522-1552 гг. 46
Кяупене Ю. Книги Вильнюсского замкового суда XVI в. в составе Литовской Метрики . 71
Абросимова С.В. Документы Литовской Метрики как источник по истории городов Украины первой половины XVI в. 85
Спиридонов М.Ф. Перепись войска Великого княжества Литовского 1567 г. как источник по истории поселений Белоруссии . . . 96
Анхимюк Ю.В. Литовская Метрика и Румянцевский кружок 112
Кяупа З. Труды Симонаса Даукантаса по Литовской Метрике . .130
Ковальский Н.П., Кулаковский П.М. Издание и изучение документов Литовской Метрики на Украине в XIX-XX вв. .142

Reziumė

E. Banionis. Lietuvos Metrikos knygų genezė (XV a. paskutinysis ketvirtis) 160
V. Menžinskis. Lietuvos Metrikos 1522-1552 m. "Užrašymų knygų" dokumentinė sudėtis . 162
J. Kiaupienė. XVI a. Vilniaus pilies teismo knygos Lietuvos Metrikoje . 163
S. Abrosimova. Lietuvos Metrikos dokumentai XVI a. pirmosios pusės Ukrainos miestų istorijos šaltinis 166
M. Spiridonovas. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kariuomenės surašymas 1567 m. Baltarusijos gyvenviečių istorijos šaltinis 167

J. Anchimiukas. Lietuvos Metrika ir Rumiancevo būrelis 168
Z. Kiaupa. Simono Daukanto darbai ir Lietuvos Metrika 169
N. Kovalskis, P. Kulakovskis. Lietuvos Metrikos dokumentų tyrimas ir publikavimas Ukrainoje XIX-XX a. 170

Summaries

E. Banionis. Book Genesis of the Lithuanian Metrica (The last quarter of the 15th century) . 172
V. Menzhynski. Document structure in "Books of Inscriptions" of the Lithuanian Metrica . 174
J. Kiaupienė. Judicial Books of the Vilnius Castle Court of the 16th century in the Lithuanian Metrica . . 175
S. Abrosimova. Documents of the Lithuanian Metrica as a source of the history of the Ukrainian habitations of the 16th century . 178
M. Spiridonov. General Census of the Army of the GDL as a source of the history of Byelorussian Habitations . . . 179
Y. Ankhimiuk. The Lithuanian Metrica and Rumiantsev's Circle . . 180
Z. Kiaupa. Works of S. Daukantas in the investigations of the Lithuanian Metrica 181
N. Kovalski, P. Kulakovski. Investigations of the dokuments of the Lithuanian Metrica and their publications in the Ukraine in the 19th-20th centuries 183
Библиографические сокращения .185

ВВЕДЕНИЕ

В Вильнюсе 12-13 апреля 1988 г. состоялась научная конференция, посвященная вопросам изучения Литовской Метрики, на которую собрались историки Литвы, Украины, Белоруссии и России.

Общеизвестно, что Литовская Метрика - книги XV-XVIII вв. государственной канцелярии Великого княжества Литовского - является одним из важнейших исторических источников изучения не только социальной, экономической или политической истории литовских, белорусских, украинских и русских земель, некогда входивших в состав Великого княжества Литовского, но и исторического развития Восточно-Европейского региона в целом. Несмотря на то, что историки уже давно и широко пользуются материалами Литовской Метрики, сам этот сложный, складывавшийся в течение нескольких веков, исторический источник остается малоизученным. Особенно это относится к его начальной части - за XV-XVI вв. сохранились лишь книги-копии.

Научные сообщения конференции были направлены на раскрытие источниковой многоаспектности материалов Литовской Метрики. В этих сообщениях давался источниковедческий анализ вопросов генезиса и документального состава конкретных книг Литовской Метрики, освещались еще сравнительно мало изученные вопросы истории исследования как внешней, так и внутренней истории Литовской Метрики, истории научного использования ее богатого материала. Тезисы докладов были своевременно опубликованы (Литовская Метрика. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции, апрель 1988 г. Вильнюс, 1988). Настоящий сборник составлен из статей, подготовленных на основе зачитанных на конференции докладов. Составители сборника выражают надежду, что он достойно будет использоваться в научных целях, расширит историографию Литовской Метрики и послужит толчком для дальнейшего многоаспектного изучения этого одного из сложнейших и интереснейших исторических источников - Литовской Метрики.

PRATARMĖ

Lietuvos, Rusijos, Ukrainos, Baltarusijos istorikai 1988 m. balandžio 12-13 d. susirinko Vilniuje dalyvauti mokslinėje konferencijoje, skirtoje Lietuvos Metrikai.

Visuotinai pripažinta, kad Lietuvos Metrika Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valstybinės raštinės XV-XVIII a. knygų kompleksas yra ne tik lietuviškųjų, baltarusiškųjų, ukrainietiškųjų, rusiškųjų žemių, įėjusių į Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sudėtį, socialinės, ekonominės, politinės istorijos, bet ir viso Rytų Europos regiono vienas svarbiausių istorijos šaltinių. Lietuvos Metrika jau seniai ir gana plačiai naudojama istoriniuose tyrimuose, tačiau ji pati yra sudėtingas, per keletą amžių susiklostęs ir mažai ištirtas istorijos šaltinis. Ypač tai pasakytina apie jos XV-XVI a. knygas, kurių originalai yra dingę, o istorikai priversti naudotis pačioje XVI a. pabaigoje perrašytomis knygomis-kopijomis.

Lietuvos Metrikos tyrimų konferencijoje skaitytuose pranešimuose norėta atskleisti Lietuvos Metrikos, kaip istorijos šaltinio, daugiaaspektiškumą, faktologinių duomenų gausumą bei įvairovę, analizuoti jos knygų genezę, konkrečių knygų susidarymo aplinkybes ir jas sąlygojusią raštvedybos sistemą, plačiau nušviesti iki šiol mažai nagrinėtus pačios Lietuvos Metrikos istorijos bei jos mokslinio panaudojimo tradicijų klausimus. Su pranešimų pagrindiniais teiginiais galima susipažinti laiku paskelbtose mokslinės konferencijos pranešimų tezėse (Литовская Метрика. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции, апрель 1988 г. Вильнюс, 1988).

Šiame rinkinyje skelbiami straipsniai, parengti konferencijos mokslinių pranešimų pagrindu. Rinkinio parengėjai viliasi, kad jis deramai praturtins palyginti negausią Lietuvos Metrikos istoriografiją, pasitarnaus mokslo reikalams ir galbūt suteiks tam tikrą akstiną tolesniems įvairiapusiškiems šio labai įdomaus ir sudėtingo rašytinio šaltinio Lietuvos Metrikos tyrimams.

PREFACE

In 1988 the historians from Lithuania, Russia, Ukraine, Byelorussia took part at the scientific conference devoted to the research works of the Lithuanian Metrica.

It was fully acknowledged that the Lithuanian Metrica a complex of books of the Grand Ducal Chancery of the 15th-18th centuries is one of the most important sources not only for Lithuanian, Byelorussian, Ukrainian, Russian regions as the parts of the Grand Duchy's social, political history, but for the whole Eastern Europe. The Lithuanian Metrica was already used long ago in the historical research works but it is a very complicated, formed during several centuries and not completely investigated source. It is noteworthy to mark its books from the 15th-16th centuries the originals of which are lost and the historians are using books-copies rewritten at the very end of the 16th century.

At the conference devoted to the investigations of the Lithuanian Metrica the reports reflect the Lithuanian Metrica as a source of the history, its multifarious aspects, the abundance of factual data and their variety, the analysis of books genesis, the conditions of forming of the certain books, the system of clerical work at the Chancery, cast a new light on the new issues concerning the history of the Lithuanian Metrica itself and its scientific application traditions. The main principles of the reports are published in the conference issue (Литовская Метрика. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции, апрель 1988 г. Вильнюс, 1988).

The authors of these publications expect that they will enrich the historiography of the Lithuanian Metrica, will serve for scientific goals and, may be, will be some kind of impel to continue thorough many-sided investigations of this interesting and intricate historical material the Lithuanian Metrica.

ЭГИДИЮС БАНИОНИС

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КНИГ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ

(последняя четверть XV в.)

Исторический источник привлекает внимание ученых не только как посредник, сохраняющий данные об исторических фактах, но и сам по себе, как историко-культурный феномен, как специфический носитель информации. Соответственно усиливается потребность получить ответ на один из традиционных для исторических исследований вопрос - как складывался тот или иной исторический источник, понять процессы образования и развития государственных учреждений, систему делопроизводства, становления архивов.

Вопросы организации повседневной работы и делопроизводства в великокняжеской канцелярии ВКЛ в конце XV - первой четверти XVI в. стали занимать историков еще в конце XIX в. С.Л. Пташицкий (1853-1933), М.К. Любавский (1860-1936), И.И. Лаппо (1869-1944)[1] в своих трудах попутно касались вопросов организации работы канцелярии ВКЛ, ее сферы деятельности и обязанностей писарей, выборочно приводили фактологические примеры. Однако их сведения о деятельности канцелярии ВКЛ и, в частности, приемах ее работы с документацией страдают чрезмерной общностью. Выводы по некоторым вопросам построены на переносе фактологических примеров с поздних времен на более ранние периоды, на исторических аналогиях, а иногда являются чисто умозаключительными. Вся совокупность постановки вопросов замыкалась на абсолютной неизученности одного из фундаментальных и принципиальных источниковедческих проблем, связанных с основным источником - с книгами-копиями ЛМ. Как известно, вся документация, скопившаяся в канцелярии ВКЛ за XV-XVI вв., в самом конце XVI в. была переписана и переплетена в книги-копии ЛМ. Абсолютное большинство подлинной документации канцелярии ВКЛ XV-XVI вв. (т.е. копии текстов документов, полученных или выданных канцелярией ВКЛ и хранившихся здесь же) было утеряно, вероятнее всего, в середине XVII в.;

историки могут пользоваться лишь книгами-копиями ЛМ, сделанными в конце XVI в.

В начале XX в. сложилось и в историографии господствовало общее представление, что книги-копии ЛМ конца XVI в. являются абсолютно идентичными подлинным книгам, которые имелись в канцелярии ВКЛ в XV и XVI вв. Видовое и хронологическое смешение документов в одной книге-копии мысленно переносилось на подлинную книгу, а для объяснения этого явления строились разного рода умозаключительные схемы. Так, И.И.Лаппо в 1906 г. высказал предположение, что в канцелярии ВКЛ в конце XV - начале XVI в. существовали подлинные книги двух категорий: одни велись "в обычном месте хранения Метрики", а другие, "еще не заполненные до конца, возились за господарем, и в них вносились акты, которые совершались на его дворе. /.../ Не допустив этого, невозможно объяснить внесения в одну и ту же книгу, притом сохранившуюся в подлинном виде, актов, совершенно не сходных по своему содержанию"[2]. И.И. Лаппо, таким образом, предполагал наличие в канцелярии ВКЛ в конце XV в. переплетенных книг с чистыми листами, идентичных нашим канцелярским книгам из магазина канцелярских товаров. Н.Г. Бережков (1886-1956) сосредоточил свое внимание на первоочередном, отправном вопросе - о первоначальном составе подлинных книг канцелярии ВКЛ XV-XVI вв. Результатом двадцатилетнего исследования была монография "Литовская Метрика как исторический источник", изданная в 1946 г. В ней сделан принципиально важный вывод для источниковедческого понимания ЛМ: "Книги-копии, составленные на рубеже XVI-XVII вв., воспроизводят с большей или меньшей полнотой содержание утраченных подлинных книг, но не воспроизводят структуры фонда, органически сложившейся в процессе его возникновения и роста, и притом не всегда сохраняют даже цельность первоначальных, переписываемых книг, дробят их, размещают фрагментами в разных местах". Н.Г. Бережков предпринял попытку реконструкции первоначальных подлинных книг ЛМ до 1522 г., а после дальнейших исследований он пришел к выводу, что в июне 1486 г. в канцелярии ВКЛ было начато регулярное ведение текущих книг четырех категорий: "книги данин и судовых справ", "книги аренд", "книги отправ", "книги посольств"; в том

же 1486 г. были составлены аналогичные сборники документов за предшествующие годы[3].

Однако при более внимательном знакомстве с последними выводами Н.Г. Бережкова возникают вопросы. Возьмем, к примеру, посольские книги. Согласно Н.Г. Бережкову, в 1486 г. из тетрадей был составлен "сборник посольств" за 1479-1486 гг., а первая "текущая посольская книга велась только временно, с июня по ноябрь 1486 г., как попытка опыта - в нее переписывались только исходящие дипломатические документы. Регулярное ведение посольских книг началось только в 1492 г.[4]

Итак, вопросы: Из чего был составлен "сборник посольств" за 1479-1486 гг.? Из копий отправленных и оригиналов полученных дипломатических документов? Или то и другое уже было в тетрадях, из которых составлялся (переписывался) сборник? Тогда непонятно, в чем проявилась новизна ведения первой регулярной посольской книги в июне-ноябре 1486 г., в которую записывалиь лишь исходящие дипломатические документы (а куда в таком случае откладывались оригиналы полученных дипломатических документов?). И вообще, чем была вызвана эта коренная перестройка принципов повседневной работы канцелярии ВКЛ? Ответа на эти вопрсы в монографии Н.Г. Бережкова мы не находим.

Перед собой мы ставим первую задачу: что собой могли представлять посольские "тетради", "сборники", "книги" 80-х годов XV в.? Для получения ответа мы должны вслед за Н.Г. Бережковым еще раз внимательно изучить дипломатические документы 80-х годов - все они находятся в книге-копии ЛМ № 4 (для удобства в дальнейшем будем пользоваться аббревиатурой ЛМ-4). Книга-копия ЛМ-4 опубликована в XXVII т. "Русской исторической библиотеки"[5]. Так как при рассмотрении дипломатических документов мы будем пользоваться упомянутой публикацией, в скобках будем указывать порядковый номер, которым помечен этот документ в публикации.

Первый по порядку дипломатический документ в книге-копии ЛМ-4 - это письмо великого князя литовского Казимира главе старинного, второго по влиянию в Крыму рода Баринов, князю Обдуле (№ 25). В письме упоминается о нападении крымских татар на Киев и его сожжении 1 сентября 1482 г.[6] и о том, что кн. Обдула в нападении участия не принимал. Пись-

мо Казимира Обдуле, точнее получение его канцелярией ВКЛ, следует датировать концом 1482 г. (Н.Г. Бережков это письмо датировал 1482 г. с вопросительным знаком[7]).

Далее в книге-копии ЛМ-4 следует писарская запись: "Туть тоть ярлыкъ, что панъ Иван Ходъкович съ Киева прислалъ" и записаны тексты трех посланий крымского хана Менгли-Гирея киевскому воеводе Ивану Ходкевичу (№ 26 I-III). В конце текста первого послания указана дата: "Писанъ августа, въ субботу, первый день", а после текста второго послания есть писарская запись: "А другий ерлык тежъ панъ Иванъ съ Киева прислалъ". Если указанную дату "августа, въ субботу, первый день" по Лунному календарю перевести на Юлианский, выходит, что послание Менгли-Гирея следует датировать 28 июля 1481 г., субботой. В пользу датирования посланий 1481 г. свидетельствует и упоминание в них о смерти турецкого султана Махмеда (3 мая 1481 г.), а также обещание Менгли-Гирея отправить в ВКЛ переводчика Хидира, выехавшего из ВКЛ в Крым в начале января 1481 г. (см. № 32). Кроме того, когда крымские татары 1 сентября 1482 г. напали на Киев и подожгли город, И. Ходкевич с женой и детьми попал в плен, где вскоре и умер[8]. Таким образом, можем предположить, что послания Менгли-Гирея И. Ходкевичу в канцелярии ВКЛ были получены в конце августа, в крайнем случае, в начале сентября 1481 г. (Н.Г. Бережков эти послания датировал 1482 г.[9]).

Здесь мы должны сделать первые выводы: цитированные писарские записи свидетельствуют о том, что все три послания Менгли-Гирея были скопированы в одном месте. По объему текста это мог быть один лист, сложенный пополам (in folio) - такое предположение делаем в порядке рабочей гипотезы.

Далее в книге-копии ЛМ-4 следует коротенькая запись о назначении наместников и старост от 30 ноября 1481 г. (№ 27). Вполне можем предположить, что эта запись была сделана 30 ноября 1481 г. на том же листе, на котором были скопированы тексты посланий Менгли-Гирея И.Х.Ходкевичу (№ 26 I-III).

В ЛМ-4 далее следует текст присяги крымского посла Азы-Бабы (№ 28), в конце которого указано: "Писанъ у Вильни, инъдикть 13", т.е. в период с 1 сентября 1479 г. по 31 августа 1480 г. Казимир из Польши в Литву приехал в конце 1479 г.: 25 декабря 1479 г. уже был в Гродно, 16 февраля 1480 г. - в Тракай,

в Вильнюсе был с 2 апреля по 29 июня 1480 г., опять в Тракай - с 7 декабря 1480 г.[10] Таким образом, присягу Азы-Бабы ориентировочно можем датировать апрелем-июнем, даже июлем 1480 г.[11]

Как видим, текст документа № 25 датируется концом 1482 г., № 26 I-III - августом 1481 г., № 28 - апрелем-июнем 1480 г. Заметим, что все эти три текста документов (№ 26 I-III условно называем одним документом) разделяет друг от друга период времени почти в год и что расположены они в ЛМ-4 в обратном хронологическом порядке.

Далее в книге-копии ЛМ-4 следует писарская запись: "Посольство князем Иваном Глинъским" и записаны тексты трех документов (№ 29, I-III). Первый - послание Казимира Менгли-Гирею, датированное индикцией 13. В нем упоминается присяга Азы-Бабы; второй - текст инструкции И. Глинскому, датированный индикцией 14; третий текст - второе послание Казимира Менгли-Гирею, датированное индикцией 14, в нем также упоминается присяга Азы-Бабы. Индикция 13 кончается 31 августа, индикция 14 начинается 1 сентября 1480 г. Присягу Азы-Бабы (№ 28) мы ориентировочно датировали апрелем-июлем 1480 г. Таким образом, можем восстановить хронологическую последовательность текстов документов: после присяги Азы-Бабы, до 1 сентября 1480 г., было подготовлено первое послание Казимира Менгли-Гирею (№ 29 I), а в начале сентября - инструкция И.Глинскому и второе послание Казимира (№ 29 I-II)[12]. Наша датировка подтверждается и посланием Менгли-Гирея Казимиру, датированным 20 октября 1480 г. (№ 30 III), в котором упоминается прибывший в Крым И.Глинский.

В книге-копии ЛМ-4 далее следует писарская запись: "Потомъ Байрашъ посольствовалъ" и записаны тексты четырех посланий Менгли-Гирея Казимиру (№ 30, I-IV), два из которых датированы 20 октября 1480 г. (в тексте - по Лунному календарю: "885, октябрь 15 день, в пятницу"), а также текст недатированного послания предводителя влиятельнейшего рода Ширинов князя Эминека (№ 31). Если предположить, что послания из Крыма были доставлены за месяц, то следует, что в канцелярии ВКЛ тексты посланий были переписаны и писарская запись сделана в конце сентября 1480 г.

В книге-копии ЛМ-4 далее следует писарская запись: "Отъказъ тому черезъ ярълыки, з Байрашомъ послан Хидиръ толъмачъ, Тимирчинъ сынъ" и записаны тексты двух посланий Казимира Менгли-Гирею (№ 32, I-II), один из которых датирован 5 января 1481 г., и текст недатированного послания Казимира Эминеку (№ 33)[13].

В книге-копии ЛМ-4 далее следует писарская запись: "А потомъ Сидехмат принесъ ярлыкъ тотъ" и записаны тексты двух посланий Менгли-Гирея Казимиру (№ 34 I-II), датированных 14 января 1481 г. (в тексте - по Лунному календарю - 13 января 885 г.)[14]. Далее следует писарская запись "Отъпись противъ того" и записан текст ответа Казимира Менгли-Гирею (№ 35). Как видим из этого ответа, Сеид-Ахмет (№ 34 I-II) в дороге разминулся с Байрашом и Хидиром (№ 32 I-II). Таким образом, можем полагать, что тексты посланий, привезенных Сеид-Ахметом, и текст ответа Казимира в канцелярии ВКЛ были переписаны в середине февраля 1481 г.

Выше мы отмечали, что группа текстов документов № 26 I-III + № 27 могла быть переписана на один лист. Относительно текстов документов № 29-35 мы в первую очередь должны обратить внимание на записи и приписи писарей ВКЛ к текстам дипломатических документов: "Потомъ Байрашъ посольствовалъ", "Отъказъ тому черезъ ярълыки, з Байрашомъ послан Хидиръ толъмачъ, Тимирчинъ сынъ", "А потомъ Сидехмат принесъ ярлык тотъ", "Отъпись противъ того". Эти записи последовательно и органически соединяют тексты дипломатических документов в одно целое. А это, в свою очередь, прямо указывает на то, что вся (и отправляемая, и получаемая) дипломатическая переписка ВКЛ с Крымским ханством в период с июня 1480 г. по февраль 1481 г. в канцелярии ВКЛ последовательно копировалась так, что копии составляли некую единую, надолго (до конца XVI в.) сохранившуюся "единицу хранения". Это могла быть тетрадь из нескольких листов (тетрадь не переплетена, а листы согнуты пополам и вложены один в другой). В книге-копии ЛМ-4 тексты документов № 29-35 занимают 5,5 листа, или 11 страниц.

Продолжим рассмотрение последующих документов в книге-копии ЛМ-4. Текст документа № 36 - это дипломатическое послание г. Пскова Казимиру (№ 36) (отметим, что в ЛМ-4 под

№ 60 дан список подарков, привезенных послами г. Пскова Казимиру, датированный индикцией 13 в Тракай); текст ответа Казимира послам г. Пскова, датированный индикцией 13 в Тракай (№ 37); текст ответного послания Казимира г. Пскову, датированный индикцией 13 в Вильнюсе (№ 38). Уже упоминали, что индикция 13 - это период с 1 сентября 1479 г. по 31 августа 1480 г. и что Казимир после прибытия из Польши, 25 декабря 1479 г., был в Гродно, 16 февраля 1480 г. - в Тракай, с 2 апреля по 29 июня 1480 г. - в Вильнюсе. Таким образом, можем считать, что Казимир псковских послов принял в Тракай в феврале-марте 1480 г., а ответное послание Казимира[15] было отправлено в Псков из Вильнюса в апреле 1480 г.

Далее в книге-копии ЛМ-4 следует писарская запись: "Тое посольство прислано къ Вильни, индикъ 14" и записано послание молдавского воеводы Стефана III Казимиру (№ 39). Индикция 14 - это период с 1 сентября 1480 г. по 31 августа 1481 г. Казимир 7 декабря 1480 г. был в Тракай, с 5 января по 6 сентября 1481 г. - в Вильнюсе, с 15 октября 1481 г. до конца года - в Тракай[16]. Таким образом, можем предполагать, что послание Стефана III было привезено в Вильнюс в феврале или марте 1481 г., после прибытия в Вильнюс крымского посла Сеид-Ахмета (№ 38) в середине февраля 1481 г. Отметим, что содержание ответа Казимира послам Стефана III было известно в Москве 26 марта 1481 г.[17]

Текст послания Стефана III озаглавлен "Посольство волоского воеводы. На память послам говорить". На самом деле этот текст является второй частью послания, в котором Стефан III просил Казимира пропустить через территорию ВКЛ в Москву молдавских послов, отправленных туда для обсуждения вопроса о бракосочетании Ивана III с дочерью Стефана III. Обмен послами между Иваном III и Стефаном III обычно происходил через территорию, контролируемую крымскими татарами, а в 1481 г. - через территорию ВКЛ, когда отношения Казимира и Ивана III временно улучшились[18].

Согласно договору 1463 г., Стефан III считался вассалом Казимира и дипломатические связи между ними обеспечивала посольская служба Польского королевства. Когда в 1491 г. в Вильнюс прибыли послы Стефана III с аналогичной просьбой, как и в 1481 г., текст послания Стефана III был записан в

"книги" канцелярии ВКЛ, а тексты ответа и ответного послания Казимира Стефану III - в "книги" канцелярии Польши. По-видимому, в 1481 г. в канцелярии ВКЛ был сделан список только второй части послания Стефана III, так как оно касалось интересов ВКЛ. Списки первой части послания Стефана III и ответ Казимира молдавским послам в канцелярии ВКЛ не потерялись, о них позаботились представители канцелярии Польского королевства: Казимира, прибывшего в 1479 г. из Польши в Литву, сопровождал канцлер Польши Станислав Курозвецкий, а 11 июля 1480 г. его сменил и в дальнейшем остался в Литве при Казимире подканцлер Польши Андрей Опаровский[19].

Тексты дипломатической переписки ВКЛ с г. Псковом февраля-апреля 1480 г. (№ 36-38) от текста послания Стефана III Казимиру, полученного в марте 1481 г. (№ 38), отделяет годичный период. Вряд ли тексты этих двух документов (№ 36-39) в канцелярии ВКЛ были скопированы в одном месте. Скорее всего, это были отдельные листы.

Итак, мы уточнили, что тексты дипломатических документов № 25-39 охватывают период с февраля-марта 1480 г. по конец 1482 г. Расположим их в хронологическом порядке (см. табл. 1), причем за основу будем брать дату переписки текста дипломатического документа в "книги" (для текстов документов ВКЛ - это дата составления документа, для зарубежных - предполагаемая дата их получения канцелярией ВКЛ). С одной стороны, мы должны отметить хронологическую плотность и последовательность копий текстов дипломатических документов, полученных и отправленных канцелярией ВКЛ в феврале 1480 - сентябре 1481 гг. Это наводит на мысль, что мы имеем прямое доказательство того, что в канцелярии ВКЛ на протяжении полутора лет постоянно и регулярно копировались тексты получаемых и отправляемых документов. С другой стороны, мы не можем не отметить, что в книге-копии ЛМ-4 хронологическая последовательность текстов этих документов не соблюдена. Чем можно объяснить это несоответствие?

Н.Г. Бережков, чтобы объяснить нарушение хронологической последовательности текстов дипломатических документов 1480-1482 г. в книге-копии ЛМ-4, выдвинул гипотезу, что эти документы в конце XVI в. переписывались в книгу-копию

ЛМ-4 из "сборника дипломатических документов" 1480-1482 гг., составленного в 1486 г. Этот сборник составлялся "путем соединения, списывания вместе нескольких разновременных групп документов, каждая из которых в оригинале представляет собой, вероятно, отдельную в архивно-техническом отношении единицу, отдельную "тетрадь" в условном смысле"[20]. На данном этапе нашего исследования мы ограничимся констатацией, что наши взгляды на то, что собой представляла подлинная документация канцелярии ВКЛ, т.е. копии текстов дипломатических документов, совпадают с представлениями Н.Г. Бережкова. Здесь же мы отметим, что все тексты дипломатических документов сохранились без повреждений (без потери начала или конца) до конца XVI в., т.е. до их переписки в книгу-копию ЛМ-4. А это значит, что из копий текстов дипломатических документов 1480-1481 г. не был утерян ни один лист и что "тетради" сохраняли физическую целостность.

Великий князь Казимир ввиду напряженной международной обстановки целых четыре года, с начала 1480 до конца 1483 г., пробыл в Литве[21]. По упоминаниям в дипломатических документах 1486 г. и последующих лет, по данным других источников известно, что в 1482 г. в Москву на сложные переговоры ездил дворный маршалок Богдан Сакович, в 1483 г. в Крым - некий Якуб, в том же году в Большую орду - некий Стрет, в начале 1484 г. в Крым - дворный маршалок Петр Пашкович, а в Москву - Ян Заберезинский. Копии текстов посланий, которые они везли, в ЛМ не сохранились, они были утеряны еще в XVI в. Сомневаться в том, что эти копии в канцелярии были, не приходится. Об этом свидетельствует упоминание их содержания в текстах дипломатических документов последующих лет. Можем предположить, что копии текстов этих документов в канцелярии ВКЛ тоже имели вид "отдельных в архивно-техническом отношении единиц отдельных тетрадей в условном смысле и отдельных листов".

Продолжим рассмотрение текстов дипломатических документов в книге-копии ЛМ-4. № 40-47 - это тексты дипломатических документов, привезенных одним послом из Большой орды в августе 1484 г. - в ЛМ им предшествует писарская запись: "Месяца августа, инъдиктъ 2. Ярлыкъ отъ цара Муръ-

тазы". В ЛМ-4 они занимают 3 листа (6 страниц); можем предположить, что в "оригинале" это была отдельная "тетрадь".

Далее в книге-копии ЛМ-4 записаны тексты 10 недатированных посланий из Крыма (№ 48-52). По содержанию посланий видно, что они привезены из Крыма одним послом. В ярлыке № 48-III упоминается о смерти Крымского вельможи Казы, брата кн. Абдулы. О смерти Казы в Москве 8 июня 1486 г. еще не было известно: в этот день отправляемому в Крым русскому послу поручалось подарить Казе золотой "в поминок"[22]. Ответное послание ВКЛ (на послания № 48-52) в Крым было отправлено 22 августа 1486 г. (№ 132). Таким образом, можем предположить, что послания № 48-52 в канцелярии ВКЛ были скопированы в отдельную "тетрадь" в мае 1486 г. (док. № 48-52 в ЛМ-4 занимает 3 листа, или 6 страниц).

Н.Г. Бережков текстов документов № 40-52 подробно не рассматривал и считал их одной группой дипломатической переписки ВКЛ с Крымским ханством и Большой ордой за 1484 г.[23].

Далее в книге-копии ЛМ-4 находится небольшая по объему (меньше половины страницы) недатированная запись о назначении срока присяги по делу "о бой" (№ 53), текст послания Ивана III Казимиру и ответ Казимира послу Ивана III (№ 54-55), которые следует датировать концом 1486 г. (об этом - ниже, когда будем рассматривать текст документа № 132). На этом первая компактная серия текстов дипломатических документов в книге-копии ЛМ-4 завершается.

Итак, мы выяснили, что в книгу-копию ЛМ-4 переписаны: копии текстов дипломатических документов за март 1480 - сентябрь 1481 гг., бывшие на отдельных листах и в "тетрадях" (№ 26-39), копия текста послания Казимира Абдуле конца 1482 г., бывшая на отдельном листе (№ 25), одна "посольская тетрадь" за август 1484 г. (№ 40-47) и другая "посольская тетрадь" за май 1486 г. (№ 48-52). Заметим, что даты последних двух "тетрадей" совпадают с датами пребывания Казимира в Литве[24].

Как было показано выше, наши взгляды совпадают со взглядами Н.Г. Бережкова, что копии текстов дипломатических документов 1480 г. - первой половины 1486 г. в канцелярии ВКЛ существовали группами, "каждая из которых в оригинале

представляла собой, вероятно, отдельную тетрадь в условном смысле" - мы добавим: и отдельные листы. Мы расположили все тексты дипломатических документов в хронологическом порядке и пришли к выводу, что в канцелярии ВКЛ в 1480-1486 гг. постоянно копировались тексты получаемых и отправляемых документов. Предположим, что все копии текстов дипломатических документов в канцелярии ВКЛ подкладывались и формировалась одна "стопка" или "единица хранения". За столетие, до конца XVI в., часть "тетрадей" и "отдельных листов" была утеряна, но при этом не потерялся ни один лист, с которым было бы утеряно начало или конец текста дипломатического документа.

Однако Н.Г. Бережков в данном случае хотел видеть что-то стационарное, объемистое и переплетенное. Мы предполагаем, что "тетради" и "отдельные листы" легко могли перемешиваться между собой и с другой разновидностью документации канцелярии ВКЛ, а Н.Г. Бережков вводит дополнительный цикл - переписку в "сборник" и его переплетение, разрушение "сборника" и смешение его фрагментов с фрагментами "книг" и "сборников" другой разновидности документации. Так как хронология текстов дипломатических документов 1480-1482 гг. не соблюдена, то для Н.Г. Бережкова это аргумент, что они "не являются текущей книгой посольств, в которую материалы регулярно заносились бы по мере развития дипломатических отношений". Следуя своей схеме, Н.Г. Бережков делает вывод: "Если решению вести текущие книги (в 1486 г. - Э.Б.) сопутствовало решение собрать в книги документы более ранние, то оно не ограничивалось данинами и судовыми справами, распространилось также и на другую важную категорию материалов - документы дипломатические и, таким образом, возник, полагаем, около того же времени сборник посольств 1479-1486 гг."[25] Иначе говоря, Н.Г. Бережков упорно хотел видеть документацию канцелярии ВКЛ 1480-1486 гг. - в данном случае копии текстов дипломатических документов - в виде "книг" в современном понимании этого термина. Поэтому он создает образ предполагаемого "сборника", в который в 1486 г. переписывались тексты дипломатических документов 1480-1486 гг. (№ 25-52) + (№ 54-55). В том, что Н.Г. Бережков пришел к такому выводу, на наш взгляд, плохую роль сыграло заглавие

в книге-копии ЛМ-4, предшествующее серии текстов дипломатических документов № 25-52: "Посольства до короля его милости от татарских царов и от иншых, и от короля до них". Из контекста следует, что Н.Г. Бережков пользовался только публикацией ЛМ-4 в XXVII т. "Русской исторической библиотеки" и цитированное заглавие принимал за оригинальное заглавие "сборника посольств", составленное в 1486 г. Посмотрим, как это заглавие написано и раположено в самой (в оригинале) книге-копии ЛМ-4.

Для начала мы должны оговорить технологию переписки книг-копий ЛМ в конце XVI в. Дело в том, что тексты документов (независимо от их разновидности) в книги-копии переписывал один писарь. Другой писарь, по всей видимости, более высокой квалификации, сверял тексты, вставлял непрочтенные и опущенные слова, составлял заголовки к текстам привилеев и записывал их в книгу-копию на оставленном пробельном месте. Вторым писарем, или "редактором-составителем" заголовков, в книге-копии ЛМ-4 в конце XVI в. был А. Яцынич. Заголовки текстов дипломатических документов при переписке книг-копий, как правило, не составлялись, так как эту функцию выполняли первые предложения самих текстов дипломатических документов или записи писарей ВКЛ, сделанные своевременно, при копировании текстов дипломатических документов перед их отправкой или сразу же после их получения.

Текст документа № 24 в книге-копии ЛМ-4 - это большой по объему реестр выдачи из скарба. Первый переписчик закончил его копирование на середине очередного листа книги-копии ЛМ-4. Почти не оставив пробельного места, по-видимому, не сообразив, что следующий текст документа, который он должен переписывать - это уже текст документа другой разновидности, писарь переписал текст послания Казимира Абдуле (№ 25). Проверяя переписку, А.Яцынич заметил видовое изменение текстов документов, составил заглавие к текстам дипломатических документов "Посольства до короля..." и записал его в ЛМ-4 между текстами документов № 24 и № 25. Причем из-за отсутствия свободного пробельного места он начал писать на середине с выходом на правое поле[26]. Таким образом, мы должны сделать очень важный вывод: заглавие к серии текстов дипломатических документов было составлено при переписке

книги-копии ЛМ-4 в конце XVI в., а не является оригинальным заглавием "сборника посольств", составленного в 1486 г.

Итак, следует один из основных наших выводов: в канцелярии ВКЛ в 1480-1486 гг. постоянно делались канцелярские копии текстов отправляемых и получаемых дипломатических документов. Никакие "сборники посольств" в 1486 г. не составлялись. В конце XVI в. в книгу-копию ЛМ-4 тексты дипломатических документов переписывались из оригинальных канцелярских копий 80-х годов XV в.

После этого вывода нам следует подробно рассмотреть вторую серию текстов дипломатических документов в книге-копии ЛМ-4, которую Н.Г. Бережков определял как экспериментальную "текущую подлинную книгу посольств".

Вторая серия текстов дипломатических документов охватывает период с июня по ноября 1486 г. (№ 128-137), ее в книге-копии ЛМ-4 от первой, нами уже рассмотренной серии (№ 25-55), отделяют 50 листов (100 страниц), на которых записана серия текстов документов "листов судовых и данины" (№ 56-127). Первый переписчик переписку текста документа № 127 в книгу-копию ЛМ-4 завершил на лицевой стороне листа, а оборот листа оставил пробельным. Это было вызвано, по всей видимости, тем, что на этот раз переписчик уже заметил, что в дальнейшем он будет переписывать тексты дипломатических документов. Позже А.Яцынич к текстам дипломатических документов второй серии составил заглавие и собственноручно написал на середине пробельной оборотной страницы: "Книги посольств московских и иных"[27]. Отметим, что заглавие неточное - из 10 текстов дипломатических документов только первые два были отправлены в Москву, остальные же в разные страны.

Слово "книги" в цитированном заглавии, как следует из контекста, для Н.Г. Бережкова было одним из доказательств, что тексты документов в 1486 г. были в "текущих подлинных книгах". Для Н.Г. Бережкова "основным ориентиром при расчленении их (книг-копий - Э.Б.) на их составные элементы (подлинные "книги" - Э.Б.) служат вписанные в них заглавия воспроизводимых книг"[28]. Н.Г. Бережков просто не обратил внимания на то обстоятельство, что заглавия к целым сериям и к отдельным текстам документов в книге-копии ЛМ-4 напи-

саны другим почерком, чем сами тексты документов, т.е. заглавия к сериям текстов дипломатических документов были составлены в конце XVI в. при переписке книги-копии ЛМ-4.

В книге-копии ЛМ-4 за заглавием, написанным А.Яцыничем, на новом листе начинаются тексты дипломатических документов. Первому тексту (№ 128) предшествует его подлинный заголовок 1486 г.:"Посольство початок, што я, Федька, писал и великому князю Московскому з Вильни. Зенко послан. Индикт 4, июнь 1", т.е. 1 июня 1486 г. В конце текста есть писарская запись: "А то посольство Зеньком з Вильни. Индик 4, июнь 3". Н.Г. Бережков, конечно, прав, объясняя, что послание Казимира Ивану III написал и скопировал один и тот же писарь Федька. В заголовках последующих текстов дипломатических документов писарь не указан, вероятно, потому, что все они составлены и внесены в "книгу" одним и тем же писарем[29].

Тексты дипломатических документов № 129 и № 130 датированы соответственно 9 июня и 22 августа 1486 г. Между текстами документов № 133, 134, 135, отправленных в Большую орду, есть писарские записи о содержании других отправленных посланиях: "Ярлык до Седихмана в тоеж слово, как и до Аблумгирима писан", "Ярлык до Ачжики толмачом в тоеж слово, как до Тимира писан". Они связывают между собой все тексты дипломатических посланий, отправленных в Большую орду. Далее следуют послание Казимира Ивану III от 25 сентября 1486 г. и последний текст дипломатического документа рассматриваемой серии - текст послания Рады панов ВКЛ Сенату Польши от 2 ноября 1486 г. (№ 137).

Как правильно заметил Н.Г. Бережков, эта "книга" (слово явно взято из заголовка, составленного в конце XVI в.) содержит только тексты документов, отправленных из ВКЛ за границу, нет ни одного полученного в ВКЛ. Н.Г. Бережков полагает, и мы разделяем его предположение, что копии текстов дипломатических документов № 128-137 в 1486 г. было "нечто единое". Но вдруг Н.Г. Бережков делает следующее предположение: "Может быть, ... регулярное ведение такой книги в июне-ноябре 1486 г. фактически сказывалось явлением эпизодическим", так как от последующих шести лет никаких следов "книг посольств" не осталось. Серию текстов дипломатических

документов № 128-137 Н.Г. Бережков определяет как экспериментальную текущую "книгу посольств"[30]. Но разве эта серия свидетельствует о каком-то новом порядке работы в канцелярии ВКЛ в 1486 г.? Ведь в канцелярии ВКЛ в 1480-1481 гг. последовательно почти в течение года копировали тексты как отправляемых, так и получаемых дипломатических документов (№ 28-35).

Казимир после более чем годичного пребывания в Польше в конце января 1486 г. прибыл в Литву, 18 марта - 24 июня был в Вильнюсе[31]. Здесь он с Радою панов обсуждал внешнеполитические проблемы. В Вильнюсе он принял послов из Крымского ханства (№ 48-52), из Вильнюса 3 июня было отправлено посольство в Москву (№ 128); 9 июня - 29 октября 1486 г. Казимир был в Тракай, отсюда 22 августа были отправлены ответные послания в Крым (№ 131-132 ответы на № 48-52) и в Большую орду (№ 133-135), а 25 сентября 1486 г. - в Москву (№ 136). 2 ноября 1486 г. из Пуни (по пути из Тракай в Гродно) отправлено послание Рады панов Сенату Польши (№ 137). Таким образом, за июнь-сентябрь 1486 г. были отправлены послания почти во все страны, с которыми ВКЛ поддерживало дипломатические отношения (кроме Пруссии и Ливонии), и, естественно, что тексты копий отправляемых дипломатических документов составляли одну "тетрадь". Следует отметить, что эта "тетрадь" ("книги") путешествовала с Казимиром из Вильнюса в Тракай и Пуню, в нее регулярно копировались тексты отправляемых дипломатических документов. По-видимому, в течение июня-сентября 1486 г. в ВКЛ не прибыло ни одно зарубежное посольство. Этим можно объяснить, что в ней нет ни одного текста дипломатического документа, поступившего в канцелярию ВКЛ.

Ответное посольство из Москвы (№ 54; на послание, отправленное из Тракай 25 сентября 1486 г., № 136) Казимир, по нашим подсчетам, должен был принимать уже в Польше: послы дорогу от Вильнюса до Москвы покрывали примерно за месяц, а Казимир 14 декабря 1486 г. был уже в Петркове[32]. Текст послания Ивана III и текст ответа Казимира послу Ивана III (№ 54-55) были скопированы на отдельной "тетради". Так случилось, что эта "тетрадь" к концу XVI в. оказалась не у "посольской тетради" июня-ноября 1486 г. (№ 128-137), а по-

пала к копиям текстов дипломатических документов за май 1486 г. (№ 48-52), таким образом завершая всю серию копий текстов дипломатических документов 1480 - первой половины 1486 гг. (№ 25-52).

Таким образом, мы приходим к выводу, что никакой экспериментальной "текущей посольской книги" июня-ноября 1486 г. в канцелярии ВКЛ не было. Канцелярия ВКЛ в июне 1486 г. продолжала привычную свою работу, копирование текста документа № 128 присходило так же, как и документа № 52 (см. табл. 1). Как можно понять из контекста монографии Н.Г. Бережкова, он был в плену термина и образа "книги" и не смог освободиться от него, когда рассматривал тексты дипломатических документов 1480-1486 гг. Поэтому он в своем исследовании ввел понятия "сборника" и "посольской книги".

После того, как мы отказались от предположений Н.Г. Бережкова, перед нами встал вопрос: что собой представляли оригинальные канцелярские копии текстов дипломатических документов 80-х годов XV в. в физическом смысле? Для получения ответа нам следует рассмотреть, какие тексты документов другой разновидности составляют книгу-копию ЛМ-4.

При более подробном рассмотрении состава книги-копии ЛМ-4 видно, что тексты более чем тридцати реестров выдачи из скарба 1482-1490 гг. составляют пять разных частей книги-копии ЛМ-4; тексты договоров об аренде мыт также составляют три разные части ЛМ-4; отдельными "тетрадями" в подлиннике явно были "Дань ржовская" и "Список смоленских князей, бояр и слуг". Тексты "листов судовых и данины" 1481-1486 гг. без хронологической последовательности разбросаны по всей книге-копии ЛМ-4, но за 1486-1490 гг. уже имеют признаки "подлинной тетради или книги" - в ЛМ-4 они занимают шестнадцать с половиной листов (33 страницы). Как видим, вся книга-копия ЛМ-4 состоит из отдельных "тетрадей" и "листов", но самое главное, что все они охватывают только 80-е годы XVI в.

По данным описи ЛМ[33], в самом конце XVI в. было переписано около полутораста книг-копий. Но интересно, что в 1596 г. было переписано 12 книг-копий, охватывающих 1528-1568 гг., в 1597 г. - 9 книг-копий 1518-1574 гг. (исключение составляет книга-копия ЛМ-3 1440-1506 гг.), в 1598 г. - 8 книг-копий 1568-1585 гг. Это указывает на то, что переписка книг ЛМ в

1596 г. началась не с самых хронологически ранних книг, а с книг второй четверти XVI в., и наводит на мысль, что именно эти книги имели вид лучшей сохранности, дело с их перепиской обстояло проще. Документация 80-х годов XV в., по всей видимости, представляла собой "архивную россыпь". Но здесь мы должны подчеркнуть очень важное обстоятельство: вся документация ВКЛ 80-х годов XV в. в течение столетия, до конца XVI в., сохранялась в некоем однóм целом, вся она попала в одну книгу-копию - в ЛМ-4.

Вернемся к канцелярским копиям текстов дипломатических документов 80-х годов XV в. По нашему мнению, они представляли собой собрание подложенных "тетрадей" и отдельных листов, некую "единицу хранения", согласно архивной терминологии. Мы можем только констатировать, что самая ранняя канцелярская копия текста дипломатического документа, дошедшая до нас, - 1480 года. Когда в канцелярии ВКЛ впервые началось копирование текстов дипломатических документов - на этот вопрос ответа нет, можем только гадать. Утверждение Н.Г. Бережкова, что в канцелярии ВКЛ в 1486 г. была предпринята попытка "ведения регулярной посольской книги", является в корне и в принципе неверным.

В 80-е годы XV в. канцелярские копии текстов дипломатических документов, а также копии текстов документов других видов ("справ судовых и данины", "аренд", "мыт") были в "тетрадях" и на отдельных листах, но каждый вид копий текстов был собран в самостоятельные и более или менее устойчивые "единицы хранения". Хотя вся канцелярская документация 80-х годов XV в. хранилась собранной в одном месте, в течение столетия часть "тетрадей" и отдельных листов утерялась, остальные перемешались между собой и в таком порядке в конце XVI в. были переписаны в книгу-копию ЛМ-4. Здесь следует привести мнение публикаторов посольской книги Польской Коронной Метрики 1447-1454 гг., которое, к сожалению, не было замечено в историографии: "Метрические книги, называемые первоначально просто реестрами королевской канцелярии, сначала не представляли собою книг в собственном смысле этого слова; это были скорее большие и меньшие связки тетрадей, складываемых по мере надобности из разного на каждый раз числа листов или даже отдельных полулистов бумаги для

записи на них той или другой выходившей из канцелярии грамоты"[34].

Мы рассмотрели только один хронологически ограниченный вид канцелярской документации - копии текстов дипломатических документов 80-х годов XV в.

Сейчас мы переходим к просмотру документального состава "книг листов судовых и данины" за 1492-1506 гг. и постараемся выяснить, как была организована повседневная работа канцелярии ВКЛ в ведении оригинальных "книг", "листов судовых и данины" и что они собой представляли в физическом смысле.

Напомним, что 18 июня 1492 г. великим князем Литовским был избран Александр, а королем польским 27 июня 1492 г. - его брат Ян Ольбрахт. Персональная уния Литвы и Польши временно была прервана.

В книге-копии ЛМ-3 находится серия из 31 текста "листов судовых и данины", охватывающая период с 13 08 1492 по 10 05 1494[35] (серию мы условно обозначим буквой "А"). Серии предшествует заглавие "Данина господарьская, князя великого именья". Так как заглавие в книге-копии ЛМ-3, переписанной в 1597 г., написано почерком основного переписчика актов, а не почерком редактора переписки, можем предположить, что это оригинальное заглавие "серии А", бывшее в "книгах" еще в конце XV в. (По мнению Н.Г. Бережкова, "серия А" является начальным фрагментом "книги данин и листов судовых" №4 по его же систематическому перечню "книг" в их первоначальном составе; по Н.Г. Бережкову "книга" №4 охватывает период с 1492 по 1506 г.[36])

Здесь следует подробнее остановиться на датах актов "серии А". Два последних текста в "серии А" - это тексты двух привилеев писарю вильнюсского воеводы Сеньке Тереховичу от 10 05 1494. Вслед за ними в книге-копии ЛМ-3 (т.е. за "серией А") записаны тексты 5 привилеев тому же С.Тереховичу за 16 05 1496 - 14 06 1498, причем вперемешку по годам[37]. Н.Г. Бережков эти 5 привилеев определял как вставку в подлинной "книге" (с вопросительным знаком)[38].

Акты в "серии А" хронологически последовательны по годам, но по месяцам и по дням хронология не соблюдена. Говорить о "серии А" как о "текущих книгах" не представляется возможным. В качестве гипотезы допустим, что в середине

1494 г. в "книги"-"серию А" были переписаны тексты актов 1492-1494 годов, скопившихся в канцелярии ВКЛ в виде реестров (писарских копий) и имевших характер "архивной россыпи", по современной терминологии. После переписки этих реестров в "книги" "книги"-"серия А" была завершена и представляла собой "единицу хранения" для долгосрочного хранения. Позже, возможно, в 1498 г., к "книгам"-"серии А" были приложены листы с копиями текстов 5 привилеев С.Тереховичу за 1496-1498 гг. Следует отметить, что привилей С.Тереховичу от 06 01 1497, находящийся в "серии А", был своевременно записан в текущую "книги"-"серию Б"[39] (о ней см. ниже).

Наше предположение о самостоятельности "серии А" будем считать рабочей гипотезой, для подтверждения которой требуется выявление других самостоятельных серий; гипотеза о происхождении "серии А" также базируется на опыте изучения всех "книг листов судовых и данины" 1492-1506 гг., что будет изложено ниже.

Кто из писарей подготавливал акты, а кто переписывал их в "книги"-"серию А", данных нет.

Другая, хронологически параллельная "книга"-"серия Б", находящаяся в книге-копии ЛМ-5, начинается писарской записью-заглавием: "Как господарь его милость великий князь Александр сел на Великом княженьи Литовском, августа 1 индикт 10 (т.е. 01 08 1492 - Э.Б.) рассказывал им его милость листы судовые и данину свою писати, писарю своему Федьку Янушковичу; и я, что от того часу листов написал аж и до тых часов, судовых и данину его милости, то тыми разы в тыи книги новые вписываю"[40].

В начальной части "книг"-"серии Б" (мы ее условно обозначим как "подсерию Б-1") записано текстов 15 актов с 23 08 1492 по 23 04 1494[41]. Заметим, что в это же время, параллельно, кто-то из писарей также подготавливал "листы судовые и данину", впоследствии переписанные в "серию А" (см. табл. 2). Четвертый и пятый тексты актов "серии А" подготовлены в Тракай 14 11 1492, а в рассматриваемой нами "подсерии Б-1" есть текст, подготовленный писарем Ф.Янушковичем в Тракай 23 11 1492[42]. Это единственное приблизительное хронологическое совпадение актов "серии А" и подсерии Б-1", остальные же не совпадают даже по месяцам.

Когда Ф.Янушкович в "книги новые" стал переписывать им же подготовленные тексты актов? Мы склонны это отнести к концу апреля 1494 г. В "подсерии Б-1" последние тексты 8 актов, подготовленные писарем Ф.Янушковичем, хронологически компактны и последовательны - с 20 марта по 23 апреля 1494 г. Далее в "книгах"-"серии Б" (в "подсерии Б-2") хронологически последовательно записаны тексты 42 актов с 24 04 1494 по 19 01 1495, которые уже подготавливал писарь Янушко[43], отец писаря Ф.Янушковича. (По мнению Н.Г. Бережкова, "книги"-"подсерию Б-2" и "Б-3" по март 1496 г. вел писарь Янушка[44]. Но в таком случае отождествляются писарь, подготавливавший акты, и писарь, переписывающий их в "книги".)

Как видно из цитированной записи Ф.Янушковича, он в августе 1492 г. по поручению вел. кн. Александра стал одним из писарей, подготавливающих великокняжеские привилеи (о деятельности Ф. Янушковича в качестве писаря в годы правления вел. кн. Казимира данных нет). В апреле 1494 г. Ф.Янушкович в "книги новые" (ведь была "серия А" - "старые книги"?) переписал тексты им же подготовленных актов. Значит, у Ф.Янушковича был реестр - копии текстов им же подготовленных актов. С 24 апреля 1494 г. Ф.Янушкович в "книги" переписывал тексты актов, которые уже подготавливал писарь Янушко. И данные других "книг" указывают на то, что в 1494 г. в канцелярии ВКЛ произошла некоторая реорганизация практической работы: текстом акта от 10 05 1494 завершается "серия А", текстом акта от 29 06 1494 начинается "книги"-"серия В" "листов судовых и данины" (см. табл. 2), текстами от 22 04 1494 завершается первая, а от 11 06 1494 начинается вторая "посольская книга" времен правления вел. кн. Александра[45] (см. табл. 2).

Вернемся к "книгам"-"серии Б". В ее "подсерии Б-3" записаны тексты 20 актов с 20 01 1495 по 31 03 1495[46], причем с некоторым нарушением хронологии. Тексты 14 актов подготовлены писарем Сапегою, 4 - Янушкой, 2 - неуказанным писарем. Если хронологическая последовательность "подсерии Б-2" объясняется тем, что в нее переписан реестр одного писаря (Янушки), то нарушение хронологии в "подсерии Б-3" объясняется тем, что в нее переписаны тексты актов из реестров трех писарей.

В "подсерию Б-4" записаны тексты 34 актов с 11 апреля по 28 сентября 1495 г., подготовленные писарем Янушкой[47]. В "подсерии Б-5" записаны тексты 35 актов с 24 10 1495 по 19 03 1496[48]. Семь тестов актов с 24 10 1495 по 24 02 1496 в Гродно подготовил писарь Сапега, а два 22-24 февраля 1496 г. в Гродно и десять с 15 по 18 марта 1496 г. в Бирштонасе писарь Янушко. На этом серия "Б", вся находящаяся в книге-копии ЛМ-5, завершается.

Как мы уже упоминали, текстом акта от 26 06 1494 начинается третья "книги"-"серия В", содержащая 86 текстов актов по 01 08 1496[49]. "Книги"-"серия В" хронологически параллельна "книгам"-"серии Б", о ее писарях данных нет.

По мнению Н.Г. Бережкова, "серия В" является непосредственным продолжением "серии А", т.е. обе эти серии - фрагменты одной "книги листов судовых и данины" (№ 4), распавшейся ко времени ее переписки в конце XVI в.[50]. Но, как мы уже указывали, их разбивают тексты привилеев С.Тереховичу за 1496-1498 гг. Кроме того, "серия А" находится в книге-копии ЛМ-3, "серия В" - в ЛМ-6 и им обеим хронологически параллельна "серия Б", которая находится в ЛМ-5. А если предположить, что все эти три подлинные "книги"-"серии" в 1492-1496 гг. были самостоятельными (отдельными) завершенными "единицами хранения"?

"Книги"-"серия Г". Она начинается писарской записью: "Как пан Федько з Вильни поехал, я, Янушко, при великом князи остал и вписал есми в книги листы судовые и данину его милости, што кому дано, а што я писал от берестейского сойму ажъ и до виленъского сойму, август 3 день, индикт 14", т.е. до 03 08 1496. За писарской записью следуют тексты 29 актов, подготовленных в Мяркине (Меречь), Тракай и Вильнюсе с 23 марта по 27 июля 1496 г.[51] (мы их обозначаем как "подсерию Г-1").

Сопоставляя цитированную писарскую запись с датами текстов актов "книг"-"серий Б", "В" и "Г", мы можем сделать следующие выводы. Писари Янушко и Сапега до марта 1496 г. подготавливали "листы судовых и данины", которые в "книги"-"серию Б" переписал Ф.Янушкович (?). После Сейма ВКЛ (он состоялся в Бирштонасе 5-18 марта 1496 г.[52]) писарь Янушко сопровождал вел. кн. Александра при его переездах в Мяркине,

Тракай и Вильнюс и продолжал подготавливать "листы судовых и данины", причем их копии ("реестры") оставались у Янушки. В начале августа 1496 г. "пан Федько з Вильни поехал", и Янушка свой "реестр" переписал в "книги", начав таким образом новую "единицу хранения" - "книги"-"серию Г", точнее, ее начальную часть - "подсерию Г-1". Заметим, что "подсерия Г-1", как и вся "книги"-"серия Г", является как бы продолжением "серии В" (см. таблицу 2), а не "серии Б", в которую писарь Ф.Янушкович переписывал "листы судовые и данины", подготовленные Янушкой и Сапегою. Таким образом, Янушка в августе 1496 г. как бы подменил и продолжил работу того писаря, который "листы судовые и данины" переписывал в "книги"-"серию А" и "книги"-"серию В" и в которых до этого не было ни одного подготовленного Янушкой привилея. Тем более, что "серия А" и "серия В", продолжая друг друга, попали в ту же книгу-копию ЛМ-6.

Напрашивается вывод, что "книги"-"серию А" и "книги"-"серию В" вел писарь "пан Федько" и что писарь "Федько" - это не писарь Федька Янушкович, а другое лицо. Правда, в нашем предположении есть внутреннее противоречие. "Книги"-"серия", которую вел Ф.Янушкович, обрывается в марте 1496 г., к подготовке "листов судовых и данины" Ф.Янушкович приступает лишь в марте 1497 г. ("подсерия Д-1", о ней чуть ниже). Это говорит о том, что "з Вильни" поехал писарь Ф.Янушкович. Но это как-то трудно совместить с тем, что Янушка в сделанной записи своего сына называл "паном Федькой". Кроме того, почему Янушка не продолжил уже сложившуюся практику, т.е. почему он свой "реестр", переписанный в "книги"-"серию Г-1", не подложил к "книгам", которые вел Ф.Янушкович (к "книгам"-"серии Б")? Ведь тогда "книги"-"серия Б" имела бы и хронологическое, и логическое продолжение.

Писарь Янушко "пана Федьку" в начале августа 1496 г. подменил не только в ведении "книг лисов судовых и данины", но и в ведении "посольских книг", о чем в них сделал запись: "Как пан Федько з Вильни поехал, а я остал был Янушко. Август 10 день, индикт 14"[53], т.е.10 08 1496.

Кто был "пан Федько"? Косвенные данные указывают на писаря Федьку Григорьевича. Во-первых, писарь Ф. Григорьевич в подавляющем большинстве актов, даже в лично ему

выданных привилеях, именуется просто по имени. В книгах Посольского приказа Русского государства и в русских летописях посол ВКЛ писарь Федька Григорьевич называется "Федькой толстым"[54]. Во-вторых, Ф.Григорьевич был основным писарем, ведавшим ведением посольских книг и подготовкой дипломатических документов в 1486-1498 гг. До 1495 г. Ф. Григорьевича в ведении посольских книг обычно подменял писарь Иван Яцкович Владыка[55]. В-третьих, в "серии В" записан привилей писарю Ф.Янушковичу, который 18 июля 1496 г. в Вильнюсе подготовил "писарь Федька"[56]. Как уже указывали, писарь Ф.Янушкович в марте 1496 г. завершил "книги"-"серию Б", но в июле 1496 г. был в Вильнюсе, а писарь Федька (Григорьевич) подготовил ему великокняжеский привилей.

Выше мы отмечали, что по всем признакам "книги"-"серия Г-1" является продолжением "серии В", поэтому можем считать, что это одна "книги"-"серия". Однако ради удобства нами уже примененную индексацию менять не станем. Последующие "листы судовые и данины" будем помечать как принадлежащие "книгам"-"серии Г".

В "подсерию Г-2" записаны тексты 17 актов от 06 08 1496 - 06 01 1497[57]. Тексты 5 актов с 29 августа по 12 ноября 1496 г. подготовлены писарем Янушкой. Продолжил ли писарь Янушко вести "книги"-"серию Г" после того, как в начале августа 1496 г. в "книги"-"серию Г-1" переписал свои "реестры", трудно сказать.

В "подсерии Г-3" записано 16 актов от 05 03 1497 - 24 05 1497[58]. Заметим, что в это же время писарь Янушко подготавливал акты, а писарь Янушкович переписывал их в другую "книги"-"серию Д" (о ней чуть ниже; см. табл. 2). Можем предположить, что в период с марта по май 1497 г. в канцелярии ВКЛ воцарился прежний порядок: писарь Федька переписывал в "книги" "листы судовые и данину", которые подготавливал или сам, или не известные нам писари, а Ф. Янушкович переписывал "листы судовые и данины", которые подготавливал его отец писарь Янушка (см. ниже, о "серии Д").

В "подсерии Г-4" записаны тексты 7 актов от 11 сентября - 28 октября 1497 г., а в "подсерии Г-5" - тексты 38 актов за целое полугодие, от 20 12 1497 по 27 06 1498[59]. Примечательно, что в этой "подсерии Г-5" есть тексты 18 актов от 26 апреля - 22

июня 1498 г., которые в Вильнюсе подготовил писарь Янушка, а "книги" - "серия Д" в этот период временно не велась (см. табл. 2).

К "подсерии Г-5" после ее завершения были дописаны (об этом говорят даты) тексты 3 актов: текст привилея писарю И.Владыке, подготовленный 12 09 1498 в Тракай, текст привилея, подготовленный 02 11 1498 в Каунасе, и третий, недатированный текст акта. Таким образом, "книги"-"серия Г" завершается текстами актов от июня 1498 г.

Сейчас перейдем к "книгам", которые вел писарь Ф.Янушкович. Как указывалось выше, он в марте 1496 г. завершил "книги"-"серию Б". После более чем годичного перерыва, 13 мая 1487 г., Ф.Янушкович опять приступил к переписке "листов судовых и данины" в "книги", на сей раз в "серию Д" (она находится в книге-копии ЛМ-5, вслед за "серией Б", т.е. "книгами" того же Ф.Янушковича). "Серия Д-1" начинается записью: "Индик 15, месяца мая 13. Я, Федько Янушкович начал писати привилья и листы". В "серию Д-1" записаны тексты 7 привилеев, которые с 28 марта по 12 мая 1497 г. в Витебске, Полоцке, Заскорках, Вильнюсе подготовил писарь Янушка[60].

В "подсерии Д-2" записано 15 привилеев от 15 12 1497 по 22 01 1498[61], подготовленных в Гродно, 5 из них подготовлены писарем Сапегою. За ними записаны заключительная часть текста привилея от 21 мая 1498, текст привилея от 11 сентября 1498 г., подготовленный писарем Владыкою в Тракай (текст привилея, подготовленный в тот же день, есть в "подсерии Г-5") и текст привилея на Магдебургское право от 7 октября 1498 г. Это явно не продолжение "подсерии Д-2". Может быть, это подкладка фрагмента другой "серии" или даже россыпи - ведь текст привилея от 21 мая 1498 г. в книге-копии ЛМ-5 без начала. И это не является заключительной частью продолжения "подсерии Д-2". Ведь то, что должно быть "подсерией Д-3", т.е. реестр писаря Янушки, находится в "серии Г" как "подсерия Г-5" (о ней выше). Таким образом, создается впечатление, что "подсерии" были относительно самостоятельными "единицами хранения". "Книги" формировали из таких "подсерий"-"единиц хранения". Но вопрос, как строго их подкладывали к предыдущим подсериям? Как мы видели, в канцелярии ВКЛ до 1498 г. эта строгость соблюдалась и формировались две хронологи-

чески параллельные "книги листов судовых и данины": одну ("серии А", "В', "Г") вел писарь Федька Григорьевич (?), вторую ("серии Б", "Д") - писарь Ф. Янушкович.

Здесь мы временно прекращаем рассмотрение "серии Д", к ней вернемся чуть ниже.

То, что в книге-копии ЛМ-6 записано вслед за "подсерией Г-5", можно было бы рассматривать как продолжение "серии Г": ведь "подсерия Г-5" завершается текстом привилея от 22 июня 1498 г., если считать дописание - от 2 ноября 1498 г., а идущий за ним текст привилея - от 3 февраля 1499 г. Но этому тексту предшествует писарская запись: "Федько Янушевич, писарь, справлял в Городне, месяца февраля 13 день, индикт 2", т.е. 1499 г. "Справлял" следует понимать как "переписывал в книги", ведь следующие за записью 12 текстов актов с 13 февраля по 26 марта 1499 г. в Гродно и Вильнюсе подготовил писарь Янушко (их мы обозначаем как "подсерию Е-1"). То, что Ф. Янушкович в "книги" переписывал тексты актов, подготавливаемых его отцом писарем Янушкой, подтверждается следующими данными, которые также иллюстрируют профессиональную этику писарей канцелярии ВКЛ. 15 марта 1499 г. в Вильнюсе неуказанный писарь (а не Янушка, как основной писарь, подготавливавший привилеи в те дни) подготовил подтвердительный привилей вел. кн. Александра писарю, наместнику жежмарьскому Ф.Янушковичу, на куплю фольварка Антакальнис на реке Воке. Текст этого привилея в "книги", которые вел Ф.Янушкович, переписал писарь Ф.Григорьевич, сделав в "книгах" запись: "При Федьку писари". "Писарь наш Федько" вместе с кн. Богданом Ивановичем Жеславским и кн. Михаилом Львовичем Глинским были свидетелями выдачи привилея[62].

Вся "подсерия Е-1" охватывает тексты 67 актов за 13 февраля - 18 ноября 1499 г.[63], тексты 17 актов подготовил писарь Янушка. "Подсерия Е-1" является логическим продолжением "книг"-"серии Д" ("подсерии Д-2") и должна бы быть в книге-копии ЛМ-5. Ведь то, что в ЛМ-5 следует за "подсерией Д-2", не является ее продолжением. Может, "подсерия Д-3" (о ней ниже) есть продолжение "книг"-"серии Г"? (см. табл. 2). В таком случае мы можем высказать предположение, что "подсе-

рии Е-1" и "Д-2" поменялись местами и были подложены не к своим "книгам" (аналогично, как и "подсерия Г-1").

"Подсерия Е-2" содержит тексты 10 актов за 14 09 1500 - 19 03 1501, а "подсерия Е-3" - тексты 6 актов за 19 11 1499 - 20 05 1500[64]. "Подсерия Е-2" имеет признаки хронологически последовательной "подсерии", но ее от "подсерии Е-1" отделяет промежуток времени почти в год. Хронологически "подсерия Е-3" должна бы предшествовать "подсерии Е-2", но она не имеет признаков последовательной "подсерии": находящиеся в ней три текста акта датированы 19-20 ноября 1499 г., один - 18 03 1500, два - 19-20 мая 1500. Таким образом, "серия Е" не имеет признаков последовательной "книги листов судовых и данины". Кроме того, тексты актов за 1500 г. распределились по трем хронологически параллельным "сериям Д", "Е" и "Ж". Это подтверждает высказанное нами преположение, что "подсерии" были относительно самостоятельными "единицами хранения".

Н.Г. Бережков "серии В", "Г" и "Е" определял как второй фрагмент "книги данин и судовых справ" (№ 4). Нарушение хронологического порядка "подсерий Е-2" и "Е-3", по мнению Н.Г. Бережкова, "вызвано, может быть, перемещением листов в подлинной книге"[65].

Аналогичную картину, как и в "серии Е", когда сравнительно последовательная "серия" во второй своей части начинает распадаться на самостоятельные "подсерии", наблюдаем в "серии Д".

"Подсерии Д-1" и "Д-2" мы рассматривали чуть выше и отмечали, что за "подсерией Д-2" записаны тексты актов за 21 мая - 7 октября 1498 г., не являющиеся непосредственным продолжением "серии Д", но последующие "подсерии" для удобства мы будем помечать индексом "Д".

"Подсерия Д-3" является крупнейшей как по количеству текстов актов, так и по продолжительности охватываемого периода. В ней записаны тексты 49 актов за 14 11 1498 - 07 06 1499[66], писарем Сапегою подготовлены тексты 3 актов в ноябре-декабре 1498 г. в Мяркине и в Гродно.

Последующие 8 "подсерий Д-4" - "Д-11" содержат в основном по 2-6 текстов актов, причем каждой "подсерии" присуща хронологическая компактность (до одного месяца) и одно мес-

то подготовки текстов актов: "подсерия Д-4" содержит тексты 8 актов за 24 апреля - 4 июня 1500 г., "Д-5" - тексты 6 актов за август-декабрь 1500 г., "Д-6" - тексты 2 актов от 28 мая и 15 июня 1501 г., "Д-7" - тексты 4 актов за декабрь 1500 г., "Д-8" - 1 текст акта от 12 июля 1502 г., "Д-9" - тексты 4 актов за декабрь 1502 г., "Д-10" - это уже не подсерия, так как в ней тексты двух актов, от 31 05 1503 и 28 08 1501, "Д-11" - тексты 12 актов за 5 июня - 29 сентября 1503 г.[67]. Как видим, "подсерии" разделены между собой весьма заметным промежутком времени. Кроме того, "подсерии Д-6" и "Д-7" хронологически поменялись местами. В целом "подсерии Д-4" - "Д-11" оставляют впечатление собрания самостоятельных тетрадей и отдельных листов.

Перейдем к другим "сериям". В книге-копии ЛМ-6 за "серией Е" находятся тексты актов аренды корчом и мыта 1491-1501 гг. (лл. 212-234, ст. лл. 163об, 325-185, 368), а за ними - "серия Ж" "листов судовых и данины", которая начинается текстами трех актов от 17-22 июля 1501 г., двух - от 6-7 августа 1500 г., одним - от 6 октября 1500 г. и недатированным текстом одного акта, их для удобства назовем "подсерией Ж-1"[68]. Собственно это не "подсерия", а смесь, причем тексты актов по хронологии подходят к "подсериям Ж-2" и "Д-6".

"Подсерии Ж-2" и "Ж-3" имеют признаки последовательных писарских реестров: "Ж-2" охватывает тексты 29 актов за 30 марта - 6 ноября 1501 г., "Ж-3" - тексты 11 актов за 5 января - 18 марта 1502 г.[69]. В "подсерии Ж-3", между текстами актов "листов судовых и данины", находятся тексты двух актов об "аренде корчом" от 12-13 января 1502 г., не нарушающие хронологической последовательности подсерии.

"Подсерия Ж-4" включает тексты 3 актов за 29 июня, 26 и 19 июля 1502 г.[70] Текст акта от 26 июля "З росказанья короля его милости пан Сапега писар писал" в Новогрудке, а копию акта от 19 июля, подготовленного неуказанным писарем, для "книг" сделал писарь Янушко: "Справа при Янушку писари в Новогрудку июля 19 день, индик 5", т.е. 1502 г.

"Подсерия Ж-5" включает тексты 14 актов, подготовленных в Минске и Вильнюсе 7 августа - 3 декабря 1502 г., а "подсерия Ж-6" - хронологическую смесь текстов разновидных актов в обратном хронологическом порядке за апрель 1503

- сентябрь 1502 г.: "привилей", "список вещей, отобранных у черкасских казаков", "инвентарь двора Бирштонас" и т.п.[71]

"Подсерия Ж-7" включает тексты 21 акта, подготовленных в Вильнюсе 15 февраля - 31 мая 1503 г., а "подсерия Ж-8" - хронологическую смесь текстов 8 актов за май 1503 - январь 1505 г.[72], один из двух текстов актов от 27 01 1505 "Гринько Громыка писал".

"Серия Ж", находящаяся в книге-копии ЛМ-5, завершается смесью 1503-1505 гг. "Серия Д", находящаяся в книге-копии ЛМ-6, завершается текстом акта от 29 сентября 1503 г. Тексты 10 актов за август 1503 - 18 января 1504 г., подготовленных в Вильнюсе, Межиречьи, Люблине, Кракове ("серия З"), находятся в книге-копии ЛМ-5, за "посольскими книгами" 1492-1505 гг. и за "сборником текстов международных договоров" XV в.[73] (см. табл. 3). По мнению Н.Г. Бережкова, "серия И" - "это или начало новой "книги листов судовых и данины", или обособившийся фрагмент "книги № 3" по его перечню (т.е. обособившийся фрагмент от "серии Б" и "серии Д"): ввиду того, что копия (т.е. ЛМ-5 - Э.Б.) не дает заглавия, которым бы открывалась новая "книга", вероятнее второе"[74].

Хронологически последовательных и многочисленных серий текстов актов за 1503-1505 гг. (за исключением "подсерии-Ж-8") в книгах-копиях ЛМ-5 и ЛМ-6 нет - вел. кн. Александр в это время был в Польше[75].

"Подсерия И" охватывает тексты 6 актов несколько смешанной хронологии, подготовленных в Бресте 8 февраля - 15 марта 1505 г.[76] Один текст привилея "З расказанья короля его милости писал писар Федько Янушкович, наместник володимерский и скерстмонский". "Подсерия И" находится в книге-копии ЛМ-6 за "серией Ж", за ее "подсерией-смесью Ж-8". В книге-копии ЛМ-6 за "подсерией И" записана хронологическая и актовая смесь текстов 6 документов от 1505, 1504, 1505 гг. Мы их обозначаем "серией-смесью К"[77].

"Подсерия Л-1", состоящая из текстов 11 актов от 12 июня - 6 августа 1505 г., подготовленных в Радоме (один) и в Кракове (остальные), находится в начальной части книги-копии ЛМ-6[78], вслед за текстами 4 актов "аренд мыта" от июня 1505 г.

За "подсерией Л-1" в книге-копии ЛМ-6 находится "подсерия Л-2", состоящая из текстов 16 актов за 7 апреля - 8 июля 1506 г., все подготовленные в Вильнюсе[79].

Однако между "подсериями Л-1" и "Л-2", находящимися в ЛМ-6, хронологически вклинивается "подсерия М", находящаяся в книге-копии ЛМ-5 и состоящая из текстов 3 актов, подготовленных 12-26 декабря 1505 г. в Кракове[80].

"Подсерия М" в книге-копии ЛМ-5 находится за "подсерией З" и за двумя пробельными листами; "подсерия М" начинается текстом акта без начала; кроме того, "подсерию М" и все остальные листы до конца, судя по почерку, в книгу-копию ЛМ-5 переписывал другой писарь. Начальная часть "подсерии М", возможно, незначительна - только один-два листа, была утеряна в 70-х гг. XVIII в., когда с книг-копий ЛМ снимались обложки, к ним добавлялись листы с внутренними описями книг-копий и они заново переплетались.

"Подсерия Н"[81], состоящая из текстов 11 актов, подготовленных в Люблине 20 января - 10 марта 1506 г. (один привилей "Копот писал"; здесь же включен один текст отчета мытников, но не нарушающий хронологической последовательности текстов актов), находится в книге-копии ЛМ-6, вслед за "подсерией-смесью К".

"Подсерия О" охватывает тексты 12 актов за 6 июня - 23 июля 1506 г.[82], подготовленные в Вильнюсе. "Подсерию О", записанную в книгу-копию ЛМ-5, от "подсерии Н" (декабрь 1505 г.) отделяет текст акта от 1 марта 1503 г., подготовленный в Бирштонасе.

Н.Г. Бережков "подсерии З", "М" и "О" определял как третий, завершающий раздел книги № 3 (по его перечню), а "подсерии Л-1" и "Л-2" - как один сборник смешанного содержания[83]. Однако, по нашим расчетам, "подсерии М", "Н" и "О" хронологически вклиниваются между "подсериями Л-1" и "Л-2". Кроме того, "подсерии Л-1", "Л-2" и "Н" находятся в разных местах книги-копии ЛМ-6, а "подсерии М" и "О" - в разных местах книги-копии ЛМ-5 (см. табл. 2).

* * *

Как видно из таблицы 2, с 1492 г. по август 1500 г. в канцелярии ВКЛ тексты "листов судовых и данины" копировались для долгосрочного хранения таким образом, что как будто составлялись две хронологически параллельные "серии" - "книги листов судовых и данины". Однако за 1500-1501 гг. вырисовываются уже три такие хронологически параллельные "серии", причем "подсерии" идут вперемешку, нарушая хронологическую последовательность. В дальнейшем, особенно за 1503-1506гг., сравнительно стройная система "книг листов судовых и данины", существовавшая в 1492-1500 гг., начинает полностью распадаться. Нами выявленные "подсерии" чаще всего мелкие, состоящие из текстов нескольких актов, иногда это просто хронологическая смесь текстов отдельных актов. Возможно, что такое явление в некоторой степени можно объяснить и внешними условиями, повлиявшими на работу канцелярии ВКЛ. В мае 1500 г. началась война с Русским государством, вел. кн. Александр до ноября 1500 г. разъезжал по Минску, Борисову, Полоцку и т.д. 17 июня 1501 г. умер король польский Ян Ольбрахт и вел. кн. Александр начал борьбу за избрание его королем Польским. В августе 1501 г. он переехал из Гродно в Мельник и оставался в Польше вплоть до июля 1502 г.; в ВКЛ был с июля 1502 г. по октябрь 1503 г., а в дальнейшем, до ноября 1505 г., он опять в Польше[84].

Не исключено, и это более вероятно, что распад относительно стройной системы повседневной работы канцелярии ВКЛ был связан со сменой поколений в личном составе писарей канцелярии ВКЛ и даже с изменением самого социального статуса писарей и расширения их должностных функций в структуре центрального исполнительного аппарата верховной власти. Писари старшего поколения, начавшие свою деятельность еще при вел. кн. Казимире, к самому концу последнего десятилетия XV в. заканчивают свою деятельность: в 1499 г. умирает Иван Яцкович Владыка, в 1500 г. - Янушка, а в 1502 г. - Федька Григорьевич[85], причем свою карьеру они завершили на той же должности, что и начали - будучи лишь писарями великокняжеской канцелярии (вопрос о их личной роли в корпусе писарей остается открытым). В то же время молодые писари, пришедшие им на смену, во второй половине последнего десятилетия XV в. начинают подниматься по социальной и

служебной лестнице: Федька Янушкович является наместником жежмарским и скерснемунским, в 1506 г. становится старостой луцким и маршалкой земли Волынской; Иван Сапега в 1502 г. уже наместник браславлький и жежмарский, канцлер королевы Елены, умер в 1517 г., будучи воеводой подляшским; Гринька Громыка вскоре становится ключником вильнюсским; Богуш Баговитинович - наместником кремнецким и подскарбием земским.

Вернемся к таблице 2. Из второй ее части, охватывающей 1500-1506 гг., хорошо видно, что сосчитать, сколько "книг" (по представлению Н.Г. Бережкова) "листов судовых и данины" за это время велось в канцелярии ВКЛ, практически невозможно. Эта часть показывает, что в канцелярии ВКЛ скапливались сравнительно самостоятельные, более или менее объемистые "тетради - единицы хранения" ("подсерии"). Мы можем предположить, что эти "тетради - единицы хранения" - подкладывались, формируя две или три более-менее хронологически последовательные "серии", которые мы могли бы называть предтечием канцелярских книг (в современном понимании этого термина) до стадии их переплета. Однако указать точное количество таких книг практически невозможно, так как формирование такой книги могло завершиться в любой момент. Выявленные нами "тетради - единицы хранения" ("серии" и "подсерии") также не дают основания для определения, сколько книг они составляли. Если мы будем хронологически последовательно соединять эти "тетради - единицы хранения", то нам придется лишь гадать или произвольно определять рамки той или иной книги. Именно тогда, когда Н.Г. Бережков хронологически соединил те части книг-копий ЛМ-3, ЛМ-5 и ЛМ-6, которые содержали тексты "листов судовых и данины", он пришел к выводу, что за годы правления вел. кн. Александра в канцелярии ВКЛ велись лишь две хронологически параллельные книги "листов судовых и данины". Одна за август 1492 г. - июль 1506 г. (по нашей индексации "Б" + "Д" + "З" + "М" + "О"), т.е. все тексты "листов судовых и данины", которые находятся в книге-копии ЛМ-5. Вторая книга по Н.Г. Бережкову - за август 1492 г. - март (июль?) 1506 г. (по нашей индексации - "А" + "В" + "Г" + "Е" + "Ж" + "И" + "К" + "Н"), причем Н.Г. Бережков наше "Л" определяет как "сборник смешанного со-

держания", а остальные не понятые им фрагменты ("В", часть "Е", "Ж" и "З") объяснял "перемещением листов в подлинной книге"[86].

Посмотрим, как выявленные нами "серии" и "подсерии" текстов "листов судовых и данины" расположены в книгах-копиях ЛМ-3, ЛМ-5, ЛМ-6 (см. табл. 3). Заметим, что только в книге-копии ЛМ-6 лишь серии "В" и "Г" (между "Г" и "Е" хронологически должна быть "Д"), а также "И" и "К" (перед "И" хронологически должна быть "З", после "К" - "Л") находятся вместе. Однако "Г" не является непосредственным продолжением "В", а "К" - это хронологическая смесь и хронологически параллельная "И" (см. табл. 2). Такое расположение "серий" и "подсерий" в книгах-копиях ЛМ еще раз подтверждает наличие в канцелярии ВКЛ в 1492-1506 гг. относительно самостоятельных "тетрадей - единиц хранения", т.е.в конце XVI в. никакого распада стационарных книг и смешения их фрагментов не происходило. Просто распались "стопки" "тетрадей - единиц хранения". Следует отметить, что в основном эти "тетради" перемешивались с документацией канцелярии ВКЛ других видов - дипломатической, "аренды корчем" и "мыт", скарба, но эта документация также была 1492-1506 гг., т.е. того же периода времени. Вспомним смешение дипломатической документации 80-х гг. XV в. с документацией дугих видов, но того же периода времени, о чем мы говорили выше. По-видимому, не случайно, а как традиция, книги Литовской Метрики в описи 1623 г. (во время их передачи при смене канцлеров) группировались по годам правлений великих князей[87].

Наши выводы о том, что в канцелярии ВКЛ в 1492-1506 гг. исходящая документация копировалась для долгосрочного хранения в "тетради", которые подкладывались одна к другой и формировали "стопки" - что-то предшествующее книгам в современном понимании этого термина, однако так и не переплетенное, - не согласуется с самим источником. Ведь выше мы цитировали писарские записи, в которых фигурируют слова "книги", "в книги вписываю" и т.п. Однако не следует забывать, что терминология письменных памятников XV-XVI вв. и современных им описаний еще не отличалась четкостью. Выделение чего-то, конкретизация, переход понятия на уровень термина и дальше к дефиниции - все это связано с развитием

определенных процессов, в данном случае - с развитием организационных и функциональных сторон повседневной деятельности канцелярии ВКЛ. В нашей статье, посвященной вопросам функционального употребления слова "книги" в канцелярии ВКЛ на уровнях понятия, термина и дефиниции, мы пришли к выводу, что слово "книга" в единственном числе и в понимании этого слова, близкого современному, применительно к документации канцелярии ВКЛ начинает употребляться лишь в самом конце XVI - начале XVII в. В конце XV в. - начале XVI в. слово "книги"(во множественном числе) в канцелярии ВКЛ употреблялось не как "книга" в современном понимании этого термина, а как наименование на уровне понятия всей документации канцелярии ВКЛ, предназначенной для долгосрочного хранения. Возможно, что название "книги" в первую очередь определяло физический и внешний вид делопроизводственной документации и в этом смысле противопоставлялось "столбцам" (свиткам).[88]

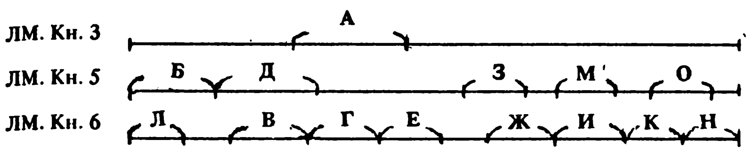
Мы рассмотрели лишь один аспект повседневной деятельности канцелярии ВКЛ в конце XV в., выяснили, каким образом формировались "книги" - документация канцелярии ВКЛ для долгосрочного хранения. С учетом выводов, к которым мы пришли, возникают новые задачи в области изучения деятельности канцелярии ВКЛ и формирования документального комплекса Литовской Метрики. В первую очередь это касается источниковедческого анализа других видов документации - "книг аренд", "книг отправ", "книг посольств" конца XV в. - находящейся в составе книг-копий ЛМ. Изучение этих вопросов тесно связано с изучением персонального состава писарей канцелярии ВКЛ, организации их работы, границ и функций. Изучение этих вопросов, по существу, является исследованием эволюции центрального исполнительного аппарата, его функций и методов работы. Рассмотрение этих вопросов позволит, в их обратной связи к первоисточнику, лучше понять происхождение самого источника, т.е. Литовской Метрики.

Таблица 1. Хронологический перечень текстов дипломатических документов 80-х годов XV в.

№ п/п в РИБ 27	Дата переписки в "книги"	Тексты документов	Писарские записи
36	1480 г. февраль-март	г. Псков Казимиру	Посольство псковское
37	1480 г. февраль-март	Ответ псковским послам	Отказ псковичам
38	1480 г. апрель	Казимир г. Пскову	Посольство до псковичищто король посылал
28	1480 г. апрель-июль	Присяга Азы-Бабы	
29-I	1480 г. август	Казимир Менгли-Гирею	Посольство князем Иваном Глинским
29-II	1480 г. сентябрь	Инструкции И.Глинскому	
29-III	1480 г. сентябрь	Казимир Менгли-Гирею	
30-I	1480 г. ноябрь	Менгли-Гирей Казимиру	Потом Байраш посольствовал
30-II	1480 г. ноябрь	Менгли-Гирей Казимиру	
30-III	1480 г. ноябрь	Менгли-Гирей Казимиру	
30-IV	1480 г. ноябрь	Менгли-Гирей Казимиру	
31	1480 г. ноябрь	Эминек Казимиру	Аминяков ярлык
32-I	1481 г. января 5	Казимир Менгли-Гирею	Отказ тому через ярлыки. З Байрашом послан
32-II	1481 г. января 5	Казимир Менгли-Гирею	Хидир толмач, Тимирчин сын
33	1481 г. январь	Казимир Эминеку	До Аминяк ярлык
34-I	1481 г. февраль	Менгли-Гирей Казимиру	А потом Сидехмат принес ярлык тот
34-II	1481 г. февраль	Менгли-Гирей Казимиру	
35	1481 г. II-я пол. февраля	Казимир Менгли-Гирею	Отпись против того
39	1481 г. март	Стефан III Казимиру	Посольство волоского воеводы. Тое посольство прислано к Вильни
26-I	1481 г. сентябрь	Менгли-Гирей И.Ходкевичу	Тут тот ярлык, что пан Иван Ходкевич с Киева прислал. А другой ярлык теж пан Иван с Киева прислал
26-II	1481 г. сентябрь	Менгли-Гирей И.Ходкевичу	
26-III	1481 г. сентябрь	Менгли-Гирей И.Ходкевичу	
25	1482 г. окт.-дек.	Казимир Абдуле	
40-47	1484 г. август	Шиг-Ахмат, Муртоза и др. Казимиру	Месяца августа, индикт 2. Ярлык от цара Муртазы
48-52	1486 г. май	Менгли-Гирей и др. Казимиру	
54	1486 г. конец года	Иван III Казимиру	
55	1486 г. конец года	Ответ Казимира послу Ивана III	Отказ Федку Мансурову

Т а б л и ц а 2. Схема распределения "книг-тетрадей" канцелярии ВКЛ конца XV в. в книгах-копиях ЛМ конца XVI в.

А		1494 08 13	1494 05 10
В	в-1	1494 04 29	1494 10 26
	в-2	1495 02 22	1495 11 10
	в-3	1496 02 10	1496 08 01
Б	б-1	1492 08 12	1494 04 23
	б-2	1494 04 24	1495 01 29
	б-3	1495 01 20	1495 03 31
	б-4	1495 04 11	1495 09 28
	б-5	1495 10 24	1496 03 19
Г	г-1	1496 03 23	1496 07 27
	г-2	1496 08 06	1497 01 06
	г-3	1497 03 05	1497 05 24
	г-4	1497 09 11	1497 10 28
	г-5	1497 12 20	1498 06 27
Д	д-1	1497 03 28	1497 05 12
	д-2	1497 12 15	1498 01 22
	д-3	1498 11 14	1499 06 07
	д-4	1500 04 24	1500 06 04
	д-5	1500 08 08	1500 12 --
	д-6	1501 05 28	1501 06 15
	д-7	1500 12 03	1500 12 08
	д-8	1502 07 12	
Д	д-9	1502 12 05	1502 12 30
	д-10	1503 05 31	
	смесь	1501 08 28	
	д-11	1503 06 05	1503 09 29
Е	е-1	1499 02 03	1499 11 18
	е-2	1500 09 14	1501 03 19
	е-3	1499 11 19	1500 05 20
Ж	ж-1	1500 08 06	1500 10 06
	ж-2	1501 03 30	1501 11 06
	ж-3	1502 01 05	1502 03 18
	ж-4	1502 06 29	1502 07 26
Ж	ж-5	1502 08 07	1502 12 03
	ж-6	1502 09 28	
	смесь	1503 04 04	
	ж-7	1503 02 15	1503 05 31
	ж-8	1503 05 22	
	смесь	1505 01 27	
З		1503 08 --	1504 01 18
И		1505 02 --	1505 03 15
К	смесь	1504 09 11	1505 12 15
Л	л-1	1505 06 12	1505 08 06
	л-2	1506 04 07	1506 07 08
М		1505 12 12	1505 12 26
Н		1506 01 20	1506 03 10
О		1506 06 21	1506 07 23

А - ЛМ. Кн. 3. Л. 74 об.-87; РИБ. Т. 27. Стлб. 125-154.
Б - ЛМ. Кн. 5. Л. 16-78 (Ст. л. 1-63); РИБ. Т. 27. Стлб. 509-668.
В - ЛМ. Кн. 6. Л. 92 об.-122 (Ст. л. 43, 86-73, 145).
Г - ЛМ. Кн. 6. Л. 122-163 (Ст. л. 73, 145-114, 227).
Д - ЛМ. Кн. 5. Л. 78-139 об. (Ст. л. 63-124 об.); РИБ. Т. 27. Стлб. 662-872.
Е - ЛМ. Кн. 6. Л. 164-212 (Ст. л. 115, 229-163, 325).
Ж - ЛМ. Кн. 6. Л. 234 об. - 286 (Ст. л. 185 об., 369-237, 472).
З - ЛМ. Кн. 5. Л. 309-315 об. (Ст. л. 296-302 об.).
И - ЛМ. Кн. 6. Л. 286 об. - 291 (Ст. л. 237 об., 473-242, 482).
К - ЛМ. Кн. 6. Л. 291-296 об. (Ст. л. 242, 482-247 об., 493).
Л - ЛМ. Кн. 6. Л. 51-63 об. (Ст. л. 2, 3-14 об., 28).
М - ЛМ. Кн. 5. Л. 316-317 об. (Ст. л. 305-306 об.).
Н - ЛМ. Кн. 6. Л. 297-307 об. (Ст. л. 248, 494-258 об., 515).
О - ЛМ. Кн. 5. Л. 321-331 (Ст. л. 310-320).

---

[1] Пташицкий С.Л. Описание. С. 5, 25, 28; Любавский М.К. Сейм. С. 386-388; Любавский М.К. Очерк истории. С. 164-165; Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569-1586): Опыт исследования политического строя. Т. 1. СПб., 1901.

[2] Записка профессора И.И.Лаппо //Летопись занятий императорской археографической комиссии за 1906 год. Вып. 19. СПб., 1908. С. 29.

[3] Бережков Н.Г. Метрика. С. 24-25, 96, 109, 146-149.

[4] Бережков Н.Г. Метрика. С. 118.

[5] РИБ. Т. 27. Стлб. 173-508.

[6] Софийская 2-я летопись //ПСРЛ. Т. 6. С. 335.

[7] Бережков Н.Г. Метрика. С. 118; Л.Голембовски (с. 234) считал, что это письмо Обдулы Казимиру, а датировал его 1478 г.; К.Пуласки (с. 200) считал, что это письмо Казимира крымскому хану Менгли-Гирею, а датировал его 1478 г.

[8] Софийская 2-я летопись //ПСРЛ. Т. 6. С. 385.

[9] Бережков Н.Г. Метрика. С. 118; Т. Нарбут (с. 220) упоминание о смерти Махмеда считал упоминанием о смерти хана Большой орды Ахмета 6 января 1481 г., а ярлыки датировал 1482 г.; Л.Голембовски (с. 235) ярлыки датировал 1478 г.; К.Пуласки (с. 201) ярлыки датировал 1478 г.; Ф.Папэ (с. 62-63, 88, 96-97) перевод даты ярлыков на Юлианский календарь сделал правильно, также правильно указал, что в публикации К.Пулаского вся переписка 1480-1481 гг. ВКЛ с Крымом датирована ошибочно, документы переставлены местами и поэтому дают неправильное изложение событий.

[10] Itinerarium. P. 382.

[11] Т.Нарбут (с. 38), Л.Голембовски (с. 234), К.Пуласки (с.202), Ф.Папэ (с.61), Н.Г. Бережков (Метрика. С. 118) текст присяги Азы-Бабы датировали 1479 г. Только В.К.Базилевич (с.148) текст присяги датировал 1480 г.

[12] К.Пуласки (с. 203) инструкцию И.Глинскому датировал 1479 г., а письмо Казимира Менгли-Гирею 1480 г.; Ф.Папэ (с. 61) все док. № 29 I-III датировал весной 1480 г.

[13] Л.Голембовски (с. 326) письмо Казимира Эминеку датировал 15 января 1486 г.; К.Пуласки (с. 207) - 1480 г.

[14] Л.Голембовски (с. 236) и К.Пуласки (с. 207) ярлыки Менгли-Гирею датировали 13 января 1480 г.

[15] Издатели АЗР (с. 93-95) и ГВНП (с. 325) на основе других подсчетов дипломатические послания г. Пскова Казимиру также датировали 1480 г.; Н.Г. Бережков (Метрика. С. 89, 118) док. № 36-38 датировал 1479-1480 г.

[16] Itinerarium. P. 382.

[17] Коланковски Л. С. 349.

[18] Базилевич К.В. С. 248.

[19] Sulkowska-Kurasiowa I. Polska kanceliaria krolewska w latach 1447-1506. Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1967. P. 18.

[20] Бережков Н.Г. Метрика. С. 88-89.

[21] Itinerarium. P. 382.

[22] Сб. РИО. Т. 41. С. 14.

[23] Бережков Н.Г. Метрика. С. 88-89.

[24] Itinerarium. P. 388.

[25] Бережков Н.Г. Метрика. С. 89.

[26] ЛМ. Кн. 4. Л. 104 (Ст. л. 86); РИБ. Т. 27. Стлб. 326.

[27] ЛМ. Кн. 4. Л. 153об. (Ст. л. 138об).

[28] Бережков Н.Г. Метрика. С. 34.

[29] Бережков Н.Г. Метрика. С. 92.

[30] Бережков Н.Г. Метрика. С. 92-93.

[31] Itinerarium. P. 387-392.

[32] Itinerarium. P. 388-390.

[33] Пташицкий С.Л. Описание. С. 81-162.

[34] Книги польской Коронной Метрики XV столетия. Том I: Книга 1447-1454 гг. //Юридические памятники, издаваемые Варшавским главным архивом древних актов. Варшава, 1914. Вып. 2. С. 5.

[35] ЛМ. Кн. 3. Л. 74об.-87; РИБ. Т. 27. Стлб. 125-154.

[36] Бережков Н.Г. Метрика. С. 77, 117, 141.

[37] ЛМ. Кн. 3. Л. 87-87 об.; РИБ. Т. 27. Стлб. 154-161.

[38] Бережков Н.Г. Метрика. С. 117.

[39] ЛМ. Кн. 3. Л. 87; ЛМ. Кн. 6. Л. 137об.-138 (Ст. л. 88об. 176-89, 178); РИБ. Т. 27. Стлб. 154.

[40] Лм. Кн. 5. Л. 16. (Ст. л. I); РИБ. Т. 27. Стлб. 509-510.

[41] ЛМ. Кн. 5. Л. 16-22 (Ст. л. 1-7); РИБ. Т. 27. Стлб. 509-526.

[42] ЛМ. Кн. 3. Л. 75об.-76; ЛМ. Кн. 5. Л. 17об-18 (Ст. л. 2об.-3); РИБ. Т. 27. Стлб. 128-129, 515-516.

[43] ЛМ. Кн. 5. Л. 22об.-39 (Ст. л. 7об.-24); РИБ. Т. 27. Стлб. 527-569.

[44] Бережков Н.Г. Метрика. С. 97-98.

[45] ЛМ. Кн. 5. Л. 141, 166 (Ст. л. 126, 153); Бережков Н.Г. Метрика. С. 98, 120, 147.

[46] ЛМ. Кн. 5. Л. 39об.-48 (Ст. л. 24об.-33); РИБ. Т. 27. Стлб. 569-593.

[47] ЛМ. Кн. 5. Л. 48-66 (Ст. л. 33-51); РИБ. Т. 27. Стлб. 593-635.

[48] ЛМ. Кн. 5. Л. 66-78 (Ст. л. 51-63); РИБ. Т. 27. Стлб. 636-668.

[49] ЛМ. Кн. 6. Л. 92об.-122 (Ст. л. 43об., 86-73, 145).

[50] См.: Бережков Н.Г. Метрика. С. 99, 123, 141.

[51] ЛМ. Кн. 6. Л. 122-132об. (Ст. л. 73, 145-83об., 166).

[52] Любавский М.К. Сейм. С. 132; Бережков Н.Г. Итинерарий. С. 186; Коланковски Л. С. 425; Neuman M. Itinerarium. P. 124-125.

[53] ЛМ. Кн. 5. Л. 188об. (Ст. л. 175об.).

[54] Сб. РИО. Т. 35. № 42 ; Т. 41. С. 316.

[55] ЛМ. Кн. 5. Л. 165об., 176 об., 177, 212 (Ст. л. 152, 163об., 164, 199).

[56] ЛМ. Кн. 6. Л. 119об.-120 (Ст. л. 70об., 140-71, 141).

[57] ЛМ. Кн. 6. Л. 132об.-138 (Ст. л. 83об.-166-89, 177).
[58] ЛМ. Кн. 6. Л. 138-144 (Ст. л. 89, 177-95, 189).
[59] ЛМ. Кн. 6. Л. 144-163 (Ст. л. 95, 189-114, 227).
[60] ЛМ. Кн. 5. Л. 78-83 (Ст. л. 63-68); РИБ. Т. 27. Стлб. 668-682.
[61] ЛМ. Кн. 5. Л. 83-88 (Ст. л. 68-73); РИБ. Т. 27. Стлб. 683-698.
[62] ЛМ. Кн. 6. Л. 167об.-168 (Ст. л. 118об., 236-119, 237).
[63] ЛМ. Кн. 6. Л. 164-203об. (Ст. л. 115, 229-154об., 308).
[64] ЛМ. Кн. 6. Л. 204-208; 209-212 (Ст. л. 145, 309-149, 317; 160, 319-163, 325).
[65] Бережков Н.Г. Метрика. С. 99, 123, 141.
[66] ЛМ. Кн. 5. Л. 91-113 (Ст. л. 76-98); РИБ. Т. 27. Стлб. 706-785.
[67] ЛМ. Кн. 5. Л. 114-118об., 118об.-122об., 123-123об., 123об.-125об., 125об.-126об., 126об.-129об., 130-131, 134-139об. (Ст. л. 99-103об., 103об.-107об., 108-108об., 108об.-110об., 110об.-111об., 111об.-114об., 115-116, 116-124об.; РИБ. Т. 27. Стлб. 787-803, 803-817, 817-819, 820-826, 827-829, 829-839, 840-843, 844-872.
[68] ЛМ. Кн. 6. Л. 234об.-237об. (Ст. л. 185об., 369-188об., 375).
[69] ЛМ. Кн. 6. Л. 238-250об., 250об.-255об. (Ст. л. 189, 376-201, 401; 201 об., 401-206об., 411).
[70] ЛМ. Кн. 6. Л. 256-258 (Ст. л. 207, 412-209, 416).
[71] ЛМ. Кн. 6. Л. 258-265об., 265об.-267об. (Ст. л. 209, 416-216об., 431, 216об., 431-218об., 435).
[72] ЛМ. Кн. 6. Л. 262-281об., 281об.-286 (Ст. л. 219, 436-232об., 463; 232об., 463-237, 472).
[73] ЛМ. Кн. 5. Л. 309-315об. (Ст. л. 296-302об.).
[74] Бережков Н.Г. Метрика. С. 97-98, 120-121, 141.
[75] Бережков Н.Г. Итинерарий. С. 190-191; Neuman M. Itinerarium. P. 128-154.
[76] ЛМ. Кн. 6. Л. 286об.-291 (Ст. л. 237об., 473-242, 482).
[77] ЛМ. Кн. 6. Л. 291-296об. (Ст. л. 242, 482-247об., 493).
[78] ЛМ. Кн. 6. Л. 51-55об. (Ст. л. 2, 3-6об., 12).
[79] ЛМ. Кн. 6. Л. 55об.-63об. (Ст. л. 6об., 12-14об., 28).
[80] ЛМ. Кн. 5. Л. 316-317об. (305-306об.).
[81] ЛМ. Кн. 6. Л. 297-307об. (Ст. л. 248, 494-258об., 515).
[82] ЛМ. Кн. 5. Л. 321-331 (Ст. л. 310-320).
[83] Бережков Н.Г. Метрика. С. 61, 97-98, 120-121, 124, 141.
[84] Бережков Н.Г. Итинерарий. С. 189-191; Neuman M. Itinerarium. P. 128-154.
[85] Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386-1795. Krakow, 1885.
[86] Бережков Н.Г. Метрика. С. 119-124, 141.
[87] ОРГПБ. Ф. 971. Автограф 124. № 29.
[88] Banionis E. Lietuvos Metrikos knygos: Sąvoka, terminas, definicija //Lietuvos istorijos metraštis. 1988 metai. V., 1989. P. 135-148.

ВАЛЕРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ МЕНЖИНСКИЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СОСТАВ КНИГ ЗАПИСЕЙ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ ЗА 1522-1552 ГГ.

В данной статье объектом изучения является одна из групп книг ЛМ - книги Записей. Книги Записей - важнейшая структурная часть ЛМ, содержащая актовый материал массового характера, вышедший из великокняжеской канцелярии. Комплексному подокументному исследованию подвергнуто 18 книг записей ЛМ-12-33 за период с 1522 по 1552 гг.

Проведенный автором подсчет сохранившегося и дошедшего до нас актового материала дает картину его временного, географического и тематического расклада (см. табл. 1, 2). Общее число документов книг ЛМ-12-33 достигает 4886 единиц. Очень богаты актами книги ЛМ-12, 14, 17, в которых насчитывается соответственно 769, 907 и 520 документов. Значительное число их содержится в книгах ЛМ-15, 18, 19, 24, 25, 31, в каждой - свыше 200 документов (см. табл. 1). Свыше 150 документов содержится в книгах ЛМ-20, 21, 23, 28, 30, 33, 100 и менее - в книгах ЛМ-13, 32.

Датировка входящих в книги ЛМ документов дает возможность установить хронологию каждой подлинной книги, определить время ее создания, указывает на процесс накопления записей. Распределение документов по годам отражает интенсивность работы канцелярии ВКЛ. В 20-е - 50-е гг. XVI в. канцелярией ВКЛ выдавалось и заносилось в книги ежегодно в среднем по 166 актов. Для сравнения заметим, что в канцелярии Русского государства в это же время производилось 50 грамот в год.[1] Наибольшее количество грамот выдано в 20-е г., в начале 30-х и 40-х гг. Особенно нужно выделить 1537, 1546, 1547 гг., а вот за 1543, 1544 гг. выдано всего по одной-две грамоте, за 1545-й - ни одной. При этом просматривается динамика роста по десятилетиям числа первичных жалованных грамот со сведениями по землевладению с 54,5 % в 20-е гг. до 81,6 % в 50-е гг. Стабильным оставался процентный показатель - 97,6

% документов по землевладению среди подтвердительных актов[2].

Примечательной особенностью комплекса книг Записей ЛМ является их тематическая компактность. Из этого комплекса к истории землевладения ВКЛ относится свыше 91 % актов книг ЛМ-18, 25, около 75 % и более актов книг ЛМ-12, 20, 21, 30, 31, 32, III.А.28 и более 60 % актов книг ЛМ-13, 17, 19, 23, 24, 28. Отмеченная тематическая компактность книг Записей ЛМ делает их первостепенным источником по истории землевладения. Приведенное в табл. 1 тематическое распределение документов свидетельствует также об аграрном характере экономики ВКЛ в первой половине XVI в. Так, 3343 документа (68,5 %) содержат сведения по аграрной истории (главным образом по землевладению), а остальные 1543 (31,5 %) документа относятся к другим темам социально-экономической и политической истории.

В региональном отношении комплексы актов глубоко диспропорциональны. Это видно из табл. 2, где по четырем регионам Княжества учтено количество документов по землевладению и другим темам. Ниаболее репрезентативен по количественным и видовым показателям документальный комплекс Белоруссии и Литвы. На их долю приходится соответственно 45,8 и 30,1 % всего материала. Значительно меньше документов содержится в книгах Записей по территории Украины (14,7 %), совсем немного (9,4 %) - по территории Подляшья. Адекватность реконструкции истории отдельных регионов ВКЛ находится в прямой зависимости от полноты и видового состава региональных источников. Поэтому наибольшие возможности для достоверного воспроизведения истории открывают документальные материалы книг Записей для Белоруссии и Литвы.

В структуре региональных документальных комплексов наиболее высок удельный вес поземельных актов, составляющих подавляющее большинство в общем массиве источников, - более 3343 единиц. Из 3343 документов по землевладению к территории Белоруссии относятся 48,2, Литве - 28,5 Украине - 14,2 и к Подляшью - 9,1 %. Полученные цифры говорят о высокой концентрации землевладения в Белорусси и Литве и соответственно о пристальном внимании правительства к этим

территориям. Несколько иные процентные показатели документов, относящихся к другим темам. К Белоруссии таких документов относится 40, Литве - 33,7, Украине - 15,9, а к Подляшью - 10,4 %. Здесь также наиболее репрезентативен документальный комплекс Белоруссии и Литвы.

Внутри каждого региона документы по землевладению преобладают над другими. По Белоруссии это 73,9 % к 26,1 %, по Литве, Украине и Подляшью - 67 % к 33 %. При этом следует отметить, что документы касаются в основном светского землевладения, а не церковно-монастырского. В этом существенное отличие книг Записей ЛМ от аналогичных книг Северо-Восточной Руси. Так, например, общее число подсчитанных держателей документов в Белоруссии за 1522-1552 гг. доходит до 1356 юридических лиц. Основную группу их составляли светские феодалы - 1226 грамотчиков. Из них 35-40 фамилиям крупных феодалов принадлежало 260 учтенных грамот. За 1522-1552 гг. семья каждого грамотчика из мелких и средних феодалов имела, как правило, не больше двух грамот, чаще - одну. По одной-две грамоты за этот период было выдано 49 лицам духовного сословия, 54 мещанам, 27 крестьянам[3].

Таким образом, табл. 2 отчетливо показывает численное доминирование документов по землевладению по всем книгам во всех регионах княжества. Основная масса их относится к Белоруссии и Литве, затем следует Украина и Подляшье. Это говорит о том, что во всех частях Княжества в центре внимания правительства были вопросы землевладения. Особое внимание при этом уделялось Белоруссии, где широко внедрялось землевладение литовских по происхождению панов, и Литве, где находились их родовые вотчины. Отчасти большой удельный вес документов по Белоруссии и Литве можно объяснить значительными размерами территорий.

Отличие копийных книг Записей ЛМ за вторую четверть XVI в. от копийных книг этого времени в Русском государстве выражается в том, что они состоят исключительно из документов, вышедших от великого князя, центральной и местной администрации, и лишь 38 документов относятся к частным.

При этом отдельные книги представляют собой не просто механическую сводку копий с единичных актов, а сборники с

особой системой подбора материала, как, например, книги ЛМ-13, 17, 25, носящие следы канцелярской редакции. Документы в них расположены в известном порядке, который обнаруживает своего рода подборку актов по адресатам. В книге ЛМ-13 по 15 адресатам, а в книге ЛМ-25 у 31 адресата насчитываетя по несколько документов[4]. Списывая в особые книги тексты некогда пожалованных или тут же написанных актов, канцелярия великого князя не только сохраняла их для исторической памяти, но и стремилась удовлетворить потребность в оправдательной документации на владение имуществом.

Рассмотренный выше массив документов книг Записей ЛМ-12-33 в данной работе расклассифицирован в соответствии с современным инструментарием дипломатики. За основу взята схема классификации источников, предложенная С.М.Каштановым[5]. Согласно ей все источники разделяются на виды, в зависимости от их происхождения в сфере социально-экономических, социально-политических или семейных отношений. Дальнейшая классификация ведется по принципу авторства с целью разделения документов на частно-правовые и публично-правовые. К первым (число их в ЛМ невелико) относятся документы, оформленные частными лицами: данные, духовные, купчие, меновные, раздельные, заемные, льготные грамоты своим вассалам, зависимым крестьянам, мещанам и другие. Ко вторым (их в ЛМ подавляющее большинство) относятся документы правительственного происхождения: жалованные грамоты, закрепляющие землю и другую недвижимую собственность за феодалами, утверждающие судебные привилегии, освобождающие землевладельцев от налогов и повинностей, предоставляющие право на сбор торговых и таможенных пошлин, на устройство городов, местечек, ярмарок, аренду корчем и другие; акты и грамоты феодального суда; уставные грамоты ("уставы", "выроки", "привилеи"), выданные великокняжеской администрацией городам, волостям, господарским мещанам и крестьянам.

Классификация актового материала по видам и разновидностям актов позволяет глубже проникнуть в сущность изучаемой проблемы. Разбивка актов по разновидностям уже сама по себе говорит о характере тех или иных явлений социально-

экономической истории. Например, преобладание в книгах ЛМ подтвердительных актов над жалованными помогло сделать вывод о начавшемся перераспределении земли между различными прослойками класса феодалов.

Автором учтена также классификация актов книг Записей ЛМ, предложенная Н.П.Ковальским применительно к украинскому материалу[6]. Дискуссия, развернувшаяся на научной конференции по Литовской Метрике в г. Вильнюсе (апрель 1988 г., см. тезисы)[7], показала необходимость проведения дальнейших исследований в области научной терминологии и классификации документов книг ЛМ.

В зачаточном виде дипломатическая терминология актов, специфическая для территории ВКЛ, дана уже в заголовках актов книг ЛМ. За указанный период насчитывается более 30 оригинальных названий документов, которые будут приведены ниже.

В соответствии с терминологией источника и принятой в дипломатике классификации актов, документы великокняжеской канцелярии подразделяются на следующие виды:

1. Документы договорно-законодательного характера - пожалования и подтверждения, уставные привилеи территориям.

2. Документы распорядительные, распорядительно-договорные - "листы" указные, известительные, записи, льготные.

3. Судебно-процессуальные документы - "листы" судовые, позывные, "выроки", "декреты" и др.

4. Договорные частные документы - купчие, духовные, дельчие, веновные, заставные акты.

5. Внешнеполитические акты - договоры, текущая дипломатическая переписка, отчеты послов, "верующие", охранные, "подводные", "опасные" и др. грамоты, обеспечивающие практическую деятельность дипломатов.

Если документов последних двух видов в книгах Записей ЛМ насчитывается незначительное количество (соответственно 38 и 64 акта, см. табл. 1), то первые два вида документов составляют подавляющее большинство. В оригинальных названиях документов первого вида доминируют термины "лист", "привилей", "потверженье". Из этой массы актов выде-

ляется большая группа документов на первичные пожалования или жалованные грамоты.

Автором отобран из книг Записей ЛМ-12-33 и сведен в таблицу 3 комплекс документов, которые можно отнести к разновидности жалованных грамот ("привилеев", "данин"). Всего насчитывается 1187 жалованных грамот. Большинство их содержит сведения по землевладению. Так, из 596 белорусских жалованных грамот книг ЛМ-12-33, 398 (66,8 %) относятся к теме истории землевладения, остальные 198 (33,2 %) - к другим темам. По этой разновидности грамот удельный вес относящихся к другим темам вéлик. Это объясняется большим числом пожалований на должности и замещению мест по управлению. Среди книг Записей большим числом жалованных грамот располагают книги ЛМ-12, 17, 18, 24, 25, 31. Значительно меньше их в книгах ЛМ-13, 15, 19, 21, 23, 32. Много жалованных грамот с материалом о землевладении в книгах ЛМ-17, 18, 24, 25, 28, 30, 31. В книгах ЛМ-12, 15, 20 преобладают жалованные грамоты по другим темам.

Жалованные грамоты принадлежат к наиболее важным типам актовых источников как по количеству дошедших до нас грамот, так и по значению содержащихся в них сведений о феодальном землевладении. Разновидности жалованных грамот определялись А.Л.Хорошкевич и С.М.Каштановым в основном по аналогии с русским материалом[8].

Особенностью содержания жалованных грамот в ВКЛ по сравнению с жалованными грамотами в Русском государстве является то, что в них, как правило, речь идет о предоставлении владельческих прав на земли, воды и другие угодья и реже о пожаловании иммунитетных привилегий. Однако ошибочно делать на этом основании вывод о слабом развитии иммунитета. Напротив, широкое распространение иммунитета привело к сокращению выдачи иммунитетных грамот. Они выдавались в том случае, если принадлежность получателя к числу иммунистов вызывала какие-либо сомнения. Очень редко встречаются грамоты, регулирующие вопросы, связанные с судебным иммунитетом, мало грамот охранного характера.

Жалованные грамоты помогают раскрыть конкретные пути образования земельной собственности отдельных феодалов.

Они служат наиболее достоверными свидетельствами совершившегося пожалования земель. Это также незаменимый источник для изучения вопроса о переходе государственных великокняжеских земель в руки светских феодалов, хотя и не всегда точно можно датировать такой переход. Пользуясь этим источником, нельзя забывать о том, что зачастую данная грамота оформляла захват великокняжеских земель, еще ранее совершенный феодалом. Кроме того, жалованные грамоты дают материал по вопросам земельной политики великих князей литовских в Княжестве. По преобладанию в различные периоды тех или иных субъектов великокняжеских пожалований можно судить о поддержке ими того или иного слоя населения. Жалованные грамоты отражают социальную и хозяйственную историю ВКЛ, степень распространения различных видов феодального землевладения (панского, княжеского, церковного, боярского, земянского, мещанского и т.д.). Для изучения истории феодального землевладения особую важность представляют имеющиеся в них топонимические и генеалогические сведения, поскольку с формированием феодализма появились и названия, отвечающие на вопрос "чье", и, как правило, образованные от имен собственных. В Белоруссии это названия с суффиксом - ичи[9].

Другой не менее многочисленной разновидностью грамот в книгах Записей ЛМ-12-33 являются подтвердительные грамоты ("потвержение", "конфирмация", см. табл. 4). Всего насчитывается 1084 подтвердительных грамот. Очень богата подтвердительными грамотами книга ЛМ-12, в которой их 337. Значительное число грамот имеется в книгах ЛМ-17, 20, 24, 25, 31. В то же время в книгах ЛМ-14, 15, 19, 32 их совсем мало. Особенностью подтвердительных грамот является то, что по содержанию они почти все относятся к теме землевладения. Так, например, из 524 белорусских подтвердительных грамот, выявленных в книгах ЛМ-12-33, 500 (95,4 %) содержат сведения по землевладению.

В подтвердительных грамотах великий князь от своего имени подтверждал ранее сделанное пожалование. Ценность подобных грамот в том, что они часто сообщают о более ранних пожалованиях, о которых не сохранилось никаких сведений.

Иногда в таких грамотах говорится о пожалованиях, сделанных за много лет до выдачи самой грамоты. Особым видом подтвердительных грамот являются акты, подтверждающие прежние жалованные грамоты феодалу, которые потерялись, сгорели во время пожара и т.д. Когда правительство не имело копий пропавших грамот, оно подтверждало их в общих чертах, без перечисления отдельных объектов владения. Эту неопределенность в обозначении земель феодалы умело использовали: они захватывали соседние земли крестьян и других феодалов, а при возникновении судебного дела о таком захвате ссылались на подобную подтвердительную грамоту.

В отличие от Руси, где грамоты подтверждались простой подписью на их обороте, в ВКЛ подтвердительные грамоты имели тщательно разработанный формуляр, подробный начальный и конечный протокол. Подтвердительные появляются в огромном количестве в княжение Сигизмунда I. Это объясняется не только чисто формальным моментом - сменой великого князя, подтверждавшего пожалования отца, сколько мобилизацией земли шляхтой, зашедшей настолько далеко, что возможности новых пожалований значительно сократились, а ценность земли повысилась. Это вызывало желание феодалов защитить и подтвердить свои права на землю. Как видно из табл. 4, почти все подтвердительные грамоты содержат сведения по землевладению, а по ряду книг Записей к территории Белоруссии их относится больше, чем ко всем остальным регионам вместе взятым. Думается, что наступление землевладения литовских феодалов на белорусские земли поддерживало у них постоянный стимул к обновлению ранее выданных документов на земли в этом регионе. С другой стороны, пограничное положение Белоруссии в составе ВКЛ побуждало правительство всячески поддерживать установленные там юридические нормы, административные правопорядки.

О растущей мобилизации земли свидетельствует также большой удельный вес среди подтвердительных грамот купчих. Подтвердительная купчей носила название "дозволеного листа", "потверженого листа", "потверженья". Подтвердительные купчие грамоты - важный источник по истории землевладения в ВКЛ, в том числе и Белоруссии, так как они, в отличие

от центрально-русских, содержат сведения о социальном положении продавцов и покупателей земли. Анализ содержания подтвердительных купчих четко показывает направление социального развития. Земли концентрировались в руках крупных и средних феодалов (панов, князей и др.), а вместе с землями собирались и документы, удостоверявшие права владения этой землей. Другие же прослойки теряли земли, в связи с чем у них исчезала необходимость в сохранении земельных документов.

В сфере социально-политических отношений возникли уставные грамоты, исходящие, как правило, от великих князей литовских. Уставные грамоты с самоназванием "привилей" были общеземскими и областными, даже волостными. Первые регламентировали основные принципы управления и суда различных социальных категорий населения на всей территории ВКЛ. Последние выдавались населению крупных административных единиц (земель, волостей) и были посвящены регламентации широкого круга вопросов относительно положения различных слоев населения, статуса должностных лиц, функционирования суда, торговли и т.д. О построении заголовков данной и других разновидностей грамот (см. работу А.Л.Хорошкевич, С.М.Каштанов "Методические рекомендации по изданию и описанию ЛМ"[10]). Всего в книгах ЛМ выявлено 16 уставных грамот. Из них 7 находится в книге ЛМ-13, 3 - в книге ЛМ-15, по две - в книгах ЛМ-19, 28, по одной - в книгах ЛМ-12, 23[11].

Среди распорядительных документов книг Записей ЛМ самыми распространенными являются акты с самоназванием "лист" или указные грамоты. С их помощью представители центральной власти (великий князь литовский, Рада панов, канцлер, воевода вильнюсский и др.) сообщали местным властям о своих распоряжениях и ставили их в известность о том или ином пожаловании третьим лицам.

Общее количество указных грамот достигает 1589 единиц (см. табл. 5). Среди регионов Княжества Белоруссии принадлежит первое место по численности указных грамот ("листов") в книгах ЛМ-12-33, что является отражением более пристального внимания правительства к этой территории. Из 660

белорусских указных грамот 422 (63,9 %) относится к землевладению, 238 (36,1 %) - к другим вопросам. Среди книг Записей за вторую четверть XVI в. выделяется книга ЛМ-14, которая включает более половины всех указных грамот (821), имеющихся в книгах. Значительное число указных грамот содержится в книгах Записей ЛМ-12, 17, 19, 21, 25, подавляющее их большинство относится к теме: история землевладения.

Характерно, что больших тематических расхождений между жалованными и указными грамотами нет. В обеих речь идет об установлении земельных прав. Правда, в отдельных указных грамотах освещаются такие вопросы, которые в жалованных грамотах не находят отражения. Однако формуляр указных грамот более описательный, чем у жалованных, и как бы включает содержание последних. Тенденция к составлению нечетких, описательных формуляров указанного вида грамот, свидетельствует о переходном этапе в истории ограничения феодального иммунитета. С одной стороны, правительство еще не решалось делать по некоторым иммунитетным вопросам прямые распоряжения своим агентам (в указных грамотах) и использовало в ограничительных целях формулу жалованных грамот. С другой стороны, сами феодалы стремились получить жалованную грамоту как документ более авторитетный и с большим сроком сохранения юридической силы, чем указная грамота.

В некоторых случаях постановления указных грамот создавали прецедент для выдачи жалованных грамот. Особый интерес представляют те дела, когда вслед за указной выдавалась жалованная грамота, оформлявшая незаконные сделки между феодалами на крестьянскую землю или ее самовольный захват. Здесь ярко выступает роль феодального государства, дающего высшую санкцию образованию феодальной земельной собственности. Хотя указные и жалованные грамоты дают возможность констатировать лишь некоторые подобные случаи, значение их велико, ибо они позволяют судить о более широкой практике оформления самовольных захватов земли феодалами путем княжеских грамот.

Изучаемые указные грамоты втрой четверти XVI в. в соответствии с их содержанием можно разбить на следующие руб-

рики: 1. Грамоты, устанавливающие земельные права феодалов, их в книгах Записей ЛМ большинство; 2. Грамоты, предоставляющие право на организацию промыслов, ведение торговли и сбор таможенных пошлин; 3. Грамоты, регулирующие вопросы, связанные с податным, судебным и охранным иммунитетом феодального землевладения; 4. Грамоты, устанавливающие земельные и иммунитетные права одновременно. Часто приходится иметь дело с указными грамотами сложного состава, которые нельзя включить в состав какой-либо устойчивой разновидности. В одной грамоте можно обнаружить несколько частей, отражающих самостоятельные разновидности грамот, но находящихся в конкретно взятой грамоте в неразрывном комбинационном единстве. Из комбинированных типов грамот наиболее часто встречаются указные-жалованные.

Близкими по значению к указным грамотам являются "листы", "листы вызнаные" великих князей литовских жителям определенных местностей с сообщением о юридических действиях и других акциях, предпринятых государственной властью и так или иначе затрагивающих интересы адресатов (о пожаловании отдельных территорий вместе с их населением комулибо на правах собственности или в кормление и т.п.) Все эти разнообразного содержания грамоты А.Л.Хорошкевич предлагает называть известительными[12]. Известительных грамот в книгах ЛМ-12-33 немного, всего 36. 8 из них относится к территории Белоруссии. Книга ЛМ-14 содержит 8 известительных грамот, книга ЛМ-17 - 6 грамот, по пять грамот находится в книгах ЛМ-15, 28, по две грамоты - в книгах ЛМ-13, 20, 21, 30, три грамоты в книге ЛМ-12 и одна - в книге ЛМ-23[13].

В таблицу 6 выделены грамоты записи (с самоназванием "выведанье", "чыненье выведанья"), представлявшие собой показания частных лиц в великокняжеской канцелярии. К этим документам близки те, в которых фиксировались факты предъявления грамот в великокняжескую канцелярию для удостоверения тех или иных прав и привилегий их владельцев. Такие акты назывались "покладанье листа", "запись-вписанье". Грамоты записи также насыщены информацией по землевладению. Из 120 белорусских грамот 75 (62,5 %) относится к землевладению, 45 (37,5 %) - к другим темам. Всего в книгах

ЛМ-12-33 насчитывается 373 грамоты записи. Много грамот записей в книгах ЛМ-19, 30, 18, 23, 15, 21, значительно меньше в остальных, а в книге ЛМ-20 они вовсе отсутствуют.

К договорно-распорядительному виду документов относится небольшая группа великокняжеских жалованных-льготных грамот, а также ввязчих и меновных грамот, исходящих от местной администрации. Жалованная-льготная грамота, как правило, с самоназванием "лист привилей", чаще всего освобождала временно (на срок) от податных обязанностей. В книгах ЛМ-12-33 насчитывается 36 жалованных-льготных грамот, большинство из которых (22, или 61 %) относится к территории Белоруссии[14].

В отличие от жалованных-льготных грамот, ввязчие и меновные грамоты богаты информацией по землевладению. Так, все имеющиеся в книгах ЛМ-12-33 ввязчие (27) и меновные (14) грамоты, относятся к землевладению[15].

Ввязчая грамота ("лист увяжчий") фиксировала ввод во владение имением, на которое была выдана жалованная грамота великого князя или по поводу которого велось судебное разбирательство. Ввязчей грамотой оформлялось также пожалование великого князя на некоторые должности местного управления, например, войта, ловчего и др.[16] Ввязчие грамоты содержатся в книгах ЛМ-13, 23, 25, 32, 33, а в остальных они отсутствуют. К территории Белоруссии относится 11 грамот.

Меновные грамоты ("листы на отмену") оформляли договор обмена землями. Эти грамоты выявлены только в книгах ЛМ-13, 23, III.А.28. Формуляр грамот содержит указания на участников, объект и характер сделки. В них можно найти описание границ передаваемой земли с подробным указанием межей. Эти грамоты сообщают о перераспределении феодальной собственности внутри класса феодалов, о росте землевладения одних феодалов за счет других.

В особую группу можно выделить меновные грамоты, появление которых объясняется проведением на этой территории великим князем Сигизмундом Августом аграрной реформы. Предпосылкам, ходу и результатам реформы посвящена монография В.И.Пичеты. Он подчеркивал, что усиливающееся значение товарообмена с Западной Европой влекло за собой ряд

хозяйственных мероприятий со стороны правительства ВКЛ по поднятию производительности и доходности господарского дворового хозяйства[17]. Одной из важных сторон аграрной реформы было упорядочение государственного земельного фонда, которым правительство могло бы распоряжаться для своих нужд. Проводилось разграничение государственных и частных земельных владений. Государственные владения округлялись за счет частных, но последним за это выдавались соответствующие отмены. В отличие от аналогичных правительственных мероприятий в Русском государстве, где мало заботились о судьбе испомещенных собственников, в ВКЛ владельцам земли за отнятый участок давался равноценный в другом месте, так называемая отмена. Эти процессы и нашли свое отражение в меновных грамотах середины XVI в.

В книгах Записей ЛМ-12-33 значительное место занимают судебно-процессуальные документы, насчитывающие 414 актов, или 8,5 % от числа всех документов. Белорусские судебные документы составляют 191 единицу. Из них 153 (80,1 %) несут информацию о землевладении, 38 (19,9 %) относятся к другим аспектам социально-экономической истории (см. таблицу 7). Следует отметить книги Записей ЛМ-15, 17, 19, 21, 23, 30, как наиболее богатые судебными документами.

Судебные акты можно разбить на несколько разновидностей на основании их содержания, формы и самоназвания. К основной относятся судные грамоты, выдаваемые победившей на суде стороне на право владения землей. Обычно формуляр таких грамот содержит: указание тяжущихся сторон, указание объекта тяжбы, имена судей, запись всего судоговорения, иногда цитируются приводимые сторонами оправдательные документы на владение землей или вместо подобной записи показания свидетелей, мотивировка и решение суда, удостоверение о скреплении документа подписью и печатью, указание места и времени выдачи документа. Данная разновидность грамот с самоназванием "вырок", "декрет", "лист судовый" соответствует правой грамоте в Русском государстве.

Следующей разновидностью судебных документов были "листы позывные", с помощью которых приглашались стороны в суд. Формуляр их состоит из обозначения адресанта и адре-

сата, указания места суда, изложения причин вызова в суд, обозначения тяжущихся сторон и объекта тяжбы.

Кроме указанных разновидностей судебных актов, имеется ряд грамот, возникших в процессе незавершенного суда. Это - "листы" (содержащие повеления великого князя тем или иным судьям "комиссарам" о производстве следствия и суда по определенному вопросу), "впоминанье", "справа" (указывающие срок явки сторон к суду и решение о переносе времени суда, в Русском государстве получивших название срочных), "лимитация", "отложенье" (указывающие на спорящие стороны и причины конфликта), "припоминанье", "оповеданье" (заключающие записи свидетельских показаний с обозначением лица, давшего показания, обвиняемого и сущности обвинения)[18]. Судебные грамоты этой разновидности отличаются неполным, сжатым формуляром.

В книгах Записей за вторую четверть XVI в. есть небольшая группа грамот, данных без суда вследствие неявки одной из сторон в суд с самоназванием "лист", "декрет". Они соответствуют русским бессудным грамотам.

Во исполнение решения суда по земельным делам обычно совершался отвод спорной земли выигравшей стороне с установлением межевых знаков. Сведения о таких отводах часто встречаются в самих судных грамотах или в специальных отводных, межевых грамотах с самоназванием "лист-отграниченье", которые отдавались стороне, выигравшей дело, иногда обеим сторонам. До совершения отвода стороне, проигравшей дело, часто направлялся "лист" указная грамота с запрещением "вступаться" в землю, присужденную другой стороне. Примирение сторон на суде, а равно и без суда фиксировалось "листами угодливыми" или мировыми грамотами, хотя иногда в таких случаях выдавались и обычные судные грамоты.

Судебные акты отражают деятельность феодального суда по главному для всей формации вопросу - о феодальной собственности на землю. Суд осуществляет волю господствующего класса. Поэтому, используя эти акты как источники для исследования вопросов феодальной собственности, необходимо постоянно помнить о их классовой направленности.

Большая часть судных грамот относится к тяжбам о земле феодалов между собой и крестьянами. Они дают богатый материал о приобретении и захвате крупными светскими феодалами государственных земель, а также земель крестьян и мелких феодалов.

Среди документов частно-договорного характера в книгах ЛМ-12-33 имеются духовные, дельчие, веновные, заставные, купчие и др. грамоты.

Духовными и дельчими грамотами, чаще с самоназваниями "тестамент", "лист дел", осуществлялась передача и раздел земель, имущества по наследству. Передача по наследству права собственности на землю укрепляла всю систему феодальных производственных отношений. Духовные грамоты перечисляют движимое и недвижимое имущество феодала, содержат распоряжения завещателя относительно раздела его между наследниками и поэтому позволяют довольно полно представить размеры и характер той собственности, которой владел завещатель ко времени составления грамоты[19].

Наряду с полными духовными грамотами, говорящими о всей земельной собственности завещателя, в книгах Записей встречаются отдельные выдержки из таких полных духовных, которые касаются лишь определенной части имущества завещателя и называются в источниках "видимусы". Часто такие выдержки снабжены всеми атрибутами полной духовной грамоты. Поэтому исследователю следует быть внимательным, чтобы не принять "видимус" за "тестамент", что может привести к неверным выводам о размерах землевладения того или иного феодала. Духовные грамоты, как и выдержки из них, нередко встречаются в судебных актах, где речь идет о спорной земле.

Дельчие грамоты, оформляющие договор раздела земель, несколько уже по своему содержанию, чем духовные: в них обычно говорится только о земле и не упоминается другое имущество, челядь. Иногда раздел земли по дельчей выполнялся в соответствии с распоряжением духовной грамоты. Взятые вместе эти разновидности грамот дополняют друг друга сведениями о феодальном землевладении.

Духовные и дельчие рамоты помогают проследить пути образования земельной собственности отдельных феодалов. Они содержат сведения о способах приобретения завещателем земли: была ли она куплена, обменена, досталась по наследству или была пожалована великим князем. Сведения о задолженности, о движимом имуществе и зависимом населении дают возможность выяснить общее хозяйственное положение различных землевладельцев.

Сравнительно в небольшом количестве сохранились в книгах ЛМ-12-33 заставные грамоты, фиксирующие сделки с закладом недвижимого и (реже) движимого имущества. Занимая на определенный срок или бессрочно деньги, должник передавал кредитору (в качестве обеспечения долга) свою землю. В случае неуплаты долга застава превращалась в купчую. В отдельных случаях, по верному замечанию Л.В.Черепнина, это была замаскированная форма продажи земли, к которой прибегали продавец и покупатель, чтобы избежать последующих попыток со стороны родственников выкупить недвижимость[20].

В заставных грамотах имеется немало сведений по землевладению. В них содержится информация о владельцах закладываемого имущества и лицах, которым оно заставлялось, указываются объекты заставы и населенные пункты при этих объектах, срок заставы и условия.

Веновной грамотой оформлялись права супруги на получение части земель или доходов с земельных владений. Эта часть определялась по Статуту 1529 г. размерами денежной или земельной компенсации за внесенное женой в хозяйство мужа приданое или только третьей частью имений мужа[21].

В книгах ЛМ-12-33 можно выделить купчие грамоты, происходящие из частных архивов. Значительная часть их дошла в составе дословных вписаний в жалованные, подтвердительные, судные грамоты. Эти грамоты в настоящее время являются редкостью, так как частные архивы, подвергаясь легкому уничтожению, почти не сохранились.

В целом весь комплекс частно-правовых книг Записей отражает гражданское право на этой территори, выражающее интересы представителей господствующих классов и сословий,

оформляющее производственные отношения в феодальном обществе.

Канцелярия Великого княжества Литовского, наряду с документами рассмотренными выше, изготовляла и дипломатические документы. Общую характеристику посольской документации ВКЛ дали Э.Банионис и А.Л.Хорошкевич[22].

В книгах Записей ЛМ-12-33 содержится 64 дипломатических документа, что составляет 1,3 % от числа всех актов[23]. Из них 48 находится в книге ЛМ-15, 3 - в книге ЛМ-21, 6 - в книге ЛМ-23, одна - в книге ЛМ-25, 6 - в книге ЛМ-28.

Посольская документация очень пестрая. По содержанию документы можно объединить в следующие группы: 1) документы, обеспечивающие практическую деятельность дипломатов, связанную с выездом, пребыванием и отъездом дипломатических миссий ВКЛ и иных государств ("верующие", "опасные", "подводные", "глейтовные" листы, "наказы" и "наука" послам); 2) документы, возникшие в ходе исполнения посольств (отчеты послов); 3) текущая дипломатическая переписка ("листы, "ярлыки", "отказы", "посольства"). Большая часть документов с самоназванием "посольство" относится к сфере внутригосударственных отношений. Это переписка феодалов ВКЛ с главой государства - великим князем литовским и королем польским, много времени проводившим за пределами княжества - в Королевстве Польском, а также с Радой Панов.

Подводя итоги изучения состава книг Записей ЛМ-12-33, следует отметить, что содержащиеся в них документы являются достаточно представительным источником для решения многих проблем истории ВКЛ. Проведенные выше видовое, хронологическое, географическое и тематическое распределения документов позволяют получить максимум сведений по социально-экономической, политической истории литовских, белорусских, украинских, подляшских земель, входивших в состав ВКЛ, открывает широкие возможности для сравнительно-исторического изучения этих земель, помогает проследить за внутренней и внешней политикой правительства. Кроме того, документы книг ЛМ являют собой богатый материал для дальнейших разработок по дипломатике и истории канцелярии ВКЛ.

Таблица 1. **Общая численность и тематическое распределение документов, относящихся к территории Великого княжества Литовского, в книгах Записей ЛМ-12-33* (за 1522-1552 гг.**)**

№ п/п	№ книги	Крайние даты книг	Всего документов в книге		Из них содержащие сведения			
			абс.	%	по землевладению		по другим темам	
					абс.	%	абс.	%
1	12	1522-1529	769	100	574	74,6	195	25,4
2	13	1486-1556	100	100	65	65	35	35
3	14	1524-1529	907	100	500	55,1	407	44,9
4	15***	1492-1537	235	100	99	42,1	136	57,9
5	17	1529-1536	520	100	349	67,1	171	32,9
6	18	1479-1534	202	100	184	91,1	18	8,9
7	19	1528-1537	258	100	160	62,1	98	37,9
8	20	1535-1539	177	100	139	78,5	38	21,5
9	21	1536-1537	184	100	152	82,6	32	17,4
10	23	1523-1540	183	100	112	61,2	71	38,8
11	24	1536-1544	212	100	147	69,3	65	30,7
12	25***	1442-1546	247	100	225	91,0	22	8,9
13	28	1533-1552	150	100	97	64,7	53	35,3
14	30	1546	172	100	125	72,7	47	27,3
15	31	1546-1549	204	100	159	77,9	45	22,1
16	32	1515-1549	85	100	64	75,3	21	24,7
17	33	1534-1553	171	100	97	56,7	74	43,3
18	III.A.28	1454-1546	110	100	95	86,4	15	13,6
Итого								
абс.			4886****		3343		1543	
%			100		68,4		31,6	

* Таблица составлена по: ЛМ//ЦГАДА. Ф.389. Оп. 1. Кн. 12-33, III.А.28.

** В таблицу вошло некоторое число документов книг Записей ЛМ-12-33, которые датируются ранее 1522 г.

*** Помимо документов, вышедших от великого князя, центральной и местной администрации, в эти книги вошло 38 частных документов (соответственно в ЛМ-15 - 8, ЛМ-25 - 10, ЛМ-III.А.28 - 20).

**** Таким образом, книги Записей ЛМ-12-33, III.А.28 содержат 4886 документов. Распеределение их по территориям-регионам ВКЛ (Белоруссии, Литве, Украине, Подляшью - современной Польше) см. в таблице 2. Кроме того, в это число вошло 38 документов, относящихся ко всем регионам Княжества одновременно. Это соответственно 6 документов - в ЛМ-14, 13 - в ЛМ-15, 5 - в ЛМ-17, 15 - в ЛМ-19, 1 - в ЛМ-20, 3 - в ЛМ-21, 2 - в ЛМ-24, 10 - в ЛМ-28, 2 - в ЛМ-31 и 1 - в ЛМ-33. В указанное число вошло также 64 дипломатических документа. Из них 48 находятся в ЛМ-15, 3 - в ЛМ-21, 6 - в ЛМ-23, 1 - в ЛМ-25, 6 - в ЛМ-28. Отмеченные 2 группы документов в подсчеты таблицы 2 не включены. В трех документах книг Записей ЛМ-12-33, III.А.28 содержится столько же вписанных более ранних документов. Эти документы в подсчеты таблиц не включены. Подавляющее большинство их относится к территории Белоруссии.

Таблица 2. Численное и тематическое распределения документов книг Записей ЛМ-12-33 по регионам Княжества за 1522-1552 гг.*

№ книги	Белоруссия			Литва			Украина			Подляшье (современная Польша)		
	Всего документов	Из них по землевладению	Из них по другим темам	Всего документов	Из них по землевладению	Из них по другим темам	Всего документов	Из них по землевладению	Из них по другим темам	Всего документов	Из них по землевладению	Из них по другим темам
12	411	319	92	229	169	60	86	55	31	45	33	12
13	51	46	5							49	19	30
14	321	164	157	321	183	138	147	84	63	112	69	43
15	75	47	28	57	25	32	21	16	5	13	9	4
17	224	163	61	156	100	56	56	35	21	70	51	19
18	110	102	8	80	74	6	7	5	2	5	3	2
19	97	67	30	97	50	47	29	24	5	20	14	6
20	77	60	17	48	33	15	36	28	8	15	12	3
21	100	91	9	40	30	10	34	28	6	4	3	1
23	66	43	23	47	30	17	52	32	20	12	7	5
24	95	74	21	70	44	26	34	20	14	12	9	3
25	132	122	10	71	63	8	21	19	2	23	21	2
28	64	51	13	46	29	17	23	17	6	2	1	1
30	64	51	13	62	46	16	44	26	18	2	2	
31	85	68	17	59	44	15	29	22	7	28	24	4
32	44	34	10	14	11	3	23	16	7	4	3	1
33	98	52	46	25	13	12	18	12	6	30	20	10
Ш.А.28	60	52	8	7	6	1	40	35	5	3	2	1
Итого абс.	2174	1606	568	1429	950	479	700	474	226	449	302	147
%	45,8**	48,2***	40****	30,1**	28,5***	33,7****	14,7**	14,2***	15,9****	9,4**	9,1***	10,4****

* Таблица составлена по: ЛМ//ЦГАДА. Ф.389. Оп.I. Кн. 12-33, III.А.28. Часть документов датируется ранее 1522 г.

** % от общего числа всех документов книг Записей ЛМ-12-33, относящихся к территории ВКЛ.

*** % от общего числа всех документов по землевладению книг Записей ЛМ-12-33, относящихся к территории ВКЛ.

**** % от общего числа документов по другим темам книг Записей ЛМ-12-33, относящихся к территории ВКЛ.

Таблица 3. Количество жалованных грамот, относящихся к территории Великого княжества Литовского, в книгах Записей ЛМ-12-33*

№ п/п	№ книги	Всего грамот в книге	Из них относящихся к Белоруссии		
			Всего грамот	со сведениями	
				по землевладению	по другим темам
1	12	230	124	60	64
2	13	22	10	8	2
3	14	40	15	11	4
4	15	17	7		7
5	17	139	57	30	27
6	18	88	80	72	8
7	19	15	6	4	2
8	20	64	24	9	15
9	21	24	11	11	
10	23	26	11	6	5
11	24	106	40	26	14
12	25	89	45	37	8
13	28	57	32	28	4
14	30	37	35	28	7
15	31	98	40	28	12
16	32	32	12	9	3
17	33	75	25	15	10
18	III.A.28	28	22	16	6
	Итого	1187	абс. 596	398	198
			% 100	66,8	33,2

* Составлена по: ЛМ//ЦГАДА. Ф.389. Оп. 1. Кн.12-33, III.А.28. К территории Белоруссии относится 50,2 % всех жалованных грамот.

Таблица 4. Количество подтвердительных грамот, относящихся к территории Великого княжества Литовского, в книгах Записей ЛМ-12-33*

№ п/п	№ книги	Всего грамот в книге	Из них относящихся к Белоруссии		
			Всего грамот	со сведениями	
				по землевладению	по другим темам
1	12	337	196	186	10
2	13	24	11	10	1
3	14	11	4	4	
4	15	9	6	5	1
5	17	132	70	70	
6	18	20	9	8	1
7	19	15	4	4	
8	20	65	27	25	2
9	21	43	22	22	
10	23	49	17	16	1
11	24	63	26	25	1
12	25	61	31	31	
13	28	46	15	15	
14	30	24	18	17	1
15	31	95	40	36	4
16	32	16	4	4	
17	33	46	9	7	2
18	III.A.28	28	15	15	
	Итого	1084	абс. 524	500	24
			% 100	95,4	4,6

* Составлена по: ЛМ//ЦГАДА. Ф.389. Оп. 1. Кн.12-33, III.А.28. К территории Белоруссии относится 48,3 % всех подтвердительных грамот.

Таблица 5. Количество указных грамот, относящихся к территории Великого княжества Литовского, в книгах Записей ЛМ-12-33*

№ п/п	№ книги	Всего грамот в книге	Из них относящихся к Белоруссии		
			Всего грамот	со сведениями	
				по землевладению	по другим темам
1	12	195	89	73	16
2	13	15	11	10	1
3	14	821	289	146	143
4	15	31	12	4	8
5	17	165	77	53	24
6	18	24	12	12	
7	19	52	25	16	9
8	20	33	17	13	4
9	21	68	39	35	4
10	23	29	9	6	3
11	24	15	7	5	2
12	25	52	27	25	2
13	28	27	13	3	10
14	30	9	1		1
15	31	7	4	4	
16	32	17	9	2	7
17	33	21	13	9	4
18	III.A.28	8	6	6	
	Итого	1589	абс. 660	422	238
			% 100	63,9	36,1

* Составлена по: ЛМ//ЦГАДА. Ф.389. Оп. 1. Кн.12-33, III.А.28. К территории Белоруссии относится 41,5 % всех указных грамот.

Таблица 6. Количество грамот-записей, относящихся к территории Великого княжества Литовского, в книгах Записей ЛМ-12-33*

№ п/п	№ книги	Всего грамот в книге	Из них относящихся к Белоруссии		
			Всего грамот	со сведениями	
				по земле-владению	по другим темам
1	12	2	2	1	1
2	13	4	4	4	
3	14	2			
4	15	37	9	5	4
5	17	7	3	2	1
6	18	54	5	3	2
7	19	96	28	18	10
8	20				
9	21	23	12	9	3
10	23	47	17	8	9
11	24	1	1	1	
12	25	6	3	3	
13	28	5	1		1
14	30	65	26	15	11
15	31	1			
16	32	8	2		2
17	33	9	1	1	
18	III.А.28	6	6	5	1
	Итого	373	абс. 120	75	45
			% 100	62,5	37,5

* Составлена по: ЛМ//ЦГАДА. Ф.389. Оп. 1. Кн.12-33, III.А.28. К территории Белоруссии относится 32 % всех грамот-записей.

Таблица 7. Количество судных грамот, относящихся к территории Великого княжества Литовского, в книгах Записей ЛМ-12-33*

№ п/п	№ книги	Всего грамот в книге	Из них относящихся к Белоруссии		
			Всего грамот	со сведениями	
				по землевладению	по другим темам
1	12	2	2	1	1
2	13	11	11	10	1
3	14	9			
4	15	77	41	33	8
5	17	57	14	8	6
6	18	16	8	8	
7	19	67	31	24	7
8	20	11	6	6	
9	21	22	14	14	
10	23	24	11	6	5
11	24	19	9	7	2
12	25	15	8	8	
13	28	6	1		1
14	30	33	9	7	2
15	31	2			
16	32	10	5	4	1
17	33	18	13	10	3
18	III.A.28	15	8	7	1
	Итого	414	абс. 191	153	38
			% 100	80,1	19,9

* Составлена по: ЛМ//ЦГАДА. Ф.389. Оп. 1. Кн.12-33, III.A 28. К территории Белоруссии относится 46,1 % всех судных грамот.

1. Подсчитано по: ЛМ. Кн. 12-33, III.А.28; Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 168.

2. Подсчитано по: ЛМ. Кн. 12-33, III.А.28.

3. Подсчитано по: ЛМ. Кн. 12-33, III.А.28.

4. Подсчитано по: ЛМ. Кн. 13. Л. 22-137об.; ЛМ. Кн. 25. Л. 46-279.

5. Каштанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики //Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1989. С. 153-162; Его же. Русская дипломатика. С. 146-154.

6. Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI - первой половины XVII в. в Литовской Метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979. С. 13-23; Методические рекомендации по использованию документов Литовской Метрики XVI в. в курсе Источниковедения отечественной истории /Сост. Н.П. Ковальский, Г.В.Боряк. Днепропетровск, 1987. С. 4-7.

7. Литовская Метрика. Тез. докл.

8. Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты Литовской Метрики конца XV в. и их классификация //Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 53-57; Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики /Сост. А.Л.Хорошкевич, С.М.Каштанов. Вильнюс, 1985. С. 20-27.

9. Жучкевич В.А. Топонимика (Краткий географический очерк). Минск, 1964. С. 145; БІрыла М.В. Беларуская антрапанІмІя. Минск, 1966.

10. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской Метрики. С. 23-24.

11. Подсчитано по: ЛМ. Кн. 12-33, III.А.28.

12. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской Метрики.

13. Подсчитано по: ЛМ. Кн. 12-33.

14. Подсчитано по: ЛМ. Кн. 12-33.

15. Подсчитано по: ЛМ. Кн. 12-33.

16. Менжинский В.С. Книга записей Литовской Метрики № 13 как источник по истории землевладения в Белоруссии в первой половине XVI века //Исследования по источниковедению Истории СССР XIII-XVIII вв. М., 1986. С. 107-108.

17. Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958. С. 35.

18. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской Метрики. С. 27.

19. Менжинский В.С. Оформление прав на землю в Белоруссии в первой половине XVI в. по материалам книг Записей Литовской Метрики //Аграрный строй в феодальной России. XV - начало XVIII в. М., 1986. С. 75-77.

20. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XVI-XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 89.

21. См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960. С. 153.

22. Банёнис Э.Д. Посольская служба Великого княжества Литовского (середина XV в. - 1569 г.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Вильнюс, 1982; Хорошкевич А.Л. Посольская документация ВКЛ в конце XV - начале XVI в. //Литовская Метрика: Тез. докл. С. 36-38; Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской Метрики. С. 33-36.

23. Подсчитано по: ЛМ. Кн. 12-33.

ЮРАТЕ КЯУПЕНЕ

КНИГИ ВИЛЬНЮССКОГО ЗАМКОВОГО СУДА XVI В. В СОСТАВЕ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ

В Великом княжестве Литовском до судебно-административных реформ 1564/66 гг. и издания II Литовского Статута (ЛС) 1566 г. действовали так называемые замковые суды, возглавляемые воеводами. Историю становления замковых судов ВКЛ, их юрисдикцию и судопроизводство на основании довольно скудных опубликованных источников и исследований М.Любавского, И.Лаппо, И.Максимейко, М.Ясинского по социально-экономической истории ВКЛ изучал Ф.Леонтович[1]. Работа Ф.Леонтовича, опубликованная в 1910 г., является пока что единственным специальным исследованием по истории замковых судов ВКЛ XV-XVI вв.

Совершенно не изучен и не опубликован исторический источник, оставленный замковыми судами - судебные книги. Сохранившийся рукописный материал судебных книг не был использован и в исследовании Ф.Леонтовича. И лишь в работах последних лет исследовательница Литовской Метрики П.Гримстед Кеннеди обратила внимание на книги дореформенных замковых судов ВКЛ, сохранившиеся в составе ЛМ, вкратце оговорила некоторые проблемы и задачи их изучения[2].

В составе ЛМ сохранилось несколько десятков книг-копий дореформенных замковых судов XVI в. В основном это книги Вильнюсского замкового суда. Данное обстоятельство благоприятно для исследователей истории ВКЛ XVI в.

Суд феодального государства отражает лицо эпохи и ее общества со всеми присущими ему противоречиями. В ВКЛ с начала XV в., после заключения в 1413 г. Городельской унии, представителями высшей военной, административной и судебной власти на местах являлись воеводы. На рубеже XV-XVI вв. воеводы, как ранее великокняжеские наместники, на вверенной им территории пользовались широкими правами административной и судебной власти. Особое место в государственном аппарате ВКЛ в XVI в. занимал вильнюсский воевода. На подвластной ему территории находилась столица - место резиден-

ции великого князя и всех государственных учреждений. Вильнюс являлся центром жизни страны. Великие князья вильнюсскими воеводами в XV-XVI вв. назначали известнейших, экономически и политически влиятельнейших магнатов Литвы[3].

Подлинники книг Вильнюсского замкового суда до наших дней не сохранились. Таким образом, копии данных книг, входящие ныне в состав ЛМ и разносторонне отражающие жизнь столицы в период расцвета политической, общественной, культурной и экономической жизни ВКЛ, являются ценнейшим историческим источником, представляющим систему судопроизводства и ее изменения в период подготовки и проведения судебно-административных реформ середины XVI в. Однако до сих пор книги Вильнюсского замкового суда XVI в. не опубликованы и не изучены, богатейший их материал крайне мало использован в исторической литературе.

Целью данного исследования является выявить книги Вильнюсского замкового суда, сохранившиеся в составе ЛМ, определить их состав и назначение, обратить внимание исследователей и публикаторов ЛМ на задачи источниковедческого плана, которые придется решать, изучая и публикуя этот материал.

В опубликованной С.Пташицким описи ЛМ указаны 23 книги Вильнюсского замкового суда за 1542-1564 гг. Из них 21 книга указана в разделе описи "Книги судных дел"[4]. Две книги того же суда в описи С.Пташицкого необоснованно указаны в разделе "Книги записей"[5]. Характер и содержание этих двух книг позволяют не сомневаться в том, что это книги Вильнюсского замкового суда.

Когда речь идет о ЛМ, естественно возникает вопрос, каким образом и когда книги суда вильнюсского воеводы оказались среди документов великокняжеской канцелярии и стали ее составной частью?

Исследователи ЛМ сходятся во мнении, что данные книги попали в ЛМ случайно, вместе с бумагами канцлеров ВКЛ[6]. Объясняется это тем обстоятельством, что в XVI в., до 1579 г., воевода вильнюсский одновременно являлся и канцлером ВКЛ. Поэтому правдоподобно, что книги суда, возглавляемого воеводой, хранились вместе с архивом канцлера.

Фактом является и то, что в конце XVI в., когда под руководством канцлера ВКЛ Льва Сапеги переписывались книги ЛМ, книги Вильнюсского замкового суда уже входили в состав ЛМ и переписывались наряду с другими ее книгами.

Когда нет возможности сопоставить копии с подлинником, возникает вопрос - насколько точны и достоверны эти книги-копии?

Анализ текста книг-копий Вильнюсского замкового суда дает возможность утверждать, что переписчики канцлера Льва Сапеги старались строго придерживаться текста подлинника. Об этом свидетельствуют пропуски в тексте, оставленные переписчиками для того, чтобы была возможность вписать ими не прочитанные или отсутствующие в подлиннике слова.

В тексте книг-копий встречаются и прямые указания переписчиков на недостающие листы. Так, например, в тексте есть пометки переписчиков: "На том местцу в старых книгах знак же карты две выдрано", "Тут на том местцу в старых книгах знак же выдрана карта албо две"[7]. Текст самой записи состоит лишь из ее начала и окончания. Такие же пометки переписчиков встречаются и в других книгах-копиях Вильнюсского замкового суда, хотя нужно отметить, что пропусков слов или пометок переписчиков аналогичного содержания сравнительно мало.

Книги Вильнюсского замкового суда XVI в. велись на славянском канцелярском языке ВКЛ. Абсолютное большинство записей произведено на этом языке, и лишь некоторые, единичные записи, - на латинском и польском языках.

В конце XVI в., когда переписывались данные книги, отдельные записи не имели заголовков и не были пронумерованы. Между отдельными записями переписчики оставляли пустые места. В настоящее время большинство записей снабжено заголовками на польском или русском языках. По ним составлены и переплетены в книги-копии реестры записей на польском и русском языках.

Заголовки и реестры появились в процессе упорядочения документов ЛМ после того, как книги в конце XVI в. были переписаны. Ответ на вопрос - кто и когда проделал эту работу - могут дать лишь специальные исторические и палеографические исследования.

Сегодня можно лишь обратить внимание будущих исследователей, что не все реестры, находящиеся в составе нынешних книг-копий, к ним относятся. Так, например, в книге-копии ЛМ-253 подплетен текст реестра совершенно другой книги ЛМ: Regiestr xięgi Metriki Wielkiej WKL za Zygmunta Augusta Dekretow pod rokiem 1559 do roku 1563". Реестр записей в ЛМ-253 вообще отсутствует.

Отдельные книги-копии имеют титульные листы, другие - лишь титульные записи. Встречаются книги, не имеющие ни того, ни другого, и лишь по тексту записей можно установить, к какому суду относится данная книга и какие ее хронологические рамки. Не всегда возможно установить, когда и кто переписал книгу. В некоторых книгах-копиях указаны переписчики, имеются их автографы.

Записи внутри каждой судебной книги, как правило, расположены в строго хронологическом порядке. Однако встречаются книги, в которых хронологическая последовательность нарушена - более ранние записи идут после более поздних (наиболее ярким примером является книга-копия ЛМ-238).

С фактом нарушения хронологической последовательности нередко встречаемся и в книгах-копиях других судов ВКЛ. И.Лаппо, характеризуя книги более позднего периода гродских судов ВКЛ, аргументированно опроверг предпосылку, что данное нарушение хронологической последовательности записей является следствием небрежной работы писарей. Данное явление И.Лаппо объясняет следующим образом: "Нам кажется, что причину явления нужно искать в самой технике составления гродских книг повета. На один день приходилось не по одной, а по многу записей, из которых многие были очень велики. Писарь не мог физически всегда внести в книгу все записи одного дня в тот самый день, так как он участвовал в процедуре суда, не только писал, но и участвовал при подготовке решения суда. Писари на некоторое время оставляли у себя суду представленные документы, что позволяло вписать их в книгу, имея время". Этим, по мнению И.Лаппо, и можно объяснить факты нарушения хронологической последовательности. В другом случае, если книга была бы переписана или переплетена из отдельных листов, путаница в расположении записей могла бы быть объяснена тем, что непереплетенные

листы оригинала были перепутаны при переписке или переплете. Но это объяснение, как указывает И.Лаппо, должно отпасть ввиду того, что в книге находим только нарушение хронологического порядка записей, а не присоединение части одного документа к части другого[8].

Аналогичные доказательства встречаются и в книгах Вильнюсского замкового суда XVI в. Так, в книге-копии ЛМ-233 за 1546-1548 гг. есть пометка переписчика Яна Сивицкого, обращающая внимание на нарушения хронологического порядка в тексте, с которого он пишет: "А тут нижей вписованы справы з другого минутара, але до тых же книг належачие, однакоже даты не порядке ведлуг минутара писаны"[9].

В книге-копии ЛМ-234 за 1546-1547 гг. встречается пометка, указывающая, что не все предъявленные суду документы из-за большого своего объема сразу же вписывались в судебные книги: "Тут уписаны листы и реестра, которые на праве покладают, а для широкости в листы судовые их не пишуть". После данной пометки вписаны разнородные и разновременные документы, представленные суду по разным делам[10].

Характерным примером является и пометка писаря, свидетельствующая о том, что, забыв предъявленный суду документ вписать в книгу в 1563 г., он вписывает его в 1564 г.: "Тот впис мел быти в року 63 вписаны, але же запометано прото в сем року 64 есть вписан"[11].

Обоснованность вывода И.Лаппо подтверждает и тот факт, что в книгах Вильнюсского замкового суда, даже в тех случаях, когда нарушение хронологической последовательности ярко выражено, тексты всегда записаны полностью, без потери конца или начала.

Однако существует другая, не менее важная для исследователей проблема - механически соединенные книги или их части, относящиеся к разным судам, имеющие разные хронологические рамки. Такие книги переплетены вместе и в описи С.Пташицкого числятся как одна книга "Судных дел" или даже как книга "Записей" (например, ЛМ-4

Не имея подлинников, с которы переписывались данные книги-копии, сложно ответить на вопрос, когда и каким образом были соединены эти книги-копии. Можно лишь констатировать, что дело тут не в небрежном переплете, так как окон-

чание текста одной книги и начало текста записей другой встречаются на одной странице и переписаны одним и тем же почерком.

Таким характерным примером может быть книга-копия ЛМ-262, в которой на листе 153 кончается последняя запись книги суда вильнюсского наместника Станислава Гамшея, датированная 6 июля 1564 г., являющаяся продолжением книги-копии ЛМ-253, и начинается первая запись, относящаяся к книге смешанных записей, датированная 1 июля 1565 г.

Выявить все таким образом соединенные книги возможно лишь основываясь на анализе датировки, характера и содержания записей, так как такие соединенные книги не снабжены титульными листами и записями.

Дальнейшее решение проблем источниковедческого плана ожидает будущих исследователей и публикаторов книг-копий Вильнюсского замкового суда XVI в.

Работа, проделанная нами на сегодняшний день, позволяет утверждать, что по своему составу данные книги-копии неоднородны. Процесс консолидации и отмежевания дворянского сословия от других сословий, протекавший в ВКЛ в XVI в., сопровождался процессом внутренней модификации самого дореформенного судопроизводства, что нашло свое отражение и в практике ведения судебных книг.

По характеру текстов документов сохранившиеся в составе ЛМ книги Вильнюсского замкового суда XVI в. можно разделить на несколько групп: первая - 7 книг суда вильнюсского воеводы и его наместника за 1542-1555 гг. (ЛМ-230, 233, 234, 238, 242, 244, 245); вторая - 3 книги судей высажоных вильнюсского воеводы за 1551-1552 гг. (ЛМ-240, 241, 243)); третья - 2 книги суда вильнюсского наместника за 1559-1564 гг. (ЛМ-253, 262, Л. 1-153); четвертая - 12 книг за 1549-1564 гг. (ЛМ-34, 40, 237, 246, 247, 250, 252, 255, 256, 259, 260, 262 Л. 153-429), в которых вперемешку идут записи, сделанные от имени самого воеводы, его наместника и судей высажоных.

Каждая группа книг отражает определенный этап процесса становления новых сословных судов, протекавшего в ВКЛ в XVI в., и представляет практику ведения судебных книг дореформенного замкового суда.

К наиболее раннему периоду относятся книги суда вильнюсского воеводы и его наместника за 1542-1555 гг. Они представляют старую дореформенную систему судопроизводства ВКЛ, существовавшую до принятия I ЛС 1529 г. и несколько десятилетий после его опубликования. Это период, когда великокняжеские наместники, а с начала XV в. их заменявшие воеводы и староосты на подвластной им территории пользовались административно-судебной властью над дворянством, не имеющим иммунитетных прав, над жителями городов, не подлежащими Магдебургскому праву, и над всеми чужестранными "гостями".

Воеводы были обязаны судить и часто судили сами. Однако нередко они свои обязанности и права судьи доверяли своим наместникам.

Должность наместника воеводы появилась одновременно с врядом самого воеводы. Исследователи дореформенной системы судопроизводства ВКЛ, повторяя, однако не вводя в научный оборот новых данных, констатируют лишь сам факт существования наместников воевод, исполняющих обязанности судей. Ф.Леонтович указывает, что воеводы, в особенности сидевшие в центрах крупнейших земель (Вильнюсской, Полоцкой и пр.), имели иногда несколько наместников, из которых один сидел при воеводе, другие же в меньших городах и пригородах, тянувшихся по суду к главному центру воеводства. Наместники, как и сами воеводы, разбирали как гражданские, так и уголовные дела, так как в данное время гражданское и уголовное право ВКЛ еще не были разделены, а суды в этом смысле не специализированы. Наместники, как и воеводы, принимали и вписывали в судебные книги предъявленные суду разные заявления, например, о купле-продаже, заставе, записи имущества, тестаменты и пр. Ф.Леонтович подчеркивает, что наместники, сидевшие в меньших городах и пригородах, пользовались вообще значительной долей самостоятельности. К главному воеводе они обращались с докладом лишь по более важным делам, тогда как наместники (например, Вильнюсские), сидевшие при главных воеводах, могли самостоятельно решать дело только по поручению воеводы, и лишь при небытности последнего в воеводстве вершили текущие дела воеводства, отлагая более важные из них до прибытия воеводы[12].

М.Любавский, характеризуя наместников как должностных лиц дореформенного суда ВКЛ, указывает, что дворянству в суде чаще всего приходилось иметь дело с наместниками воевод - людьми, мало разбирающимися в юриспруденции[13]. Данную оценку компетентности суда наместников М.Любавский перенял из трактата Миколаса Летувиса (Михалона Литвина) "О нравах татар, литовцев и москвитян", написанного в середине XVI в., в котором автор в полемическом пылу, критикуя систему судопроизводства, о суде наместников писал: "... воеводы имеют своих заместителей, которые, стремясь иметь как можно больше удовольствий, обычно судят на шумных балах, они плохо знают законы, однако умеют усердно выживать в свою пользу "пересуд"[14].

Тексты документов книг суда воеводы и его наместника свидетельствуют, что вильнюсский воевода судил и принимал заявления, представленные суду, сам лично, один, или в присутствии дворян наблюдателей, а также, занятый другими государственными делами, поручал эти обязаннности замещающему его вильнюсскому наместнику.

Данных, позволяющих ответить на вопрос, когда в Вильнюсе появился суд наместника воеводы, пока что не имеем. Однако по текстам сохранившихся судебных книг установлено, что в 30-х годах XVI в. вильнюсский наместник, несомненно, уже являлся представителем суда воеводы в городе.

В 1529 г. им был Гришко Кимбор[15]. В судебной записи 1532 г. вильнюсским наместником назван Мишко Вежгайлович[16]. В 1538 г. по поручению воеводы в Вильнюсе судит Войтех Гришкович Кимбор, возможно, сын вильнюсского наместника, упомянутого в 1529 г.[17] В 1546-1548 гг. вильнюсским наместником именуется Лукаш Федорович Безский[18], в 1549-1551 гг. - Богдан Андреевич Епимах[19], а в 1551-1559 гг. - Ян Андреевич Новицкий[20]. С 1559 г. до судебно-административных реформ 1564-1566 гг. вильнюсским наместником был Станислав Янович Гамшей[21].

До начала 60-х годов вильнюсский наместник еще не являлся самостоятельным судьей, хотя и велись отдельные наместнические книги (например, книга ЛМ-238 вильнюсского наместника Б.Епимаха за 1549-1550 гг.). Однако, как свидетельствуют записи судебных книг, наместник слушал дела только по

поручению воеводы и чаще всего проделывал лишь подготовительную работу судебного разбирательства и передавал дело воеводе[22].

Качественно новый этап в развитии системы дореформенного судопроизводства ВКЛ в XVI в. представляют три книги Вильнюсского замкового суда за 1551-1552 гг., записи в которых сделаны от имени судей высажоных воеводы вильнюсского. Они свидетельствуют, что в Вильнюсском замковом суде судьи высажоные появились в 1551 г., после принятия решений Вильнюсского сейма того же года, обязующих воевод организовать такие суды, предусмотренные еще I ЛС 1529 г.[23], но не введенных на практике.

Судьи высажоные появились в системе судопроизводства ВКЛ в середине XVI в. в результате движения дворянства за расширение и утверждение в государственной жизни их сословных прав и привилегий. На сеймах 50-х годов XVI в. дворяне все решительнее требовали организовать в поветах выборные, легко доступные, дешевые суды, юрисдикция которых охватывала бы всех землевладельцев повета. Первым конкретным достижением в этой борьбе явилась частичная реформа судовой системы, проведенная в начале 60-х годов XVI в.

В 1551 г. на Вильнюсском сейме Жигимонт Август, не обсуждая вопроса об установлении выборных дворянских судов, огласил решение, что воеводы, руководствуясь I ЛС 1529 г., обязаны подобрать и назначить в поветах судей высажоных, которые будут судить вместе с наместниками воевод 4 раза в году в местах, назначенных воеводами. На том же сейме был утвержден и новый порядок подания апелляции. Низшей судебной инстанцией был назначен суд наместников воевод. Решения суда наместников разрешалось обжаловать суду воеводы, а в дальнейшем подавать апелляцию суду Панов Рады или самого великого князя[24]. Частичная реорганизация судов ВКЛ не удовлетворила дворян, которые продолжали требовать организации выборных сословных дворянских судов. Однако до времени проведения реформ 1564-1566 гг. продолжали действовать видоизмененные замковые суды.

Первыми известными нам судьями высажоными вильнюсского воеводы являлись вильнюсский наместник Я.Новицкий и Ян Олехнович Рымша (Римшич) Телица, с 1552 г. именуе-

мый вильнюсским судьей. С 1551 по 1555 гг. они вместе судят и в записях судебных книг именуются судьями высажоными вильнюсского воеводы. Иногда вместе с Я.Новицким и Я.Рымшою на суде присутствовал третий судья. В 1551 г. таким третьим судьей был бывший вильнюсский наместник Л.Безский, а в 1555 г. - Станислав Губа[25]. В таких случаях все трое именуются судьями высажоными. В первой половине 1555 г. Я.Рымшу заменил новый вильнюсский судья Павел Каспорович Островицкий, который до 1559 г. судил вместе с вильнюсским наместником Я.Новицким, а в дальнейшем с заменившим его наместником С.Гамшеем.

Суд судей высажоных в системе Вильнюсского замкового суда существовал и действовал наряду с судом самого вильнюсского воеводы и его наместника,однако по своему назначению и характеру являлся дворянским судом в повете, разбирающим гражданские и уголовные дела и юридически оформляющим заявления дворян, представленные суду по разным вопросам, касающимся охраны имущественных прав, личной безопасности и пр., и являлся прототипом будущих сословных дворянских судов ВКЛ.

Процесс консолидации и отмежевания дворянского сословия от других сословий, протекавший в ВКЛ в XVI в., сопровождавшийся дальнейшей дифференциацией в системе замковых судов, нашел отражение в двух судебных книгах вильнюсского наместника за 1559-1564 гг. Они свидетельствуют, что в составе Вильнюсского замкового суда в конце 60-х годов XVI в. начал действовать суд вильнюсского наместника.

Записи ясно определяют и особое назначение этого суда. В отличие от дворянского суда судей высажоных, в суде вильнюсского наместника разбирались гражданские и уголовные дела горожан Вильнюса, т.е. жителей замковой юрисдики, и его "гостей", не подлежащих Магдебургскому праву, и других представителей недворянских сословий. Резко изменилось и само положение наместника как судьи. Он теперь не только замещает воеводу, заведует его судом в случае его отсутствия, но и является самостоятельным судьей в городе, в замковой юрисдике, разбирающим судебные дела и юридически оформляющим поступающие заявления. Делает это один, без участия воеводы, судей высажоных и даже наблюдателей. Виль-

нюсский наместник ведет свои, отдельные от воеводы и судей высажоных, судебные книги. От своего имени вызывает в суд, ведет судебное разбирательство дел, заключает в тюрьму, освобождает из-под заключения и прочие юридические действия.

Материал судебных книг Вильнюсского замкового суда XVI в. опровергает категорическое утверждение Миколаса Летувиса или М.Любавского о юридической некомпетентности наместников. Этого нельзя утверждать, когда речь идет об известных нам вильнюсских наместниках XVI в.

Среди них ярко выделяется фигура С.Гамшея, который был назначен вильнюсским наместником, имея большой опыт судебной практики. С 1552 г. до осени 1559 г. С.Гамшей в судебных книгах Вильнюсского замкового суда фигурирует как подстароста брестский, исполняющий по назначению вильнюсского воеводы М.Радвила Чёрного обязанности судьи Брестского повета[26]. Проработав не менее 7 лет судьей в Брестском повете, С.Гамшей был назначен вильнюсским наместником, где проработал еще 6 лет. Одновременно с должностью наместника в 1559-1565 гг. С.Гамшей исполнял и обязанности судьи высажоного вместе с вильнюсским судьей. Вряд ли нужно сомневаться, что человек, проработав минимум 13 лет судьей в разных подразделениях системы замковых судов, мог оставаться невеждой в юриспруденции.

Постоянными должностными лицами разных замковых судов ВКЛ являлись и другие вильнюсские наместники - Л.Безский и Б.Епимах[27].

Более пристальное знакомство со служебной деятельностью вильнюсских судей свидетельствует, что и тут в середине XVI в. сложилась аналогичная ситуация.

Например, П.Островицкий со времени своего назначения вильнюсским судьей был хорошо известен как адвокат ("прокуратор"). 10 лет он защищал своих клиентов в судах разных инстанций ВКЛ, включая и высшие. Известно, что в 1546 г. П.Островицкий вел дело от имени дворян Брестского повета в суде Панов Рады[28]. Часто П.Островицкий участвовал в судебном разбирательстве дел и как представитель дворян в качестве наблюдателя[29].

Приведенные факты не дают основания сомневаться в компетентности вышеупомянутых должностных лиц Вильнюсско-

го замкового суда. Наоборот, наводят на мысль, что правильнее было бы назвать их юристами-профессионалами XVI в.

Одиннадцать книг смешанных записей дают представление о характерных особенностях периода подготовки судебно-административных реформ 70-х годов XVI в. Они свидетельствуют, что в системе Вильнюсского замкового суда накануне реформ существовали и действовали три фактически самостоятельных суда: 1) универсальный суд вильнюсского воеводы; 2) дворянский суд судей высажоных; 3) мещанский немагдебургский суд вильнюсского наместника (суд замковой юрисдики). В этих судах работали одни и те же должностные лица - судьи и писари, их обслуживала, по-видимому, одна канцелярия, где велись как отдельные книги суда воеводы, судей высажоных и наместника, так и общие книги этих судов.

Два десятка сохранившихся в ЛМ судебных книг, несомненно, не позволяют воссоздать полную картину системы судопроизводства Вильнюсского замкового суда. Без дополнительных исследований сложно однозначно ответить на целый ряд вопросов.

Например, почему одно и то же должностное лицо - вильнюсский наместник С.Гамшей - в одних случаях судит один и от своего имени делает записи в судебных книгах вильнюсского наместника, а в других - вместе с вильнюсским судьей П.Островицким. Тогда оба именуются судьями высажоными, ведут свои, отдельные от наместника, книги или же делают записи в судебных книгах смешанных записей? Мы можем лишь предполагать, что, возможно, внутренний раздел Вильнюсского замкового суда на 3 самостоятельно действовавших обусловила сама внутренняя жизнь ВКЛ середины XVI в., основу которого составляло дворянство как активная социальная сила, борющаяся за расширение своих прав и привилегий. Рост экономической и политической силы дворянства, его социальная активность накануне Люблинской унии диктовали великокняжеской власти необходимость считаться с требованиями дворян куда больше, чем с интересами жителей городов, не подлежащих Магдебургскому праву, чьих интересов в городе не защищали магистрат и городские суды, а также с приезжими временными жителями и людьми недворянского сословия. Ведь и сам суд судей высажоных был задуман и основан как дворян-

ский, правда, в дореформенный период невыборный, поветовый суд. Все остальные жители, подлежащие юрисдикции Вильнюсского замкового суда, остались в ведении суда наместника. Подтвердить или опровергнуть это предположение могут лишь новый источниковый материал и его изучение.

Качественное распределение записей в судебных книгах смешанных записей свидетельствует, что с начала 70-х годов XVI в. в системе Вильнюсского замкового суда уменьшилось значение суда самого воеводы и возрастал престиж дворянского суда судей высажоных и городского немагдебургского суда вильнюсского наместника. Этот процесс особенно очевиден в период Ливонской войны (1558-1583 гг.). В военное время великий князь, члены Рады Панов и Вильнюсский воевода часто отсутствовали и не могли исполнять своих судебных обязанностей. Таким образом, суды вильнюсского наместника и судей высажоных нередко на довольно продолжительное время становились единственными действующими судебными учреждениями (кроме городских магдебургских судов, о которых в данном случае речь не идет) в повете.

Представленные книги Вильнюсского замкового суда, хранящиеся ныне в составе ЛМ, содержат богатейший исторический материал, позволяющий без преувеличения назвать их энциклопедией правовой, социально-экономической, культурной и публичной жизни середины XVI в. столицы ВКЛ и ее повета.

---

[1] Леонтович Ф.И. Областные суды. № 9. С. 83-130; № 10. С. 85-128. СПб., 1910.

[2] Kennedy Grimsted P. What is and what was the Lithuania Metrica? P. 269-338; Kennedy Grimsted P. Czym jest i czym była Metryka Litewska? P. 55-83.

[3] Со времени принятия I ЛС в 1529 г. до судебно-административных реформ 1564/66 гг. вильнюсскими воеводами были: Альбертас Гоштаутас - 1522-1539 гг.; Иван Глебович - 1542-1549 гг.; Иван Горностай - 1549-1551 гг., исполнявший обязанности воеводы ("справца воеводства"); Миколай Радвила Черный - 1551-1565 гг.

[4] Пташицкий С.Л. Описание. С. 114-118; эти книги ныне - ЛМ. Кн. 230, 233, 234, 237, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 250, 252, 253, 255, 256, 259, 260, 262.

[5] Пташицкий С.Л. Описание. С. 85-86; эти книги ныне - ЛМ. Кн. 34, 40.

[6] Пташицкий С.Л. Описание. С. 33; Kennedy Grimsted P. What is and what was the Lithuania Metrica? P. 326-327; Kennedy Grimsted P. Czym jest i czym była Metryka Litewska? P. 80.

[7] ЛМ. Кн. 34. Л. 619; Кн. 240. Л. 254; Кн. 260. Л. 842об.

[8] Лаппо И. Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии //Журнал Министерства народного просвещения. 1908 г., январь. Отдел 11. С. 86-87.

[9] ЛМ. Кн. 233. Л. 165об.

[10] ЛМ. Кн. 234. Л. 223, 223-245об.

[11] ЛМ. Кн. 259. Л. 115.

[12] Леонтович Ф.И. Областные суды. № 9. С. 109-110.

[13] Любавский М.К. Очерки истории. С. 218-220.

[14] Michalonis Lituani. De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum. Fragmina X, multiplici historia referta. Nunc primum per I. Iac. Grasserum C.P. ex Manuscripto Authentico edite. Basileae, MDCXV. P. 23; Mykolas Lietuvis. Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius. Dešimt įvairaus turinio fragmentų. V., 1966. P. 49.

[15] ЛМ. Кн. 230. Л. 22.

[16] ЛМ. Кн. 18. Л. 110-113.

[17] ЛМ. Кн. 230. Л. 22; Кн. 234. Л. 224-224об.

[18] ЛМ. Кн. 230. Л. 26-27об.

[19] ЛМ. Кн. 238.

[20] ЛМ. Кн. 243. Л. 13-14; Кн. 40.

[21] ЛМ. Кн. 253; Кн. 262. Л. 1-153.

[22] ЛМ. Кн. 230. Л. 32-32об; Кн. 238. Л. 3об., 9; Кн. 234. Л. 74об., 104.

[23] Статут Великого княжества Литовского 1529 года /Под редакцией К.И. Яблонскиса. Минск, 1960. С. 167.

[24] Решения Вильнюсского сейма 1551 года опубликованы в: РИБ. Т. 30. Стлб. 184-186.

[25] ЛМ. Кн. 241. Л. 9, 18об.; Кн. 243. Л. 48, 52об.; Кн. 240. Л. 78; Кн. 250. Л. 181об., 240.

[26] ЛМ. Кн. 244. Л. 85об.-89об., 156; Кн. 245. Л. 22, 246, 437-438.

[27] ЛМ. Кн. 242. Л. 100об., 196-196об.; Кн. 237. Л. 144об., 163.

[28] ЛМ. Кн. 243. Л. 12об., 89-90, 121.

[29] ЛМ. Кн. 246. Л. 26-36, 299.

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА АБРОСИМОВА

ДОКУМЕНТЫ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ УКРАИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.

Большие возможности по выявлению как новых, ранее не введенных в научный оборот источников, так и скрытой структурной информации по социально-экономической истории городов Украины первой половины XVI в. заключены в документах Литовской Метрики.

Актуальность исследования ЛМ как источника по указанной проблеме определяется комплексным характером данного архива, сосредоточившего не отдельные документы, а их совокупность, в которой находят отражение не отдельные факты, а их последовательность в многочисленных временных и пространственных связях.

Значение ЛМ как источника по социально-экономической истории городов Украины первой половины XVI в. определяется и тем, что от этого периода не сохранилось комплексных источников по данной проблеме, таких, как магистратские и гродские книги для более позднего времени (кроме г. Львова).

В качестве предмета исследования по описи С.Пташицкого[1] было определено для поактового просмотра 76 книг ЛМ из четырех разделов ЛМ (по описи С.Пташицкого): книг Записей, Переписей, Судных и Публичных дел. В результате было выявлено документов по теме: в 42 книгах Записей - 720 документов по истории 70 городов и местечек Украины; в 23 книгах Судных дел - 263 документа по истории 36 городов Украины; в комплексе книг Переписей - полностью 2 книги (ЛМ-561 и ЛМ-563) относятся к Украине; в 9 книгах Публичных дел - 23 документа универсального характера. В целом, в 76 книгах ЛМ выявлено 1006 документов и полностью 2 книги Переписей по истории 77 городов и местечек Украины (табл. 1).

Статистическая обработка полученных данных показала значительную неравномерность распределения документов по изучаемой проблеме в книгах ЛМ (табл. 2). Исключение составляют книги Переписей ЛМ-561 и ЛМ-563, содержащие

описание 12 украинских замков. Наибольшей репрезентативностью по теме в комплексе книг Записей ЛМ обладают книги: ЛМ-8 (55 док.), ЛМ-37 (53 док.), ЛМ-14 (43 док.) и ЛМ-38 (37 док.). Большая часть документов отражает историю крупнейших городов Украины первой половины XVI в.: Луцка (155 док.), Киева (131 док.), Владимира (58 док.), Кременца (50 док.), Брацлава (35 док.), Овруча (35 док.), Каменца (20 док.), Винницы (20 док.), Черкасс (21 док.), Острога (20 док.) и др.

О степени разнообразия заключенной в ЛМ информации свидетельствует значительная видовая представительность документов (зафиксировано 45 наименований), хотя последняя до некоторой степени может быть скорректирована за счет еще не устоявшейся в этот период терминологии документов в канцелярии ВКЛ. Однако доминируют жалованные данные, подтвердительные и указные грамоты под номиналами "лист", "привилей", "потверженье" (табл. 2).

В комплексе книг Судных дел ЛМ наибольшей информативностью отличаются книги: ЛМ-222, 224, 231, 239, 266, 268, освещающие историю городов Луцка, Киева, Кременца и др. В этом комплексе, также отличающимся видовым разнообразием актов, сосредоточено значительно больше, чем в книгах Записей, документов, отражающих социальное неравенство и классовую борьбу в городах ("выроки", "справы").

Ценность комплекса книг Переписей ЛМ в их тематической компактности. Книги ЛМ-561 (за 1545 г.) и ЛМ-563 (за 1552 г.) включают люстрации 12 украинских замков: Владимирского, Луцкого, Кременецкого, Винницкого, Брацлавского, Житомирского, Черкасского, Каневского, Киевского, Остерского, Чернобыльского и Овручского.

Информация книг Переписей содержит качественные характеристики доходов и повинностей горожан, оборонительных сооружений и военной техники, ремесленного производства и торговли. Особый интерес представляют антропонимические данные, позволяющие реконструировать национальный состав городских жителей, ремесленные профессии и т.д.

Документы, занесенные в книги ЛМ, относятся к источникам массового характера и содержат особенно большой объем скрытой информации, поэтому для решения вопроса об освещении в документах ЛМ истории городов Украины широко

использовались статистические методы, така как "любая попытка систематизировать факты, почерпнутые в источниках массового характера, приводит к применению статистических приемов"[2]. Жалованные, указные, правовые и другие грамоты, а также люстрационный материал содержат ценные цифровые и географические данные, всевозможные переписи и реестры. Анализ цифровых характеристик и учетно-статистических записей, которые содержатся в книгах ЛМ, является важным направлением в изучении этого источника с целью выявления информации по социально-экономической истории[3].

Систематизация и статистическая обработка выявленных документов осуществлялась по нескольким параметрам: хронологическому, географическому, видовому и тематическому. Именно систематизация источников способствует применению их в нужном направлении[4].

Многоплановость информации, массовый характер и статистическая форма данных большинства документов ЛМ по изучаемой проблеме определили эффективность статистических методов обработки актов. Аналогичная система обработки документов ЛМ уже получила апробацию в исследованиях В.В.Дорошенко, С.В. Менжинского и др[6]. Применение единой оптимальной методики обработки и анализа данных массовых источников способствует, как отметила А.Л.Хорошкевич, решению широкой проблемы - сопоставления итогов отдельных региональных исследований, и главное: такая методика повышает информационную отдачу источника[7].

Систематизация документов ЛМ по городам Украины позволила выявить дублирование отдельных грамот в различных книгах ЛМ [8]. Сравнительно-текстологический анализ дублированных грамот способствует определению степени полноты фиксации документов в книгах ЛМ. Документы заносились в канцелярские книги практически полностью, сокращению, главным образом, подвергалась лишь интитуляция.

Для ЛМ характерным является наличие интерполированных, "включенных" документов ("документа в документе"), что позволяет реконструировать несохранившиеся документы, определить степень полноты фиксации последних в книгах ЛМ. Нередко одна грамота сочетала в себе ряд подтвердительных грамот (листов, привилеев и др.), что представляет особую

ценность для реконструкции полноты наличного состава существовавшего документального массива. Подобная информация заключена в нарративной части актового формуляра и выражается в трех основных формах: 1) простое упоминание о существовании той или иной грамоты; 2) краткое изложение ("вольный пересказ") отдельных документов; 3) воспроизведение документа в наррации основной грамоты полностью - "слово от слова"[9].

В документах ЛМ получил освещение один из центральных вопросов феодальной истории - возникновение городов. Терминологическая пестрота дефиниции "город" в документах ЛМ отразила полифункциональность феодального города. Чаще других для обозначения города в ЛМ употребляется термин "место".

Основными источниками ЛМ по вопросу возникновения городов являются публично-правовые документы нормативного характера: локационные, магдебургские, жалованные данные на владение городами, местечками, на ярмарки и торги. Таких грамот, относительно городов Украины, в ЛМ было выявлено 48, из них 25 - локационных, 8 - магдебургских, 2 - комбинированные (локационно-магдебургские), 13 - жалованных на ярмарки и торги. В этих грамотах - информация о возникновении в первой половине XVI в. (1500-1569 гг.) 27 городов и местечек Украины (Брагин, Болванец, Берестечко, Вышгород, Коблин, Острожец, Чернехов, Став, Козин, Сатыев, Мощеница, Чорторыя, Рожищи, Смедин и др.)[10]. По данным ЛМ, процесс городообразования на землях Украины, входивших в состав ВКЛ, заметно усилился к середине XVI в. Пути генезиса городов на Украине в первой половине XVI в. были разнообразны: из сельских поселений и торгово-ремесленных поселений, из пограничных крепостей и феодальных замков, а также закладывались по распоряжению правительства, причем основной путь возникновения городов - из сельских поселений, это подтверждают документы.

Типично феодальную структуру городских поселений отражает возникновение в большинстве своем частновладельческих городов и местечек, что было характерно и для других регионов (Белоруссия, Германия)[11]. Города раздавались в наследственное владение, пожизненное и срочное. Временное

владение городами в этот период ярко прослеживается на примере Чернобыля, построенного на средства киевских бояр и дававшегося в поочередное владение, как правило, на два года[12]. В пожалование отдавался не только весь город, но и отдельная укрепленная его часть - замок[13].

Жизнь украинских городов, входивших в состав Великого княжества Литовского, регламентировалась уставными грамотами, которые свидетельствуют об усилении социально-экономической эксплуатации горожан со стороны господствующих классов[14].

Возникнув как поселение, противоположное деревне, город сосредоточил в себе население, в большинстве своем занятое ремеслом и торговлей. Генетическая связь города и деревни выражалась в значительной роли сельского хозяйства в жизни горожан, о чем свидетельствует наличие замельной собственности городов, а также таких ее "следов", как право горожан пользоваться пашнями, лесами и дубравами, реками и озерами и т.д. (жалованные грамоты жителям Брацлава, Владимира, Каменца, Киева, Кременца, Луцка, Овруча, Чернобыля)[15]. По актам ЛМ основная масса городских земель находилась в руках господствующего класса, владельцев частных юридик. Занятия сельским хозяйством сохранялись дольше и играли значительную роль в городах средних и малых. О значении сельского хозяйства в жизни феодального города свидетельствует наличие городских и замковых сел. Значительная информация по этому вопросу сосредоточена в книгах переписей ЛМ (о замковых селах Киева, Канева, Кременца, Винницы, Остера)[16]. Хронологическая группировка документов подчеркивает факт усилившейся к середине XVI в. раздачи земель "под местом и замком" в руки представителей эксплуататорской верхушки, что свидетельствует о распространении феодального иммунитета на городские владения, об усилении экономической мощи частных юридик в городах.

Достаточно полное освещение в документах ЛМ получил вопрос о повинностях горожан. Помимо военной службы, основными повинностями были: строительство и ремонт замка, острога и моста, сторожевая служба, поставка подвод, продуктов и предоставление домов для послов и господарских слуг, повинности старосте: "колядки", сено, всевозможные мыта с

товаров, корчмы, ловов, мельниц, уходов, бобровых гонов, ёзов, от пересудов, "свадебные куницы" и др. Уставными и указными грамотами вводились, узаконивались, определялись и регламентировались размеры податей и повинностей горожан[17]. Поэтому именно эти документы наиболее оперативно и подробно отражали развитие и изменение налоговой системы в городах Украины, входивших в Великое княжество Литовское. Хронологическая раскладка документов свидетельствует об усилении экономической эксплуатации горожан путем увеличения старых повинностей и введения новых.

Основными характеристиками дефиниции "город" являются ремесло и торговля. Документы ЛМ, главным образом в книгах Записей и Переписей, позволяют проследить развитие ремесла и торговли в крупнейших городах Украины (особенно Луцке, Киеве, Житомире, Брацлаве, Владимире, Каменце, Овруче и др.) на протяжении всего периода[18]. Об уровне развития ремесла свидетельствует его специализация. По данным ЛМ получена информация о 33 наиболее распространенных ремесленных профессиях в городах Украины и прежде всего - портных, скорняках, сапожниках, кузнецах, плотниках, лучниках, стрельниках, шорниках и др. Труд и жизнь ремесленников, объединенных в цехи, строго регламентировали цеховые уставы. В настоящее время науке известно очень мало цеховых уставов украинских ремесленников первой половины XVI в., поэтому особенно ценен каждый вновь найденный документ. Два цеховых устава луцких ремесленников удалось выявить в книгах Записей ЛМ: устав луцких портных и скорняков 1564 г. и устав луцких сапожников 1562 г.[19] Для Луцка и Киева характерным было объединение в один цех ремесленников нескольких специальностей. Возникнув в период расцвета ремесла в городах Украины, цехи своей замкнутостью, строгой регламентацией трудового процесса, преследованием внецеховых ремесленников (партачей) тормозили развитие ремесленного производства. Острая борьба цеховиков с партачами получила довольно подробное освещение в книгах ЛМ (особенно относительно Луцка)[20].

Развитие внутренней и внешней торговли в городах Украины нашло отражение в комплексе документов ЛМ, относящихся к 61 городу. Наибольшей репрезентативностью по данному

вопросу отличаются книги ЛМ-8, 14, 37, 38. Документы ЛМ подтверждают, что основными формами торговли в городах Украины были ярмарки и торги[21], периодичность которых была различной в разных городах (ярмарок - от 1 до 3 в год, а торгов - раз в неделю) и возросла к концу рассматриваемого периода. Максимальная продолжительность ярмарок (2 недели) зафиксирована в Луцке[22]. Довольно широкое освещение в ЛМ получила мытная система. Характерным был процесс аренды мытных сборов, особенно питейных, соляных и восковых[23]. Ведущую роль как во внутренней, так и во внешней торговле Украины первой половины XVI в. играли Киев, Луцк, Кременец, Винница, Каменец, Брацлав, Черкассы, Овруч, Острог, Остер и др.[24] Внешнеторговыми партнерами украинских городов в документах ЛМ указаны Россия, Молдавия, Турция, Пруссия, Польша[25].

Достаточно полное освещение в документах ЛМ получили вопросы развития социальных отношений и классовой борьбы в городах Украины и прежде всего - городское самоуправление и Магдебургское право, социальный и национальный состав и социальные противоречия.

ЛМ - один из основных источников по истории Магдебургского права в городах Украины. Выявлено 10 магдебургских грамот, выданных городам Украины: Василькову, Владимиру, Киеву (2 ед.), Кременцу, Литовижу, Острожцу, Олыке, Перемылю, Чернехову[26]. В документах ЛМ прослеживается ограниченный характер Магдебургского права в украинских городах, выражавшийся в урезывании судебного права самоуправляющейся городской общины, в превращении должности войта в феодальное держание, в постоянном нарушении Магдебургского права со стороны великокняжеской администрации, владельцев частных юридик, городского патрициата.

В результате анализа субъектов инскрипций выявленных грамот была определена значительная социальная неоднородность жителей украинских городов первой половины XVI в., что свидетельствует о незавершенности процесса сословного формирования феодального общества в это время.

Помимо социальной, для городов Украины первой половины XVI в. была характерна и национальная пестрота. Прямые указания и результаты антропонимического анализа данных,

содержащихся в документах ЛМ, позволили выявить представителей 14 национальностей, проживавших в городах Украины. Помимо украинцев, здесь жили русские, белорусы, армяне, поляки, евреи, волохи, турки, литовцы, татары, сербы, чуваши, мордва.

Социально-экономическое неравенство и противоречия порождали в городах классовую борьбу, выражавшуюся в различных формах, самой распространенной из которых были жалобы. В книгах Записей и Судных дел ЛМ выявлено 130 документов по этому вопросу: решения и протоколы феодальных судов, различные "листы" и "привилеи" (жалованные, указные и известительные грамоты). Особенно ценными являются грамоты, освещающие открытую вооруженную борьбу горожан (восстание 1536 г. в Каневе и Черкассах; 1541 г. в Брацлаве и Виннице)[27].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что ЛМ является основным комплексным источником по социально-экономической истории городов Украины первой половины XVI в. с высокой степенью тематической, географической и хронологической репрезентативности.

Извлеченные из книг ЛМ сведения подтверждают высокий уровень экономического развития городов Украины, входивших в это время в состав Великого княжества Литовского. Документы ЛМ позволяют значительно расширить источниковую базу проблемы. Полученные данные могут быть использованы в сравнительно-типологических исследованиях по истории городов других регионов.

Таблица 1. Распределение выявленных документов по комплексам ЛМ

Наименование комплекса ЛМ	Кол-во документов по теме в комплексе ЛМ	Кол-во городов и местечек Украины, получивших освещение в книгах отдельных комплексов ЛМ
Книги Записей	720	70
Книги Судных дел	263	36
Книги Публичных дел	23	10
Книги Переписей	полностью 2 книги (ЛМ-561, 563)	12
Всего:	1006 документов + 2 книги полностью	77

Таблица 2. Топографически-видовое распределение документов книг Записей ЛМ, освещающих историю городов Украины первой половины XVI в.

Номер книги ЛМ	Общее кол-во док. по теме	Кол-во "листов" в книге по теме	Кол-во "привилеев" в книге по теме
3	4		
4	7	4	
5	15	3	4
6	36	5	11
7	2		
8	55	26	16
9	21	4	3
10	10	4	
11	3	2	
12	35	20	7
14	43	34	3
15	8	1	1
17	30	13	6
18	1	1	
19	9	5	1
20	20	9	1
21	15	8	4
22	11	3	2
23	23	12	-
24	27	7	8
25	6	2	1
27	6		
28	26	19	2
29	8	1	
30	17	6	7
31	23	7	3
32	8	6	2
33	11	4	
35	16	1	10
36	1	1	
37	53	37	3
38	37	4	23
39	24	3	6
41	22	6	10
42	1	1	
43	б	2	4
44	10	6	1
45	12	7	1
47	15	14	
48	17	1	12
49	10	4	5
50	16	6	6
Всего документов:	720	299	163

[1] Пташицкий С.Л. Описание. СПб., 1887.

[2] Литвак Б.Г. О путях развития источниковедения массовых источников //Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 105.

[3] См.: Машихин Е.А. Древнерусские письменные источники X-XVII веков как основа экономико-статистической информации: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 1971. С. 3, 11.

[4] Проблема систематизации и классификации исторических источников нашла отражение в исследованиях советских ученых О.М.Медушевской, С.Н.Никитина, А.Н.Николаевской, А.П.Пронштейна, Л.Н.Пушкарёва, К.И.Рудельсон, В.И.Стрельского, М.Н.Черноморского, С.О.Шмидта и др. См.: Ковальский Н.П. Проблемы классификации письменных источников в современной советской историографии //Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всес. конф. Днепропетровск, 31 окт. - 2 ноября 1983 г. М., 1983. С. 14-27.

[5] См.: Дорошенко В.В. Акты Литовской Метрики как источник по истории Латвии //Изв. АН ЛатССР. 1957. № 12. С. 61-72; Его же. Estonica в актах Литовской Метрики //Изв. АН ЭССР. 1958. № 4. С. 319-327; Думин С.В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618-1654 гг. (по материалам Литовской Метрики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 5; Менжинский В.С. Книга Записей Литовской Метрики № 13 как источник по истории землевладения в Белоруссии в первой половине XVI века //Исследования по источниковедению истории СССР XIII-XVIII вв.: Сб. статей. М., 1986. С. 94-117; Его же. Структура феодального землевладения в Великом княжестве Литовском (по материалам Переписи войска 1528 г.) //История СССР. 1987. № 3. С. 164-178; и др.

[6] Хорошкевич А.Л. К истории издания и изучения //Acta baltico-slawica. W-wa, 1973, Т. 8. С. 91.

[7] См.: Привилей 1552 г. //ЛМ. Кн. 28. Л. 130об.-132; Кн. 35. Л. 91-92; Привилей 1555 г. //ЛМ. Кн. 39. Л. 83-84; Кн. 43. Л. 10-10об.; и др.

[8] ЛМ. Кн. 12. Л. 199; Кн. 18. Л. 64; Кн. 20. Л. 299-302; Кн. 21. Л. 73; Кн. 29. Л. 23-26; Кн. 30. Л. 170-171; Кн. 31. Л. 237об.; Кн. 41. Л. 165-168об.; Кн. 561. Л. 55об-56об.

[9] ЛМ. Кн. 12. Л. 125об.; 394-395об.; 413об.-414об.; Кн. 20. Л. 63об., 183-183об.; Кн. 24. Л. 138об.-139; Кн. 30. Л. 171об.-172; Кн. 31. Л. 14об.-15; 111-111об.; и др.

[10] См.: Копысский З.Ю. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в XVI - первой половине XVII в. Минск, 1975. С. 10.

[11] ЛМ. Кн. 24. Л. 182; Кн. 31. Л. 88, 242об. и др.

[12] ЛМ. Кн. 24. Л. 64об.; Кн. 30. Л. 37-37об.; Кн. 29. Л. 32-34; Кн. 45. Л. 90-92об. и др.

[13] ЛМ. Кн. 19. Л. 105-108об.; Кн. 39. Л. 472об.-474об.; Кн. 42. Л. 54об.-56; Кн. 45. Л. 32об.-33об. и др.

[14] ЛМ. Кн. 17. Л. 264-266, 603об.-605 об.; Кн. 39. Л. 612-613об. и др.

[15] ЛМ. Кн. 20. Л. 45об.-46об., 48об.-49об.; Кн. 24. Л. 97об.-100об.; Кн. 31. Л. 246-247; Кн. 33. Л. 410об.-411об.; Кн. 48. Л. 194об.; Кн. 50. Л. 51-52 и др.

[16] ЛМ. Кн. 5. Л. 29об.-30об.; Кн. 256-259; Кн. 248. Л. 162об.-164; Кн. 249. Л. 373об.-375; Кн. 251. Л. 177об., 179; и др.

[17] ЛМ. Кн. 24. Л. 100об.; Кн. 39. Л. 472об.-474об.; Кн. 231. Л. 80.

[18] ЛМ. Кн. 39. Л. 472об.-474об.; Кн. 41. Л. 381-383.

[19] ЛМ. Кн. 20. Л. 299-302; Кн. 23. Л. 126об.-128; Кн. 30. Л. 69-69об.; Кн. 224. Л. 169об.-170; Кн. 31. Л. 249об.-251об.

[20] ЛМ. Кн. 37.Л. 475-475об.; Кн. 39. Л. 709-709об.; Кн. 45. Л. 33об.-34об.

[21] ЛМ. Кн. 28. Л. 130об.-132.

[22] ЛМ. Кн. 6. Л. 256-259; Кн. 24. Л. 103-104; Кн. 35. Л. 139об., 144; Кн. 38. Л. 57-58, 71, 224-225; Кн. 44. Л. 78-80.

[23] ЛМ. Кн. 224. Л. 371-371об., 334об.-337; Кн. 248. Л. 126об.-127; Кн. 249. Л. 431-432об., 496-496об.; Кн. 251. Л. 105.; Кн. 261. Л. 39-39об., 79-80.

[24] ЛМ. Кн. 14. Л. 210об.-211об.; Кн. 21. Л. 237-238; Кн. 24. Л. 150-151; Кн. 37. Л. 465, 469об.-482; Кн. 38. Л. 69-71; и др.

[25] ЛМ. Кн. 9. Л. 77; Кн. 17. Л. 245об.; Кн. 22. Л. 8об., 111; Кн. 41. Л. 165; Кн. 50. Л. 74об.; Кн. 251. Л. 33об.; Кн. 258. Л. 124.

[26] ЛМ. Кн. 21. Л. 105-105об.; Кн. 24. Л. 158об.-159; и др.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ СПИРИДОНОВ

ПЕРЕПИСЬ ВОЙСКА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1567 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛОРУССИИ

Одним из существенных недостатков большинства имеющихся публикаций документальных материалов Литовской Метрики является отсутствие научных историко-географических комментариев к встречающимся в них наименованиям многочисленных населенных пунктов. При предполагаемом продолжении научного издания неопубликованных книг ЛМ XVI в. необходимо, как это и предусматривают рекомендации по изданию последней[1], по возможности преодолеть указанный недостаток. Однако составление таких комментариев к документам ЛМ XVI в., как известно, является исключительно сложной задачей.

Наибольшую сложность представляет идентификация встречающихся в источниках XVI в. наименований населенных пунктов, особенно сельского типа, с известными в настоящее время, а также конкретная локализация их. Это обусловлено рядом существенных недостатков письменных источников указанного времени. Во-первых, в них обычна многовариантность форм написания наименований одного и того же поселения. Идентификацию осложняют также иногда значительные отличия современных наименований сохранившихся древних поселений от их исторических названий, а также переименования населенных пунктов Белоруссии*, имевшие до последнего времени массовый характер, но не нашедшие полного отражения в литературе. Во-вторых, в отличие от источников более позднего времени, в частности, XVIII в. в источниках XVI в., особенно его первой половины, обычно отсутствует

* Применяя в дальнейшем термин "Белоруссия" также и для XVI в., мы условно обозначаем им, как это традиционно принято в белорусской историографии, современную территорию Беларуси.

комплекс необходимых ориентиров для точной идентификации и локализации упоминаемых поселений, в том числе и указания на их административно-территориальную принадлежность. Крайне неудовлетворительный уровень изученности вопросов исторической географии ВКЛ и особенно Белоруссии в эпоху феодализма также осложняет работу по идентификации и локализации поселений.

Таким образом, разработка вопросов исторической географии, глубокий источниковедческий анализ и введение в научный оборот наиболее ранних источников, содержащих массовые данные о поселениях, является одной из особо актуальных задач для историков, изучающих историю Белоруссии в период ее нахождения в составе ВКЛ.

Одним из наиболее информативных с историко-географической точки зрения источников является Перепись ("попис") войска земского ВКЛ 1567 г. Эта Перепись была опубликована вместе со значительно менее содержательными с указанной точки зрения переписями войска ВКЛ 1528 и 1565 гг. в 1915 г.[2] К сожалению, анонсированное Археографической комиссией специальное дополнительное издание примечаний и указателя к данной публикации (с. 11) не было осуществлено. Отсутствие географического и других указателей, а также комментариев является существенным недостатком названной публикации, серьезно осложняющим широкое использование содержащихся в Переписи войска ВКЛ 1567 г. разнообразных данных. Это, в частности, выражается в том, что имеющиеся в ней ценные сведения историко-географического характера до сих пор привлекались лишь частично[3]. При этом вопрос о значении Переписи войска ВКЛ 1567 г. как источника по истории поселений ВКЛ, в том числе и Белоруссии, совершенно не изучен.

В данной работе впервые в историографии предпринята попытка на основе источниковедческого анализа историко-географических данных Переписи войска ВКЛ 1567 г. определить прежде всего количество названных в ней населенных пунктов только на территории Белоруссии. Поэтому подсчеты поселений производились нами лишь по тем территориям бывших поветов ВКЛ, которые полностью (Минский, Новогрудский и Слонимский) или частично (Браславский, Брестский, Виль-

нюсский, Витебский, Волковысский, Гродненский, Киевский, Лидский, Мозырский, Мстиславский, Оршанский, Ошмянский, Пинский, Полоцкий и Речицкий) вошли в состав Белоруссии. Эти территории мы условно относим к "белорусским".

Вместе с тем данная работа представляет собой лишь часть исследования, целью которого является составление комментированного географического указателя и исторической карты к Переписи войска ВКЛ 1567 г. В них найдут отражение, по возможности, все основные сведения, имеющиеся в ней о населенных пунктах Белоруссии. По нашему мнению, научный историко-географический комментарий к населенным пунктам, которые упоминаются в источниках XVI в., должен включать следующие основные позиции: 1) название; 2) тип поселения (город, местечко, село и т.п.); 3) административно-территориальная принадлежность (волость, повет и т.п.); 4) тип собственности (государственная, шляхетская, церковная и т.п.), желательно с указанием конкретного собственника или владельца (имя, отчество, прозвище-фамилия), его титула и должности. Первые три позиции наряду с перечисленными конкретно-историческими сведениями должны содержать также соответствующие современные сведения. Поэтому наряду с определением количества населенных пунктов Белоруссии, которые названы в Переписи войска ВКЛ 1567 г., в исследовании выясняются и другие важные вопросы: о структуре данного источника, о наличии и характере сведений о типе поселений, об административно-территориальной принадлежности их как одном из главных идентификационных и локализационных признаков, о собственниках и владельцах имений, а также о соотношении понятий "имение" и "поселение" и о возможности определения величины не только каждого названного имения, но и поселения.

Комментированный географический указатель и историческая карта к Переписи войска ВКЛ 1567 г., по нашему мнению, значительно облегчат не только идентификацию и локализацию поселений, зафиксированных в разнообразных по происхождению, форме и содержанию видах письменных источников XVI в., но и составление научных историко-географиче-

ских комментариев к документам готовящихся к публикации книг ЛМ.

Перепись войска ВКЛ 1567 г. состоит из 31 основного списка шляхтичей, в своем абсолютном большинстве являющихся непосредственными вассалами великого князя литовского. Шляхтичи-вассалы других светских и духовных феодалов в ней упоминаются очень редко.

Первая часть Переписи 1567 г. представляет собой семь списков различных групп - категорий шляхтичей, каждой из которых был присущ специфический правовой или служебный статус: 1)"...почты (военные отряды. - М.С.) панов рад..." (паны Рады) (с. 431-454); 2) "врадники короля его милости земские и дворные и теж маршалки и писары" (врадники) (с. 454-467); 3)"почты их милости князей и княжат..." (князья) (с. 467-487); 4) "почты паницкие" (паны) (с. 487-506); 5) "почты панов дворан короля его милости" (паны-дворяне) (с. 506-519); 6) "дворане, которые службами короля его милости при дворе господарском забавены суть..." (дворяне) (с. 519-524); 7) "хоругов дворная" (дворовая хоругвь) (с. 524-537).

Вторая часть Переписи войска ВКЛ 1567 г. состоит из 23 списков шляхты тринадцати поветов, а также списка "татар домовых", которые владели имениями в Гродненском, Вильнюсском, Новогрудском, Ошмянском и Тракайском поветах и являлись вассалами великого князя литовского. В указанной части Переписи 1567 г. перечислена шляхта поветов Вильнюсского, Ошмянского, Вилькомирского, Браславского, Тракайского, Гродненского, Ковенского, Лидского, Упитского, Новогрудского, Слонимского, Волковысского, Дорогичинского, Мельницкого, Бельского, Брестского, Пинского, Минского, Речицкого, Оршанского и Мозырского, земель Волынской и Жемайтской, а также, как было отмечено, шляхта нескольких татарских хоружеств. В силу того, что во время переписи основная масса шляхты восточных белорусских поветов обороняла (с. 1378) территорию своего региона от дальнейшего продвижения войск Русского государства, которое в ходе Ливонской войны в 1563 г. захватило г. Полоцк с мощной крепостью, на перепись смогла явиться незначительная часть шляхты лишь некоторых пограничных поветов этого региона. Поэтому в Переписи войска ВКЛ 1567 г. отсутствуют списки шляхты Витебского,

Киевского, Мстиславского и Полоцкого воеводств*, а имеющиеся в ней перечни шляхты Мозырского, Оршанского и Речицкого поветов являются далеко неполными.

Перепись войска ВКЛ 1567 г. представляет собой списки лишь шляхтичей - непосредственных вассалов великого князя литовского.

Все перечни шляхты составлены по единой схеме и содержат, как правило, следующие сведения о всех явившихся на перепись шляхтичах: имена, отчества и фамилии или прозвища, названия принадлежащих им имений, указания на поветовую принадлежность последних, а также численность конных и пеших воинов ("коней" и "драбов"), которых они выставили в войско как "с повинности", т.е. по обязанности, так и "на ласку господарскую", т.е. добровольно сверх установленной нормы. Согласно решению гродненского сейма, принятому в январе 1567 г., феодалы обязаны были снаряжать в войско одного коня с десяти "служб" или "волок", являвшихся единицами обложения крестьян повинностями. При этом одна служба или волока приравнивалась в среднем к двум крестьянским хозяйствам ("дымам"). "Убогая" шляхта, т.е. та, которая не имела крестьян, должна была лично являться на войну "с дыма", т.е. своего хозяйства, "водлуг преможенья своего"[4]. Следовательно, численность конных воинов, которых феодалы должны были снаряжать в войско, была обусловлена численностью принадлежавших им крестьянских служб, волок или дымов, т.е. величиной имений. Тем самым количество коней, снаряжавшихся с того или иного имения, позволяет определить приблизительную величину последнего.

Наряду с отмеченной неполнотой списков шляхты, существенным недостатком Переписи войска ВКЛ 1567 г. является также то, что, вопреки требованию "уфалы и постановления сойму городенского" (с. 451), некоторые представители титулованной знати отказались предъявить списки ("реестры") как

---

* В источниках этого времени административно-территориальные единицы ВКЛ с центрами в городах Витебск, Киев, Мстиславль и Полоцк обычно называются воеводствами. Однако в тексте в дальнейшем для упрощения изложения мы условно перечисляем их в одном ряду с поветами.

своих имений, так и своих почтов, а многие нетитулованные шляхтичи не назвали своих имений и не сообщили о количестве последних.

Не представили списков своих имений, например, такие титулованные шляхтичи, имевшие, судя по другим источникам, земельные владения на территории Белоруссии, как вдова пана О. Горностая Б. Хребтовна (с. 488)[5], паны И.И. Горностай (с. 489-490)[6], Г.Б. Волович (с. 456)[7], М.П. Кишка (с. 456)[8], князья Л.А. Коширский (с. 474)[9], К.К. Острожский (с. 450-451)[10], пан М.Ю. Радзвилл (Радвила) (с. 450)[11], князь Ю.Ю. Слуцкий (с. 451)[12], пан Я.Е. Ходкевич (с. 444-445)[13]. Не указаны в Переписи войска 1567 г. также имения большинства шляхтичей белорусских поветов, являвшихся слугами пана О.Б.Воловича, которые вместо того, чтобы служить в почтах своих поветов, служили в почте своего сеньора (с. 445-447). Нет в ней и названий имений части тех господарских дворян и шляхтичей дворовой хоругви, имения которых, судя по данным анализируемого источника, также находились в Белоруссии (с. 519-537). Отсутствие названий имений, а также данных об их количестве у части шляхты, владевшей несколькими имениями, не позволяет определить общее количество неназванных имений в первой части Переписи 1567 г.

Значительное количество имений не названо и во второй части Переписи войска ВКЛ 1567 г. Но установить их количество возможно, хотя лишь и приблизительно, так как в большинстве случаев количество имений у шляхтичей, снаряжавших по одному коню, без большой погрешности правомерно принять за одно. Таким же образом мы вынуждены поступать и в тех немногих случаях, когда не называются имения шляхтичей, снаряжавших в войско более одного коня. Так, за одно имение мы приняли все неназванные имения минского шляхтича Д.С.Совы, который снаряжал восемь коней (с. 1216). Подсчитанное на основе такой методики количество неназванных имений в Брестском повете составило 54, Волковыском - 50, Гродненском - 185, Лидском - 96, Минском - 55, Мозырском - 2, Ошмянском - 278, Пинском - 57, Речицком - 1 и Слонимском - 6, а всего - 784 имения. Наибольшая часть их (35,5 %) приходится на Ошмянский повет. В отличие от этих и других белорусских поветов, в списках шляхты Новогрудского повета

названы все имения. Необходимо также отметить, что из-за невозможности, в силу отсутствия наименований, распределения имений по расположению на литовские и белорусские, подсчет таких имений по Браславскому и Вильнюсскому поветам нами не проводился. Кроме того, в Переписи 1567 г. не названы имения тех шляхтичей белорусских поветов, которые служили князю Р.Ф. Сангушковичу в замке Чашники (с. 1253-1254), а также имения большинства татар (с. 1355-1374).

Таким образом, в отсутствие названий значительной части имений заключается существенный недостаток Переписи войска ВКЛ 1567 г. как источника по истории поселений Белоруссии.

Существенным недостатком Переписи войска ВКЛ 1567 г. является также то, что значительная часть имений в ее первой части названа без указания их поветовой принадлежности. Поэтому необходимо было определить административно-территориальную принадлежность всех таких имений. Кроме того, в связи с тем, что в настоящее время часть территории всех белорусских поветов, кроме Минского, Новогрудского и Слонимского, находится в пределах Литвы, Украины, России, а также Польши, необходимо было установить, какие из имений были расположены в Белоруссии, хотя территории их поветов выходили за пределы Белоруссии. Эти задачи решались главным образом путем идентификации и локализации названных имений на основе опубликованных списков и словарей населенных пунктов Белоруссии и Литвы[14], а также исторических и крупномасштабных карт всей территории Белоруссии или отдельных ее частей[15]. При этом также учитывались специфические идентификационно-локализационные признаки некоторых имений, имеющиеся в самом источнике и облегчающие определение их поветовой принадлежности. В частности, такими признаками служат, во-первых, указания на жившую в имениях основную категорию (по характеру главных повинностей) крестьян-данников (с. 444, 463, 515 и др.), а, во-вторых, на расположение имений на "Руси" (с. 460, 494, 496 и др.). Анализ данныхПереписи 1567 г. позволяет утверждать, что основным регионом поселений "русских данников" (с. 561, 567, 856 и др.) является бассейн среднего Днепра и его притоков, т.е. белорусское Поднепровье в широком смысле этого термина.

Большинство сел "русских" и данников, которые названы в Переписи 1567 г., находились в Минском и Оршанском поветах (с. 463, 507-508, 515, 554, 567 и др.).

Необходимо также отметить, что на данном этапе исследования не уточнялась поветовая принадлежность, которая в Переписи 1567 г. для ряда имений указана неправильно - по административно-территориальному делению ВКЛ до реформы 1565 г. Кроме того, часть имений, названных без указания поветовой принадлежности, которую пока что точно определить не удалось, в наши подсчеты не включалась. Поэтому в дальнейшем, при идентификации и локализации всего комплекса имений в Белоруссии, названных в Переписи 1567 г., возможны уточнения приведенных в данной работе количественных показателей.

Результаты подсчетов имений, названных в первой части Переписи войска ВКЛ 1567 г., представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Количество имений, названных в первой части Переписи войска ВКЛ 1567 г.**

№ п/п	Группы шляхтичей	Количество имений		
		с указанием поветов	без указания поветов	всего
1	Паны Рады	91	89	180
2	Врядники	46	24	70
3	Князья	36	51	87
4	Паны	111	30	141
5	Паны-дворяне	98	17	115
6	Дворяне	6		6
7	Шляхта дворовой хоругви	47	10	57
	Итого	435	221	656

Следует отметить, что при подсчетах имений в этой части Переписи каждое из одинаково названных имений разных собственников нами условно учитывалось как отдельное имение,

т.е. несколько разных имений не соединялись в одну единицу учета.

Таким образом, в рассматриваемой части Переписи 1567 г. названо 656 имений, которые находились в Белоруссии. В их числе значительную долю (436 имений - 66,4 %) составляют имения панов - членов Рады (180 имений - 27,4 %), панов (141 имение - 21,5 %) и панов-дворян (115 имений - 17,5 %).

Таблица 2. Распределение поселений, которые названы в первой части Переписи войска ВКЛ 1567 г., по белорусским поветам

№ п/п	Поветы	Паны Рады	Врядники	Князья	Паны	Паны-дворяне	Дворяне	Шляхта дворовой хоругви	Всего
		Поселения							
1	Браславский	-	1		4	1			6
2	Брестский	12	3		4	5		1	25
3	Вильнюсский	2	2						4
4	Витебский			3		2			5
5	Волковысский	10		3	10	2		1	26
6	Гродненский	9	6	3	4	5	1	1	29
7	Киевский			1					1
8	Лидский	6	3	2	17	5	1	5	39
9	Минский	34	8	13	18	15		13	101
10	Мозырский	2							2
11	Новогрудский	25	16	5	10	14	2	7	79
12	Оршанский	7	2	17	6	8		1	41
13	Ошмянский	48	17	4	12	10		7	98
14	Пинский	3	2		1	6			12
15	Полоцкий	2	2	10				1	15
16	Речицкий	-	1	-		1			2
17	Слонимский	4	4	6	6	8		1	29
	Итого	164	67	67	92	82	4	38	514

С целью выяснения вопроса о распределении имений, названных в первой части Переписи 1567 г., по белорусским поветам была произведена соответствующая группировка данных. Кроме того, поскольку нас интересовали поселения, а не имения, то необходимо было также выяснить соотношение между этими понятиями в тех случаях, когда имения нескольких собственников носили одинаковые названия и были расположены в пределах одного повета. Например, в первой части Переписи называются три имения Ивенец, находившиеся в Минском повете и принадлежавшие трем шляхтичам, два из которых являлись родственниками (с. 488, 489, 518). Нам представляется, что в данном и в большинстве других случаев несколько имений с одинаковыми названиями в пределах одного повета следует считать одним поселением. На основе именно такой методики подсчетов составлена таблица 2 о распределении поселений по белорусским поветам. При этом количество поселений (514), как и следовало ожидать, оказалось меньше количества имений (656), так как многие крупные поселения принадлежали нескольким собственникам.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что более половины всех поселений (278 из 514, или 54,1 %), которые названы в первой части Переписи войска ВКЛ 1567 г., было расположено в Минском, Ошмянском и Новогрудском поветах.

Значительное количество населенных пунктов Белоруссии названо в списках шляхты второй части Переписи войска ВКЛ 1567 г. Одной из ее особенностей является то, что здесь наряду с главными имениями шляхты в данном повете называются также ее имения и в других поветах ВКЛ (вне территории Белоруссии). Так, в списках шляхты четырнадцати белорусских поветов в соответствующих поветах названо 1217 поселений, в других - 126, а всего - 1343. Больше половины из них (821, или 61,1 %) фигурирует в перечнях шляхты Ошмянского, Новогрудского и Гродненского поветов. Шляхте же шести других, небелорусских поветов, за пределами этих поветов в шестнадцати белорусских поветах принадлежали 24 имения. Например, уже упоминавшийся Ивенец в Минском повете являлся также собственностью нескольких шляхтичей Вильнюсского и Упитского поветов (с. 563, 806). Имений шляхтичей других поветов больше всего было в Минском (26), Ошмянском

(24), Гродненском (21) и Новогрудском (21) поветах. Больше всего имений в других поветах принадлежало шляхтичам Лидского (22), Новогрудского (22) и Вильнюсского (20) поветов.

Суммируя результаты подсчетов поселений, которые названы во всех списках шляхты обеих частей Переписи войска ВКЛ 1567 г., мы получим общее количество поселений (1670), которые были расположены на территории Белоруссии: 1) Браславский повет - 23 поселения; 2) Брестский - 132; 3) Вильнюсский - 11, 4) Витебский - 5; 5) Волковысский - 117; 6) Гродненский - 191; 7) Киевский - 2; 8) Лидский - 152; 9) Минский - 187; 10) Мозырский - 21; 11) Мстиславский - 2; 12) Новогрудский - 281; 13) Оршанский - 50; 14) Ошмянский - 321; 15) Пинский - 61; 16) Полоцкий - 15; 17) Речицкий - 34; 18) Слонимский - 65 поселений. При этом необходимо подчеркнуть, что количество поселений, которые названы лишь во второй части Переписи, существенно возрастает за счет поселений, которые фигурируют в ее первой части. Такое увеличение количества поселений значительно для Минского, Ошмянского и Новогрудского поветов. Но особенно важны, несмотря на свою относительную немногочисленность, сведения о поселениях, имеющиеся в первой части Переписи и касающиеся Мозырского, Оршанского и Речицкого, а также Витебского, поветов Киевского, Мстиславского и Полоцкого, шляхта которых частично или полностью находилась в зоне военных действий, вследствие чего поселения этих поветов во второй части Переписи отражены не полностью или вообще отсутствуют.

Как уже отмечалось, одной из важнейших специфических особенностей Переписи войска ВКЛ 1567 г. является то, что в разных перечнях шляхты некоторые поселения в пределах одного повета, в силу принадлежности их частей в качестве имений нескольким собственникам, называются неоднократно. В Минском повете, например, три и более раз встречаются имения: Беларуч - 3 раза (с. 455, 1219), Вязынь - 5 (с. 475, 497, 1220, 1222, 1228), Гребень - 4 (с. 558, 576, 810, 1229), Дексняны - 7 (с. 438, 438, 1220, 1227, 1227, 1230, 1257), Ивенец - 5 (с. 488, 489, 518, 563, 806), Нестановичи - 4 (с. 468, 469, 530-531, 534), Пережир - 3 (с. 776, 791, 1230), Пожарищи - 8 (с. 1220, 1220, 1222, 1224, 1224, 1224, 1226, 1227), Прилуки - 3 (с. 508, 511, 1222), Станьково - 3 (с. 445, 461, 531), Узда - 4 (с. 529-530,

1217, 1221, 1224) и др. Поэтому при окончательных подсчетах несколько имений с одинаковыми названиями в пределах одного повета мы обычно учитывали как одно поселение. Этим и объясняется то, что количество всех населенных пунктов на территории Белоруссии (1670), зафиксированное в Переписи войска ВКЛ 1567 г., на 187 меньше полученного в результате лишь механического сложения поселений, названных в ее первой и второй частях (без учета поселений Белоруссии, которые называются в списках шляхты небелорусских поветов: 514 + 1343 + 1857 поселений).

Итоговые данные свидетельствуют о том, что больше половины (980, или 58,7 %) всех населенных пунктов Белоруссии, зафиксированных в Переписи войска ВКЛ 1567 г., было расположено в Ошмянском (321 поселение, или 19,2 %), Новогрудском (281, или 16,9 %), Гродненском (191, или 11,4 %) и Минском (187, или 11,2 %) поветах. Обусловлено это, по нашему мнению, двумя следующими основными факторами. Во-первых, относительно большей площадью указанных поветов, кроме Гродненского, по сравнению с другими поветами, шляхта которых относительно полно учтена в анализируемой Переписи. Во-вторых, именно в этих поветах, кроме Гродненского, к 1567 г. в прошлом обширные так называемые "господарские" владения в результате пожалований великих князей земель с крестьянами почти полностью оказались в руках феодалов. В то же время из всех белорусских поветов, шляхта которых явилась на перепись почти полностью, именно в Брестском, Гродненском и Пинском поветах в основном сохранялась значительная часть обширных личных владений короля польского и великого князя литовского Жигимонта Августа[16]. Большое количество имений шляхты при значительном удельном весе великокняжеских владений в Гродненском повете объясняет относительно высокую плотность первых.

Необходимо подчеркнуть, что во многих случаях в Переписи 1567 г. в силу ее специфики называются лишь поселения - центры имений. Имения же состояли иногда из нескольких и даже нескольких дысятков поселений разного типа (местечек и сел), которые поэтому не нашли отражения в ней. Этот существенный недостаток Переписи может быть в значительной

мере преодолен лишь путем привлечения других соответствующих источников.

Известно, например, что центром огромной вотчины князя Ю.Ю.Слуцкого, который снарядил в войско ВКЛ 478 коней, но "реистру списания почту и имений своих дати не рачил" (с. 451), являлся город Слуцк. По данным других источников, эта вотчина состояла из почти 150 сел[17]. Она занимала почти всю восточную часть Новогрудского повета.

В Переписи 1567 г. имение Жировичи Слонимского повета названо как собственность пана И.А.Солтана (с. 488). Из инвентаря этого имения 1566 г. выясняется, что в его состав еще входили, в частности, села Борисовичи, Верхние Болоты и Залесье[18]. Следовательно, и в данном случае в Переписи назван только центр крупного имения.

Наряду с отсутствием в Переписи войска ВКЛ 1567 г. каких-либо упоминаний о значительной части сел, имевшихся в Белоруссии в это время, существенным недостатком анализируемой Переписи как историко-географического источника является и то, что в ней учтены имения шляхты главным образом в западных и центральных белорусских поветах. Сведения же об имениях шляхты пограничных восточных белорусских поветов (Витебского, Киевского, Мозырского, Мстиславского, Оршанского, Полоцкого и Речицкого) носят фрагментарный характер.

К существенным недостаткам Переписи войска ВКЛ 1567 г. как источника по истории поселений необходимо отнести и отсутствие в ней в силу необязательности сведений о типе поселения для абсолютного большинства населенных пунктов. В ней универсальный термин "имение", широко употреблявшийся для обозначения поселений прежде всего как объекта феодального права собственности, почти полностью вытеснил термины, обозначавшие тип поселений: "место" (город), местечко, "двор" (административно-хозяйственный центр имения) и село. Последние встречаются в Переписи исключительно редко.

Несмотря на ряд специфических недостатков, Перепись войска ВКЛ 1567 г. является одним из наиболее информативных с историко-географической точки зрения источников. Наряду со сведениями о значительном количестве населенных

пунктов весьма важными являются сведения об административно-территориальной (поветовой) принадлежности большинства названных в ней поселений. Так как Перепись опирается на введенное в 1565 г. новое деление территории ВКЛ на поветы и воеводства, поэтому такие сведения позволяют в значительной степени определить территориальный состав поветов и воеводств, а в ряде случаев - и расположение их границ.

Существенным достоинством Переписи войска ВКЛ 1567 г. является также то, что в ней содержатся конкретные сведения о принадлежности имений тому или иному шляхтичу. При особой методике обработки данные Переписи войска ВКЛ 1567 г. о количестве коней, снаряжавшихся феодалами со своих имений пропорционально численности принадлежавших им крестьянских служб, позволяют приблизительно определить условную величину (в конях, службах или дымах) каждого имения, а во многих случаях - и имений-поселений тех шляхтичей, которые выставляли лишь по одному конному воину, т.е. являлись в войско, как правило, сами.

Таким образом, анализ данных Переписи войска ВКЛ 1567 г. о населенных пунктах, расположенных на территории Белоруссии, позволяет утверждать, что эта Перепись является одним из наиболее ранних массовых источников по истории поселений Белоруссии в эпоху феодализма. По полноте учета поселений и особенно широте охвата территории Перепись 1567 г. превосходит все другие известные источники XVI в., содержащие массовые данные о населенных пунктах Белоруссии.

Учитывая наличие в Переписи войска ВКЛ 1567 г. комплекса разнообразных ценных данных историко-географического характера, следует признать, что идентификация и локализация всех зафиксированных в Переписи населенных пунктов территории Белоруссии, а на этой основе подготовка и издание словаря-справочника "Белоруссия в 1567 г.", состоящего из комментированного указателя населенных пунктов, именного указателя и исторической карты, явится весомым вкладом в подготовку научной публикации книг ЛМ XVI в.

[1] Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики /Сост. А.Л.Хорошкевич, С.М.Каштанов. Вильнюс, 1985. С. 74. Статья 399 г.
[2] РИБ. Т. 33. С. 341-1378. (В дальнейшем ссылки на столбцы этой публикации приводятся в тексте.)
[3] См., напр.: Jakubowski J. Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVI w. I. Część północna. Skala I: 1000000. Kraków, 1928. S. 5-21; Powiat grodzieński w w. XVI: Mapa w skali I : 400000. Kraków, 1934. S. 1-16; Wawrzyńczyk A. Rozwoj wielkiej własności na Podlasiu w XV i XVI w. Wrosław, 1951. S. 38-113.
[4] Любавский М.К. С. 759-762; РИБ. Т. 30. С. 410-412.
[5] Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. С. 15.
[6] АВК. Т. 22. № 352; Т. 36. № 481.
[7] ЛМ. Кн. 37. Л. 414-415.
[8] ЛМ. Кн. 39. Л. 153-157, 206-207, 207-208.
[9] АВК. Т. 22. № 312, 318, 352.
[10] АВК. Т. 22. № 546, 550.
[11] АВК. Т. 24. № 81; ЛМ. Кн. 37. Л. 227; Кн. 265. Л. 173-176.
[12] Минская старина. Минск, 1913. Вып. 4. № 11. [13] ЛМ. Кн. 54. Л. 63-73.
[14] Slownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajow slowiańskich. Warszawa, 1880-1895. T. 1-14; Гошкевич И.И. Виленская губерния: Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении. Вильна, 1905; Список населенных пунктов Витебской губернии. Витебск, 1906; Ярмолович В.С. Список населенных мест Минской губернии. Минск, 1909; Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910; Указатель населенным местам Гродненской губернии. Гродно, 1911; Рапановіч Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці. Мінск, 1977; Его же. Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці. Мінск, 1980; Его же. Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. Мінск, 1981; Его же. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці.Мінск, 1982. Его же. Слоўнік назваў населеных пунктаў Магілёўскай вобласці. Мінск, 1983; Его же. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гомельскай вобласці. Мінск, 1986; Lietuvos TSR administracinio-teretorinio suskirstymo žinynas /Parenge Z. Noreika, V.Stravinskas. Vilnius, 1976. 2 dalis.
[15] Любавский М.К. Политическая карта Литовско-Русского государства конца XV и начала XVI в. //Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1982. Приложение; Грушевский А.С. Пинское Полесье: Исторические очерки. Киев, 1903 г. Ч. 2: XIV-XVI вв. Карта; Клепатский П.Г. Карта Мозырского повета //Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. Т. I: Литовский период; Jakubowski J. Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego w polowie XVI w. ...; Его же. Powiat grodzieński w w. XVI... ; Wawrzyńczyk A. Mapa 2. Powiat brzeski w drugiej polowie XVI w. Skala 1:1000000 //Wawrzynczyk A. Rozwoj wielkiej własności...; Ochmański J. Powiat kobryński II pol. XVI w.: Mapa //Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa, 1958. N. 3. S. 374; Alexandrowicz S. Miasta i miasteczka Białorusi i Litwy okolo 1650 r. (W granicach Wielkiego Księstwa Litewskiego z 1582 r.): Mapa //Acta Baltico-Slawico. Białystok, 1970. T. 7. S. 72-73; Wojtkowiak Z. Podziały administracyjno-terytorialne Litwy Zawiliejskiej w. XV - połowy XVI w.: Mapa //Wojtkowiak Z. Litwa Zawiliejska w XV i pierwszej polowie XVI w. Poznan, 1980. S. 124-125; Спиридонов М.Ф. Белоруссия в конце XVI в. Масштаб 1:2500000: Карта //Белорусская Советская Социалистическая Республика: Краткая энциклопедия. Минск, 1979. Т. 1. С. 168-169; Специальная карта Европейской России. Масштаб 1:420000. Пг., 1915. Л. 6, 7, 14, 15, 16, 28, 29, 30, 44.

[16] См., напр., списки 1569 г.: Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство. С. 153-154; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1867. Т. 3. С. IX-X.

[17] ЦГИА БССР. КМФ-5. Оп. 1. Д. 1767. Л. 221-224 (1566); Минская старина. Вып. 4. № 11 (1582).

[18] АВК. Т. 22. № 557.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНХИМЮК

ЛИТОВСКАЯ МЕТРИКА И РУМЯНЦЕВСКИЙ КРУЖОК

Среди проблем, связанных с изучением Литовской Метрики, особое место занимают вопросы историографии. Этому аспекту исследований еще сравнительно недавно уделялось мало внимания. Между тем разработка как общих, так и частных вопросов историографии ЛМ позволит обобщить опыт, накопленный предшествующими исследователями, и лучше представить себе задачи, стоящие в настоящее время.

Изучение актов ЛМ всегда шло в общем русле развития исторической науки и культуры в России, Польше, Литве, на Украине и в Белоруссии и поэтому должно быть затронуто тем бурным подъемом интереса к собиранию, изучению и публикации памятников письменности, который наблюдался в первой четверти XIX века. Одним из самых заметных проявлений этого подъема явилась деятельность графа Н.П. Румянцева и его "Ученой дружины"[1]. И хотя многое написано о сотрудниках Румянцевского кружка и их научных предприятиях, вклад этих людей в дело изучения ЛМ должным образом не оценен. Между тем они одними из первых в России стали использовать богатейший материал, содержащийся в ЛМ, и предприняли попытки его издания. В этом плане представляют интерес выписки из ЛМ, которые ныне в трех отдельных томах хранятся в собрании Н.П. Румянцева ОР ГПБ[2]. Выписки эти были сделаны для Н.П. Румянцева Анастасевичем В.Г. и Буссе К.И. в 1820-1822 гг. Об этих людях, обстоятельствах, которые привели к появлению выписок, и планах, с ними связанных, и пойдет ниже речь.

В то время ЛМ была практически недоступна для исследователей, смутно представлявших себе состав и содержание хранившихся в ней документов. Сведения об этом черпались главным образом из трудов польских ученых А. Нарушевича, М. Догеля и др. Поэтому граф Н.П. Румянцев, в поисках новых исторических источников обративший внимание на ЛМ, нуждался, с одной стороны, в специалистах по польской истории и литературе, а с другой, - в людях, имевших доступ к архивам, где находилась ЛМ. Что касается первых, то в них недостатка не

было. В Гомеле, Вильнюсе, Варшаве и др. городах проживало много ученых, сотрудничавших с графом. Они составили своеобразный третий центр кружка (наряду с московским и петербургским). Здесь следует назвать имена таких известных ученых, как И.И. Григорович, И. Лелевель, И.Н. Данилович и Н.Н. Лобойко[3]. В апреле 1817 г. в Петербурге митрополитом Е. Болховитиновым графу был рекомендован В.Г. Анастасевич, через которого впоследствии был получен некоторый доступ к архиву при III департаменте Сената, где хранилась оригинальная часть ЛМ. В.Г. Анастасевич (1775-1845) больше известен как библиограф и переводчик[4]. Живо интересуясь историей России и Польши, он много читал и переводил с польского, что помогло ему завязать прочные связи с польскими и литовскими учеными. Этому способствовала служба В.Г. Анастасевича в Министерстве народного просвещения, где он занимался делами по преобразованию Вильнюсской академии, состоя старшим письмоводителем у попечителя Вильнюсского учебного округа князя А. Чарторыйского, а также в Комиссии составления законов, в которой он служил помощником начальника Отделения польских и литовских прав[5]. В 1811 г. вышел в свет "Статут Великого княжества Литовского" в переводе В.Г. Анастасевича. Эта работа была выполнена в ходе подготовки издания "Свода существующих законов Российской империи". К началу февраля 1817 г. В.Г. Анастасевич закончил перевод сочинения польского ученого В.С. Маевского "Речь об архивах", читанного на заседании Варшавского общества любителей наук в сентябре 1809 г.[6] Несколько ранее Е. Болховитинову был послан перевод приложения к этому сочинению: "Таблица актов Метрики Коронной и Великого княжества Литовского" (ЛМ), находившихся в секретном Краковском и Варшавском архивах, соединенных в 1765 г. и перевезенных в 1795 г. в Санкт-Петербург[7]. "Речь об архивах" содержала, пожалуй, наиболее полные для того времени сведения по истории Коронной и Литовской Метрик, составу и содержанию их документов с указанием мест хранения разрозненных частей этих архивов. В том же 1817 г. В.Г. Анастасевич составляет подробный перечень из реестра, по которому в 1798 г. в Сенат были сданы дела ЛМ[8]. С помощью этого реестра исследователям уже можно было как-то ориентироваться в архиве III департамента Сената

при поиске нужных документов. В перечне В.Г. Анастасевича книги ЛМ указаны под их старыми варшавскими номерами и расположены по хронологии охватываемых ими документов и по царствованиям в следующем порядке: 1) Книги записей, 2) Книги судных дел и протоколов, 3) Реестр делам, исходящим за государственной печатью, 4) Книги переписей и межевания, 5) Книги публичных дел и общественных, 6) Дела особо из Варшавы доставленные, касающиеся новейшего делопроизводства, 7) Дела в связках, составленные из разных бумаг. В перечне указаны крайние даты книг, количество листов в каждой. В графе "Объяснения" иногда имеются краткие замечания по содержанию, физической сохранности, наличию внутреннего реестра.

Судя по примечанию к перечню и предисловию переводчика к "Речи об архивах", В.Г. Анастасевич уже в 1817 г. был непосредственно знаком с документами ЛМ. Так, он сообщает, что ее дела хранятся в "двух покоях", на открытых большею частию полках, многие в "картонах и связках", отмечает печатные карточки на книгах - следы работы польского историка А. Нарушевича по приведению книг ЛМ в надлежащий порядок, тисненные золотом старые варшавские номера и новые, наклеенные Комиссией, разбиравшей ЛМ. В Петербурге во исполнение именного указа императора от 1796 г. В.Г. Анастасевич, видимо, неофициально имел возможность посещать архивохранилище, где хранилась ЛМ, и наводить там нужные ему и его ученым друзьям справки[9].

Занятия В.Г. Анастасевича ЛМ живо заинтересовали митрополита Евгения, с которым он находился в приятельских отношениях. "Какое сокровище", - восклицал Евгений, ознакомившись с приложением к сочинению В.С. Маевского. Ученого архипастыря интересовало прежде всего, есть ли в ЛМ источники, "распространяющие круг сведений в нашей истории, или все относится только до Польши?"[10]. Поэтому, прочитав "Речь об архивах", он остался разочарован малой осведомленностью автора о русских актах и сделал критические замечания в тексте рукописи перевода[11]. С этих пор у Евгения осталось скептическое отношение к ЛМ как источнику и возможности его использования. Через месяц после первых восторгов он писал В.Г. Анастасевичу: "Польские Метрики есть ли

у нас пригодны только для отыскивания полякам своих родословий, то и это польза беднякам сенатским, а историкам не дошла еще череда в них рыться: дорого будет то, что начнет погибать, а пока дело обыкновенно отсрочивается"[12]. Евгений явно недооценивал значение ЛМ для ученых, считая, что она годится лишь как источник сведений по ономастике, генеалогии, топонимике "усадеб и местечек древних"[13]. Но это не мешало ему иногда обращаться к В.Г. Анастасевичу с просьбами поискать в ЛМ нужный ему материал. Так, в письме от 23 мая 1819 г. он справляется о таблицах сошного письма: "Все таблицы, как и счет пирогами, для меня тарабарская грамота. Подожду, что вы найдете для объяснения оной в Польских Метриках"[14]. Работа Евгения над сочинением по истории Пскова требовала осветить его отношения с Литвой, для чего к В.Г. Анастасевичу была отправлена соответствующая просьба[15]. Откликаясь на нее, В.Г. Анастасевич выслал своему другу выписки из ЛМ-4, касающиеся переговоров псковичей с великим князем литовским Казимиром в августе 1480 г.[16] Присланные грамоты содержали ряд неизвестных по другим источникам фактов и были приняты Евгением с удовольствием. Он использовал содержавшийся в псковских посольствах фактический материал и опубликовал их[17].

В отличие от Евгения, у Н.П. Румянцева интерес к ЛМ был постоянный и глубокий. Знакомство с ней он также начал с "Речи об архивах", список перевода которой получил от того же В.Г. Анастасевича[18]. Графа должно было заинтересовать его сообщение, что в ЛМ, хранящейся при Сенате, "есть многие сведения для российской истории и статистики, по перехождению некоторых областей взаимно между соседственными державами"[19]. Учитывая возможности В.Г. Анастасевича по доступу к ЛМ и его хорошие отношения с чиновниками, там служившими, Н.П. Румянцев стал давать ему поручения по копированию отдельных актов. Первым такого рода предприятием, о котором известно из почти не сохранившейся переписи Н.П. Румянцева и В.Г. Анастасевича, стало копирование для графа списков двух посольств (речей посольских) из ЛМ-4 и ЛМ-5: 1) Посольства от великого князя Казимира к великому князю Рязанскому через Василия Хребтовича 1486 г., 2) Посольства от великого князя Александра к великому князю мо-

сковскому через Литавора Хребтовича 1494 г.[20] Выписки производились согласно записке, переданной графом через И.Н. Лобойку в августе 1819 г.[21] В записке, написанной на польском языке, кроме вышеуказанных грамот, была отмечена третья: Посольство от короля польского и великого князя литовского Казимира к великому князю московскому Ивану Васильевичу через Василия Хребтовича 1491-1492 гг. Этот документ в ЛМ найти не удалось, поскольку поисковые данные были указаны неверно. В.Г. Анастасевичу и метриканту С. Козеллу пришлось при этом просмотреть все Посольские книги, хранившиеся в Сенате. Сами выписки были сделаны помощником метриканта титулярным советником С. Лаппой. По характеристике В.Г. Анастасевича он "почти один и есть искатель и выписыватель в Метрике, в которой действительно только чрез долговременное употребление себя для сих работ он удобно обходится и без подробных реестров"[22].

Н.П. Румянцев, давая задание В.Г. Анастасевичу выписать в ЛМ посольства Хребтовича, ожидал увидеть несколько иные по своему содержанию документы "Сии бумаги, - писал он В.Г. Анастасевичу, получив выписки, - суть только наказы или инструкции, порученной им негоциации, а важнее бы было получить описание, каковое сии послы о пребывании своем в России делали, не кроются ли оне при Метриках Литовских, не можете ли вы их отыскать, и с них для меня список взять"[23]. В ответ на подобный запрос В.Г. Анастасевич высказал предположение, что нужные графу документы должны храниться в Московском архиве Министерства иностранных дел. Он вспомнил, что в свое время ему уже доводилось держать в руках описание Дипломатического собрания дел Польского двора, составленное Н.Н. Бантышом-Каменским (Описание сношений с Россией составляло 5 томов.) "Я всю читал, - писал Анастасевич, - и даже старался, хотя безуспешно, чтобы она была напечатана. По крайней мере, я удостоверился, что она теперь в руках Н.М. Карамзина"[24]. Для себя он успел сделать лишь кратчайшие заметки, чтобы потом сличить их с реестрами Польской и Литовской Метрик. В.Г. Анастасевич заверял канцлера, что в ЛМ также можно вести плодотворные изыскания на пользу отечественной истории, но этому препятствует отсутствие хорошей описи: реестры, сделанные при сдаче ЛМ

в Сенат наскоро, были явно недостаточны для этой цели. Он отмечал отсутствие алфавитной росписи по владениям и по владельцам имений, указателей, по которым можно было бы быстро найти нужный акт как по казенным, так и по частным делам[25]. Кроме того, В.Г. Анастасевич не имел доступа к ЛМ столь свободного, какой бы он желал иметь для извлечения нужных выписок[26]. Чтобы устранить это препятствие, В.Г. Анастасевич обратился к покровительству своего бывшего начальника князя А. Чарторыйского и тот начал хлопотать о разрешении работать с польскими рукописями в Публичной библиотеке и делать нужные князю выписки в ЛМ. С рукописными материалами Публичной библиотеки В.Г. Анастасевичу ознакомиться, по-видимому, не удалось[27]. Лучше обстояло дело с ЛМ, хранившейся при Сенате. После доклада министра юстиции императору было получено высочайшее соизволение на получение в сенатском архиве коллежским советником В.Г. Анастасевичем выписок или копий с некоторых актов для князя А. Чарторыйского. Выражаясь языком того времени, был получен "билет" на доступ к ЛМ[28]. Неясно, что В.Г. Анастасевич выписывал из ЛМ для А. Чарторыйского, который, по словам митрополита Евгения, "позавидовал канцлеру в дипломатии и хартомании"[29]. Из письма Евгения к В.Г. Анастасевичу от 25 ноября 1819 г. можно понять, что тот имел какое-то отношение к начавшейся в ноябре 1819 г. работе по отысканию в ЛМ сведений о ленах: "Итак вы начали уже пересмотр Польской Метрики! В добрый час! На что министру финансов оттуда сведения о ленах? Каждый помещик должен иметь у себя документы и скорее их представить, нежели вы отыщите по Метрике"[30]. Но ничего определенного об этом сказать пока нельзя, поскольку участие В.Г. Анастасевича в сборе сведений о ленах никак не отражено в делах Экспедиции ЛМ. Сведения о ленных имениях в западных губерниях выписывали сам метрикант С. Козелл и прикомандированный специально для этой работы чиновник департамента государственных имуществ[31].

Между тем граф желал получить от В.Г. Анастасевича новые выписки из ЛМ, и к концу 1819 г. была достигнута договоренность с С. Лаппой о копировании им грамот за 300 руб. Выписки делались по реестрам, полученным от канцлера в январе и марте 1820 г. Копирование продвигалось медленно и

Н.П. Румянцеву приходилось напоминать о выписках В.Г. Анастасевичу и С. Лаппо, ссылавшимся на крайнюю занятость. Наконец, в конце августа 1820 г. выписки были у графа[32]. Это были копии, извлеченные из ЛМ-4 и ЛМ-5 (несколько позднее их сшили в один переплет). Выписки делались из тех разделов книг, где находятся так называемые "Посольства" или "Книги посольств", но поскольку и здесь встречаются документы, не относящиеся к внешней политике, то переписчик, копировавший зачастую без отбора, включил в копии и случайные документы. В ЛМ-4 подряд были выписаны все документы на листах 86 об.-106, 139-148, 149-169. В основном это посольства от крымских и ногайских татар, волошского воеводы, великого князя московского. С листа 149 идут: Описание дани Ржевской, Реестр смоленских князей, бояр и слуг, Поминки великому князю Тверскому. Из ЛМ-5 были скопированы (начиная с листа 125) аналогичные документы времен великого князя Александра. В конце помещены: Жалованная грамота князю Семену Ивановичу Можайскому на города Чернигов, Стародуб, Гомель 1496 г. и Личба мытника Смоленского 1499 г. При копировании писец сохранял орфографию подлинника, выносные буквы в строку не вносились и титла не раскрывались, некоторые документы он снабдил своими заголовками[33].

Помимо изготовления выписок из ЛМ, Н.П. Румянцев иногда просил В.Г. Анастасевича о разного рода справках из нее. Об их содержании можно судить лишь по кратким упоминаниям в сохранившейся переписке. Так, секретарь Н.П. Румянцева Г.Д. Богацкий переслал В.Г. Анастасевичу в октябре 1819 г. записку для графа от З.Я. Доленго-Ходаковского: "Граф находит в ней маленькую суматоху и вы много его одолжить изволите, если... объясните ее своими замечаниями... а равно хорошо сделаете, если и в Метриках о Чорторийских что либо найдете к объяснению сей суматохы"[34]. В том же октябре 1819 г. митрополит Евгений писал В.Г. Анастасевичу: "Канцлер довольно занимает вас Метрикою да и сам видно любит родословные мелочи едва ли во всех подробностях своих на что-нибидь полезныя. Что в русско-литовских актах встречаются неупотребительныя у нас слова это не диво, когда и каждая наша провинция имеет многочисленныя отличия"[35]. Запросы Н.П. Румянцева в ЛМ, о которых было упомянуто в приведенных

выше отрывках из писем, видимо, были связаны с проектами польского ученого З.Я. Доленго-Ходаковского, призывавшего к расширению традиционного круга источников по истории славян во многом за счет данных топонимики, фольклора, языка. Используя этот материал, а также данные археологии, З.Я. Доленго-Ходаковский рассчитывал установить территорию расселения славян в дохристианское время, границы их государств[36]. Год спустя митрополит Евгений в своем письме снова упоминает о подобном поручении: "Между тем канцлер озабочивает вас приисками по Метрикам польским. Но мне кажется, все это мелочи, едва ли к чему полезные. География усадеб и местечек древних разве только шатуну Городищеславу (имеется в виду все тот же З.Я. Доленго-Ходаковский. - Ю.А.) полезна[37]. Г.Д. Богацкий пересылал к В.Г. Анастасевичу записку, поданную графу в Гомель в сентябре 1820 г. Записка эта касалась "некоторых литовских бумаг". "... Не точно, но с некоторым основанием полагают", - писал Г.Д. Богацкий, - что оные находиться должны при Сенате и Метрическом отделении. Не поскучайте... принять на себя новый труд поручить кому-либо под надзором вашим поискать бумаг противу приложенной записки". В.Г. Анастасевич, видимо, нашел требуемые документы, т.к. вскоре граф через того же Г.Д. Богацкого благодарил его за проделанный труд по записке "о четырех или пяти литовских актах", один из которых был переведен[38].

В то же время внимание графа Н.П. Румянцева привлек еще один источник получения выписок из ЛМ - ее Варшавский список. Возможно, что об этом списке шла речь в письме Г.Д. Богацкого к В.Г. Анастасевичу от 12 октября 1820, где сообщалось о том, что по совету последнего Н.П. Румянцев написал в Варшаву "об оставленных там актах" и выражалась надежда: "Может быть что либо там и удасться"[39]. Канцлер вспомнил о служившем в канцелярии графа Н.Н. Новосильцева К.И. Буссе, одно время жившем у него в доме и заведовавшем его библиотекой. Н.П. Румянцев отзывался о нем как о человеке с отличными способностями и "большим просвещением"[40]. К.И. Буссе с 1809 г. служил в Комиссии составления законов, затем одно время у Н.П. Румянцева, после чего вновь поступил на государственную службу. Писал на немецком языке исследования по истории России и Прибалтики. Умер за границей в

1860 г. В 1871 г. в Лейпциге была издана оставшаяся в его бумагах монография о герцоге Магнусе[41]. По роду своей службы К.И. Буссе имел возможность знакомиться с документами Архива Царства Польского в Варшаве, где хранилась копия ЛМ. Эта копия была изготовлена по указу короля Станислава и постановлению Непременного Совета Речи Посполитой от 1777 г. о переписке латинским алфавитом книг ЛМ. Переписка производилась под наблюдением секретаря Непременного Совета по Экспедиции русских дел А. Корвина-Косаковского. Кириллица заменялась латинским алфавитом по нормам правописания польского языка. Переписка длилась несколько лет, в результате чего был создан новый список ЛМ, охватывающий 66 книг ЛМ и переплетенный в 29 томов. В 1799 г. эта копия была отдана русским правительством Пруссии, но в 1807 г. она была возвращена в Варшаву уже навечно[42].

Первоначально весной 1821 г. К.И. Буссе скопировал для Н.П. Румянцева отдельные документы из Варшавского списка: Договор Казимира с Василием Темным 1449 г., Договор Александра с Иваном Васильевичем 1494 г., Псковское посольство к Казимиру и "Отказ псковичам"[43]. Выписки понравились как графу, так и А.Ф. Малиновскому - ближайшему советнику Н.П. Румянцева по вопросам приобретения рукописей, кроме того осуществлявшему надзор за изданием "Собрания государственных грамот и договоров"[44]. По поручению и "иждивением" канцлера в Варшавском архиве начали готовить целый том выписок документов из ЛМ, касающихся дипломатических сношений Литвы с Россией. Работа была закончена в ноябре 1821 г. К.И. Буссе писал, что перед ним был выбор: или сохранить латинский алфавит и соблюсти польское правописание, или вернуться вновь к кириллице. Был выбран второй вариант, т.к. он был сопряжен с меньшими трудностями и давал возможность восстановить правописание оригинала ЛМ (но лишь в той мере, насколько это позволяла копия, поскольку, по словам К.И. Буссе, польские писцы переписывали оригинал "с ощутительным нерадением"). К.И. Буссе признавал, что в полученных копиях не может быть абсолютной точности передачи текста, несмотря на ту осмотрительность, с которой они делались. Научную значимость копий он связывал с плохой сохранностью оригинала ЛМ, хранящегося в Петербурге, полагая, что

они в случае утраты некоторых актов могут их заменить. "Есть ли же по исправному состоянию оригинальной Метрики и сей пользы от них не будет", - заключал К.И. Буссе предисловие к первому тому выписок, - "да останутся они в библиотеке почтенного мецената и творца ученой российской дипломатики некоторым свидетельством неусыпных его стараний к открытию и сохранению истребляющихся от сильной руки времени памятников Российского народа"[45].

Том выписок озаглавлен: "Литовския государственныя грамоты и посольства. Часть 1", что говорит о намерении К.И. Буссе и далее продолжать копирование документов ЛМ по внешнеполитической истории. В томе выписок, как уже говорилось выше, помещено своеобразное предисловие, в котором можно найти краткие сведения по истории Варшавского списка, а также принципы передачи текста в помещенных ниже копиях[46]. Списки документов со времен великого князя Витовта до великого князя Александра (1393-1506 гг.) отсистематизированы следующим образом: 1) Грамоты и посольства Псковские и Новгородские, 2) Грамоты и посольства великих князей Тверских и Рязанских, 3) Грамоты князей удельных, 4) Грамоты и посольства великих князей Московских, 5) Грамоты разного содержания. В конце тома помещены: оглавление, "синхроническая таблица" годов правлений великих князей литовских, королей польских, великих князей московских, ливонских магистров с 1385 по 1506 гг., краткий словарь полонизмов[47]. Большинство выписанных документов имеют отсылки к номерам книг и страницам Варшавской копии, откуда они извлечены. Часть выписок снабжена подстрочными примечаниями, в которых приведены соображения главным образом относительно датировки документов по другим источникам: материалам Посольского приказа, Собранию Польского двора, Истории российской Н.М. Карамзина.

Между тем, получив первый том выписок, граф ждал "вторую часть Польской Метрики". "Я и остальную часть всю получу, а здесь никто никогда добиться не мог их видеть или ими пользоваться", - удовлетворенно сообщал он из Петербурга А.Ф. Малиновскому[48]. Следующий том выписок, который был закончен в июне 1822 г., оказался в четыре раза меньше первого по объему. Он содержал документы ЛМ, относящиеся к

делам внутреннего управления русских, украинских и белорусских земель, входивших в состав ВКЛ. В предисловии К.И. Буссе замечает, что им отобраны "достопамятнейшие" документы-привилеи, данные городам и сословиям, судные грамоты и пр. Их научную значимость он оценивал главным образом в связи с историей древнерусского законодательства. Касаясь древнейшего из помещенных в этом томе документа - описания дани Ржевской, он пишет, что здесь можно найти интересные данные о Новгороде второй половины XV в. и по истории российского законодательства. Как интересный факт выделяет К.И. Буссе упоминания о существовании "древних прав русских" в привилеях, жалованных городам на Магдебургское право. Содержание судебных грамот, помещенных в конце тома, по мнению составителя, показывает, что "обряды, кои наблюдались в Литве сообразны с старинным судебным порядком в России и в тех областях, которые никогда от России отторжены не были. Из сего заключить должно, что таковыя судныя грамоты, да и самыя древнейшие литовские законы по аналогии могут служить к объяснению древняго российского законодательства"[49]. Этот том также снабжен кратким словарем полонизмов и оглавлением, но подстрочное примечание имеет лишь один документ. Нужно отметить, что в целом К.И. Буссе подготовил свои выписки на более высоком уровне, нежели В.Г. Анастасевич. Документы в них систематизированы, многие датированы, имеются элементы научно-справочного аппарата.

Получая выписки из ЛМ, Н.П. Румянцев использовал их так же, как и другие документы, которые для него копировались. Перед тем, как занять свое место в библиотеке графа, они высылались для ознакомления и возможного использования ученым корреспондентам Н.П. Румянцева. Выписки из ЛМ канцлер посылал, в частности, митрополиту Евгению. "Позвольте милостивый государь мой, - писал он ему в октябре 1820 г., - ... к вам здесь препроводить отрывок бумаг, для меня извлеченных из так называемых Польских и Литовских Метрик. В отрывке сём найти изволите два документа единственно до Пскова касающиеся, не угодно ли вам будет внесть их в Псковскую летопись, которую заготавливать изволите... обещаюсь и впредь всегда препровождать к Вашему просвященст-

ву все те бумаги, которые будут до рук моих доходить и относиться ко Пскову". В свою очередь, графа интересовало мнение Евгения насчет датировки посланных документов, упоминаемых в них посаднике Василии Люшкове и боярине Юрии Ивановиче, встречаются ли они в других источниках. Упоминание среди сословий Псковской республики "сынов посадничьих", обозначенных в грамоте перед боярами, также требовало комментариев Евгения. Посылались к нему и копии литовских грамот и актов, полученных от К.И. Буссе, для оценки их научного значения[50].

Следуя сложившейся практике направлять А.Ф. Малиновскому копии иностранных источников о России, Н.П. Румянцев знакомил его с выписками из ЛМ, обращая особое внимание на документы, касающиеся сношений России и Литвы. А.Ф. Малиновский проверял, имеются ли в МГАМИД их оригиналы или списки, и если не оказывалось, снимал с присланного копии для архива. Первоначально граф планировал издать экстракты из ЛМ в печатавшемся "Собрании государственных грамот и договоров" "между договорами нашими с Польшей", когда должно было окончиться публикование собственно грамот и начаться печатание договоров (в эти тома предполагалось включить и материал, поступавший к Н.П. Румянцеву из заграничных архивов, например, Копенгагенского). Но постепенно у графа созревает мысль об отдельных сериях, где в рамках публикации всего корпуса известных иностранных источников по истории России были бы изданы документы ЛМ. Общее название выглядело так: "Российская дипломатика. Иностранные источники"[51]. Название серии предполагалось дать следующее: "Российская дипломатика. Польской и Литовской источник". К документам ЛМ планировалось присоединить неизданную часть дипломатического собрания М. Догеля[52]. По этому поводу канцлер просил совета у А.Ф. Малиновского: печатать ли в предполагаемом издании те же документы из ЛМ, которые имеются в МГАМИД и, следовательно, войдут в "Собрание государственных грамот и договоров", или оставить в нем только оригинальные документы[53]. В числе других серий Н.П. Румянцев намеревался издать акты из Кенигсбергского архива ("Кодекс дипломатический ливонский"), из Дрезденской королевской библиотеки и Венского

императорского тайного архива ("Австрийский источник") и т.д.[54]. К.И. Буссе в своем письме от 11 августа 1822 г. предлагал тому опубликовать присланные им выписки в Петербург, сверив их с оригиналами, хранившимися в сенатском архиве. Однако и он сам, и Н.П. Румянцев понимали те трудности, с которыми придется при этом столкнуться. Канцлер смотрел на это довольно пессимистичеси: "В рассуждении Литовской Метрики, что здесь находится (в Петербурге. - Ю.А.) она неприступна не для того, чтобы строго возбранен был до нее доступ, но от непомерной лени петербургских жителей и их разсеянности, которыя всегда склоняют их все откладывать и самой малейший труд избегать, как какое бы на них гонение", - писал он в июле 1822 г. А.Ф. Малиновскому[55]. Возможно, что за этими словами было скрыто недовольство канцлера В.Г. Анастасевичем, их сотрудничество к этому времени расстроилось. Из упомянутого выше письма К.И. Буссе можно понять, что Н.П. Румянцев не хотел поручать издание ЛМ В.Г. Анастасевичу, а в таком случае, как считал варшавский корреспондент графа, это дело сможет успешно выполнить лишь Калайдович[56].

Нужно сказать, что план совместного издания ЛМ и собрания М. Догеля не был хорошо продуман, как не была скоординирована работа тех, кому предстояло его выполнить. Это видно из письма И.Н. Лобойки к Н.П. Румянцеву от 26 июня 1822 г. (И.Н. Лобойко руководил в Вильнюсе работой по снятию для графа копий из рукописи М. Догеля): "Профессор Лелевель уезжает в Варшаву. Он слышал, что Ваше сиятельство поручили кому-то там заниматься выписками или перепискою актов. В таком случае покорнейше прошу велеть показать и сообщить ему все то, что для вас сделано для нашего общего с ним соображения. Мы думаем, может быть сим путем что либо найдете для поверки Догеля. В сей надежде и ожидании я не велю ничего переписывать из Догелева собрания до возвращения профессора Лелевеля из Варшавы"[57]. В это время К.И. Буссе уже завершил работу над вторым томом выписок из ЛМ, а И.Н. Лобойко и И. Лелевель только узнают, что для графа делаются выписки из ЛМ и, вероятно, не имеют понятия об уже высказанном Н.П. Румянцевым желании совместного издания ЛМ и М. Догеля. К тому же оказалось, что русско-литовские акты,

помещенные в труде М. Догеля, были скопированы им плохо по причине незнания русского и других славянских языков (язык актов Молдавии и Валахии он называл волошским), поэтому планировавшееся издание II и VII томов "Дипломатического собрания" М. Догеля пришлось отложить[58].

Не суждено было увидеть свет и задуманному Н.П. Румянцевым изданию выписок из ЛМ. Но проделанная канцлером и его сотрудниками работа не пропала даром. Она во многом способствовала росту интереса ученых к ЛМ как богатейшему источнику по истории народов Восточной Европы. С выписками из нее, хранившимися в библиотеке графа, могли знакомиться сотрудничавшие с ним ученые, а с 1831 г., с момента открытия Румянцевского музеума, - и читатели его библиотеки (ЛМ, хранившаяся при Сенате, продолжала оставаться недоступной для исследователей до 1838 г.). В тридцатых годах XIX в. появилось несколько публикаций документов из ЛМ, в которых были использованы выписки В.Г. Анастасевича и К.И. Буссе. В 1831 г. вышла в свет "История княжества Псковского", где были опубликованы выписки, касающиеся г. Пскова[59]. В "Русской Вивлиофике" Н.Полевого за 1833 г. были напечатаны некоторые документы из ЛМ, списанные в Публичной библиотеке, Румянцевском музеуме и Варшавском коронном архиве[60]. В 1836 г. вышло первое издание "Сборник Муханова". В предисловии среди лиц, от которых был получен материал для сборника, упомянут К.И. Буссе. Из "Примечания о Метрике Литовской" можно понять, что П. Муханов опубликовал документы ЛМ по списку Варшавского коронного архива, который он довольно часто посещал, "делав иногда сам выписки"[61]. В результате сличения текстов выписок, сделанных К.И. Буссе для Н.П. Румянцева, с текстами, помещенными в "Сборнике Муханова", обнаружено, что документы ЛМ были опубликованы П. Мухановым в основном по румянцевским копиям. В обоих случаях отобраны одни и те же документы (у П. Муханова лишь один лишний № 86), в большинстве случаев имеются одинаковые разночтения с другими публикациями тех же документов[62]. В "Сборнике" воспроизведены почти все подстрочные примечания К.И. Буссе, хотя необходимости в этом не было, т.к. в конце "Сборника" П. Муханов поместил свои примечания. В "Сборнике" буквально воспроизведены поиско-

вые данные документов, помещенных в румянцевских копиях. В "Примечании о Метрике Литовской" чувствуется влияние "Предуведомления" К.И. Буссе к первому тому выписок. Таким образом, можно считать, что П. Муханов частично привел в исполнение замысел графа Н.П. Румянцева опубликовать выписки.

Перечисленные издания позволили в большей мере ощутить потребность в историческом материале, хранящемся в ЛМ. Возросший интерес к ее документам побудил Археографическую комиссию просить доступа к архиву при III Департаменте Сената. На заседании Комиссии 19 июля 1837 г. Я.И. Бередниковым было предложено вытребовать ряд рукописей из Румянцевского музеума для готовившихся Комиссией изданий. В их числе были и выписки из ЛМ[63]. Вскоре они были доставлены в Археографическую комиссию в числе других рукописей Музеума и использованы при подготовке к изданию первого тома АЗР[64]. В июне 1838 г. было получено разрешение министерства юстиции на доставку в Комиссию во временное пользование книг ЛМ, из которых собирались делать извлечения[65]. Работу с ними вел И.И. Григорович. В вариантах вышедшего под его редакцией первого тома АЗР наряду со "Сборником Муханова" и публикацией М. Догеля были указаны чтения выписок из ЛМ Румянцевского музеума. В одном случае из-за утраты двух листов в ЛМ, как и предвидел К.И. Буссе, часть документа была воспроизведена по копии Румянцевского музеума[66]. 24 ноября 1842 г. на основании донесения А.Х. Востокова Археографическая комиссия постановила напечатать "Собрание дипломатических актов" М. Догеля, не ограничиваясь неизданными томами. Работа по подготовке к изданию была поручена А.Х. Востокову, однако вскоре она была приостановлена ввиду нехватки денежных средств[67]. Работа эта расценивалась современниками как прямое продолжение дела, начатого графом Н.П. Румянцевым[68]. И, наконец, в 1843 г. князем М.А. Оболенским в приложениях к "Книге посольской" был издан "Подробный перечень дел Метрик Коронной и Литовской", составленный В.Г. Анастасевичем[69].

С деятельностью Археографической комиссии и ее изданиями обычно связывают "открытие" Литовской Метрики для широкого круга исследователей, что ознаменовало собой но-

вый этап в изучении истории Украины, Литвы, Белоруссии и России[70]. Но нужно помнить, что достигнутые результаты не возникли на пустом месте, а во многом были подготовлены предшествующей "Румянцевской эпохой", которая, помимо первых опытов использования ЛМ как исторического источника, дала и ряд ее будущих исследователей, таких, как И.И. Григорович, И.Н. Данилович, А.Х. Востоков и др.

---

[1]О деятельности Румянцевского кружка см.: Кочубинский А.А. Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер граф Румянцев. Одесса, 1887-1888; Иконников В.С. Опыт. С. 132-243; Козлов В.П. Колумбы.

[2]ОР ГБЛ. Ф. 256. № 73, 74, 75. Описание их см.: Востоков А. Описание. М., 1842. С. 127-138. О выписках см.: Иконников В.С. Опыт. С. 184; Козлов В.П. К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Зап. отд. рукописей. М., 1980. Вып. 41. С 16; Козлов. Колумбы. С. 64-65.

[3]Козлов. Колумбы. С. 30-33.

[4]О нем см.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1886. Т. 1. С. 521-529; Брискман М.А. В.Г. Анастасевич (1775-1845). М., 1958.

[5]ГПБ. Ф. 588. № 205. Л. 2-2 об.

[6]В фонде В.Г. Анастасевича ОР ГБЛ сохранился черновой автограф перевода с датой его завершения (Ф. 8. М. 912, 1/2 Л. 4). "Речь об архивах" была напечатана в VIII томе Летописей Варшавского общества Любителей наук, а затем перепечатана с исправлениями в сочинении В. Маевского: O slawianach i ich pobratimkach. Warszawa, 1816.

[7]Неустроев А.Н. Письма Евгения. С. 613; Автограф перевода см.: ОР ГБЛ. Ф. 255, 15. 16. Л. 1-2 об. Таблица перепечатана в приложениях к изданию: Книга Посольская. С. 323-326.

[8]Книга Посольская. С. 327-418.

[9]ОР ГБЛ. Ф. 255. 15. 15. Л. 1 об.; Книга Посольская. С. 327; Щукинский сборник. С. 52.

[10]Неустроев А.Н. Письма Евгения. С. 613.

[11]Там же. С. 618; Эти примечания см.: ОР ГБЛ. Ф. 255. 15. 15. Л. 7-9.

[12]Неустроев А.Н. Письма Евгения. С. 623.

[13]Полетаев Н. Письма митрополита. № 2-6. С. 214.

[14]Там же. С. 191.

[15]Неустроев А.Н. Письма Евгения. С. 639.

[16]Полетаев Н. Письма митрополита. С. 367, 377; Выписки делались для Н.П. Румянцева, они хранятся: ОР ГБЛ. Ф. 256. № 73. Л. 9-10 об., 27-27 об.

[17]Евгений. История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 2. С. 70-76.

[18]См. пометы В.Г. Анастасевича на рукописи: ОР ГБЛ. Ф. М. 912. 1/12. Л. 1; ЛОИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 341/19. Л. 5; Ныне рукописи, представленные Анастасевичем Н.П. Румянцеву, хранятся в архиве последнего: ОР ГБЛ. Ф. 255. 15. 15-16.

[19]ОР ГБЛ. Ф. 255. 15.15. Л. 1 об.

[20]ОР ГБЛ. Ф. 256. № 73. Л. 25-26, 83 об.-85 об.

[21]Щукинский сборник. С. 51-52; Записка ныне хранится: ЛОИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 341/9. Л. 71.

[22]Щукинский сборник. С. 52.

[23]Письмо Н.П. Румянцева к В.Г. Анастасевичу от 4 сентября 1819 г. - ОР ГБЛ. Ф. 255. 5.27. Л. 9 об. Одновременно списки этих же документов были получены графом от самих Хребтовичей: Там же; Переписка Н.П. Румянцева. С. 128.

[24]См. черновик письма В.Г. Анастасевича к Н.П. Румянцеву от 16 сентября 1819 г. - ЛОИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 341/20. Л. 23-23 об.

[25]Там же; ОР ГБЛ. Ф. 255, 15.15. Л. 1 об.

[26]ЛОИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 341/20. Л. 23-23 об.

[27]Полетаев Н. Письма митрополита. С. 214; Брискман М.А. В.Г. Анастасевич. С. 191.

[28]ЦГАДА. Ф. 328. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 89-90; Полетаев Н. Письма митрополита. С. 229.

[29]Полетаев Н. Письма митрополита. С. 184.

[30]Там же. С. 231.

[31]ЦГАДА. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 73; Там же. Ед. хр. 50. Л. 56-57, 59.

[32]ЛОИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 341/19. Л. 18-19, 21-21 об., 23, 28.

[33]ОР ГБЛ. Ф. 256. № 73. Л. 1-71, 82-147 об. Постатейную роспись всех выписок см.: Востоков А. Описание. С. 127-135.

[34]ЛОИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 341/19. Л. 15 об.

[35]Полетаев Н. Письма митрополита.

[36]Козлов В.П. Колумбы. С. 85-86.

[37]Полетаев Н. Письма митрополита. С. 374.

[38]ЛОИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 341/19. Л. 30-30 об., 37-37 об.

[39]ЛОИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 341/19. Л. 30 об.

[40]Переписка Евгения. Вып. 3. С. 113.

[41]Иконников В.С. Опыт. С. 184, 221, 873, XI.

[42]ОР ГБЛ. Ф. 256. № 74. Л. 1-1 об.; Книга Посольская. С. XVIII.

[43]Первые два подшиты вместе с выписками, полученными от В.Г. Анастасевича: ОР ГБЛ. Ф. 256. № 73. Л. 72-80; третий см.: ОР ГБЛ. Ф. 255. 13.12; Переписка Евгения. Вып. 2. С. 43.

[44]Переписка Н.П. Румянцева. С. 181-182.

[45]ОР ГБЛ. Ф. 256. № 74. С. 3, 4.

[46]Там же. С. 1-4.

[47]Там же. С. 6-315, 316-329; Подробную роспись см.: Востоков А. Описание. С. 135-137.

[48]Переписка Н.П. Румянцева. С. 222.

[49]ОР ГБЛ. Ф. 256. № 75. С. V-VI. Подробную роспись см.: Востоков А. Описание. С. 137-138.

[50]Полетаев Н. Письма митрополита. С. 377; Переписка Евгения. Вып. 1. С. 36; Вып. 2. С. 43; Вып. 3. С. 113, 114.

[51]В оглавлении первого тома выписок, полученных от К.И. Буссе, можно видеть карандашные пометы рукой А.Ф. Малиновского о наличии подобных документов в МГАМИД: См.: Переписка Румянцева. С. 128, 150, 181-182, 222, 223.

[52]Там же. С. 222. Из восьми томов труда М. Догеля вышли только три: первый - 1758 г., четвертый - 1764 г., пятый - 1759 г. Второй том был для Н.П. Румянцева наиболее интересным, поскольку касался отношений с Россией: См.: Книга Посольская. С. XIII; Иконников В.С. Опыт. С. 256.

[53]Переписка Н.П. Румянцева. С. 222.

[54]Там же; Козлов В.П. Колумбы. С. 129-131.

[55]Переписка Н.П. Румянцева. С. 229.

[56]ЦГАДА. Ф. 17. Ед. хр. 35. Доп. л. 29-30.

[57]ЦГАДА. Ф. 17. Ед. хр. 61. Доп. л. 49 об.
[58]Книга Посольская. С. XIII.
[59]Евгений. История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 1-4.
[60]Полевой Н. Русская вивлиофика. М., 1833. Т. 1. С. 91-110, 410.
[61]Муханов. С. II, XXXIV.
[62]Ср.: ОР ГБЛ. Ф. 256. № 74. С. 68-69; Муханов. № 60. АЛМ. № 453. ОР ГБЛ. Ф. 256. № 74. С. 71-73; Муханов. № 82; АЛМ. № 431.
[63]Протоколы АК. Вып. 1. С. 129.
[64]ОР ГБЛ. Ф. 352. 8. 1. Л. 12-13.
[65]Протоколы АК. Вып. 1. С. 258; Пташицкий С.Л. Описание. С. 65.
[66]АЗР. Т. 1. С. 136.
[67]Протоколы АК. Вып. 2. С. 140-141, 152.
[68]Переписка А.Х. Востокова // Сборник ОРЯС. СПб., 1873. Т. 5. Вып. 2. С. 360.
[69]Книга Посольская. С. 327-418.
[70]Пташицкий С.Л. Описание. С. 66.

ЗИГМАНТАС КЯУПА

ТРУДЫ СИМОНАСА ДАУКАНТАСА ПО ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКЕ

1-я половина XIX в. - время пионерского проникновения в тогда еще мало знакомую ЛМ. Прошлое земель, входивших в ВКЛ, привлекало усиленное внимание. Историческая наука выполняла социальный заказ господствующих кругов Российской империи или оппозиционных сил. Стремление глубже проникнуть в прошлое вело историков в архивы, в том числе и в ЛМ[1]. Однако положение дел здесь было противоречивое. С одной стороны, материалы ее упорядочивались, с другой - доступ историкам к ней был почти закрыт. В этом плане интересен и уникален опыт известного литовского историка Симонаса Даукантаса, проникшего к ЛМ как историческому источнику как бы изнутри и оттуда предпринимавшему усилия (без согласования с хранителями ЛМ) ввести в научный оборот ее материалы.

Путеводителем по жизни и биографии С. Даукантаса служила нам его биография пера Витаутаса Меркиса, в которой обобщены и достижения по этой теме историографии Литвы[2]. Необходимо отметить, что автор биографии не обошел стороной сюжета "С. Даукантас и ЛМ", проследил за тем, какое значение она имела в жизни историка, для его творчества. Нами же этот сюжет будет рассматриваться в другом контексте - контексте истории изучения ЛМ. Нас интересует, что нового внес в ее изучение С. Даукантас (это имеет значачие до сих пор), как можно воспользоваться результатами его работы и опытом.

При рассмотрении источников под другим углом зрения часто в них обнаруживается ранее не замеченная, бывшая не нужной информация. Так произошло и при изучении главных источников темы, то есть выписей С. Даукантаса из ЛМ и его переписки с деятелями культуры и историками Литвы. Были обнаружены до сих пор не использованные источники, не известные или считавшиеся пропавшими сборники выписей С. Даукантаса из ЛМ.

* * *

В 1835 г. С. Даукантас поступил на службу в Сенат, где с 1837 по 1850 г. служил помощником метриканта ЛМ. Ко времени знакомства с ЛМ С. Даукантас уже написал "Darbai senųjų lietuvių ir žemaičių" ("Деяния древних литовцев и жемайтов") и, видимо, заканчивал "Istorija žemaitiška" ("История жемайтов"). Будучи в Петербурге С. Даукантас продолжал научную и просветительскую работу. В 1845 г. издал "Būdas senovės lietuvių kalnėnų ir žemaičių" ("Образ жизни древних литовцев аукштайтов и жемайтов"), к 1850 г. закончил "Pasakojimai apie veikalus lietuvių tautos senovėje" ("Повествование о деяниях литовского народа в древности"), издавал сборники литовского фольклора, переводил, готовил к печати и издавал книжки для народа.

Изучение истории Литвы укрепляло в С. Даукантасе мысль, которая прививалась ему во время студий в Вильнюсском университете, о расширении источниковой базы, необходимости собрать воедино известные и еще не известные источники по истории Литвы. Хотя отсутствует объяснение С. Даукантаса причин его поступления на службу в Сенат, можно выдвинуть гипотезу, что у него был дальний прицел - ЛМ. С. Даукантас не был удовлетворен своими служебными обязанностями, хотя строгие сенатские правила, препятствовавшие распространению материалов из ЛМ, подозрительность начальства довлели над ученым. Позже в письмах годы службы он назвал "порой терроризма"[3].

Однако, несмотря на тяжелые условия, С. Даукантас упорно изыскивал исторический материал в ЛМ, копировал его. В его архиве сохранилось около 1000 листов выписей из ЛМ[4]. На первый взгляд, вся эта масса материала может показаться неорганизованной, случайной по составу. С этим можно было бы согласиться, так как создается впечатление, что С. Даукантас переписывал все, что представлялось ему интересным и важным для истории Литвы. Однако это был, видимо, первый этап работы С. Даукантаса над ЛМ - выявление материала. Результатом второго этапа являются 4 объемистых тематических сборника, в которые было сгруппировано большинство выписей из ЛМ.

О двух сборниках узнаем из письма С. Даукантаса к историку Теодору Нарбуту от 11 июня 1843 г.[5]. Автор сообщает Т. Нарбуту, что по его просьбе выслал список-гербовник Альбертаса Коялавичюса (Коялович) и сборник выписей на 220 листах с 262 актами. Содержание сборника в письме не раскрывается, но детально объясняются аббревиатуры, которыми помечены все акты. Это К.З., С.Д. и К.П.Д. - Книги записей (Libri inscriptionum), Судные дела (Libri decretorum) и Книги публичных дел (Libri publicorum negotiarum). Эти аббревиатуры недвусмысленно указывают на ЛМ. Автор извиняется, что, возможно, в сборнике обнаружатся уже ранее опубликованные акты - работая над сборником, он не имел под рукой изданий М. Догеля, П. Муханова, "Собрания государственных грамот" Н. Румянцева[6] и поэтому мог что-нибудь повторно переписать. Привилеи, имеющиеся в сборнике, были сверены, на это, мол, указывают поправки в тексте. А вот посольские дела остались не сверены, однако они переписаны очень внимательно. Все, как в оригинале, - отсутствуют точки, запятые, прописные буквы.

В письме Т. Нарбуту от 1 октября 1843 г. С. Даукантас[7] сообщил, что выслал ему два сборника выписей: 1) книгу привилеев Литвы, взятую у Игнатия Онацевича, которая в данном случае нас не интересует и 2) книгу, в которую было переписано 190 разных актов. Содержание ее здесь не раскрывается.

Эти сборники были, видимо, подготовлены к печати, так как с Т. Нарбутом обсуждались возможности их издания, хотя С. Даукантас больше всего был заинтересован в издании гербовника Коялавичюса. Однако он не соглашался с любым предложением. Когда Т. Нарбут хотел поручить печатание его сборника группе польских издателей в Вильнюсе (Михалу Грабовскому, Александру Пржездзецкому и Миколаю Малиновскому), С. Даукантас в письме от 4 сентября 1843 г. бурно протестовал[8]. Польские историки стремятся, мол, скрыть прошлое Литвы, показать, что не было ее самостоятельности, они исковеркают издаваемый текст. Уже в этом письме появляется требование С. Даукантаса вернуть ему уже отосланный Т. Нарбуту сборник и гербовник.

Хотя позже С. Даукантас выслал, как говорилось выше, Т. Нарбуту еще и второй свой сборник, требование вернуть оба

сборника и гербовник становится с конца 1844 г. лейтмотивом его писем Т. Нарбуту[9]. С. Даукантас требует - Т. Нарбут не высылает, С. Даукантас снова требует - Т. Нарбут все равно не высылает. Так продолжалось почти десятилетие.

Последними достоверными известиями об этих двух сборниках до недавнего времени считались имеющиеся в письме С. Даукантаса неизвестному лицу, члену Вильнюсской археологической комиссии (Е. Тышкевичу?) от 21 декабря 1858 г.[10]. С. Даукантас преподносил в дар Археологической комиссии свои сборники, и только она должна была вытребовать их у Т. Нарбута. Здесь же имеется характеристика содержания сборников. В первом сборнике были помещены привилеи государей, начиная с Александра до Стефана Батория включительно, для ВКЛ, земель или воеводств Витебского, Полоцкого, Киевского, Волыни и Подляшья. Здесь же имелись договоры ВКЛ со Псковом, Великим Новгородом, Молдавией и другими государствами, материалы посольств ВКЛ в неуказанные соседние страны и оттуда - в Литву.

Второй сборник - это varia, разное. Здесь имелись привилеи на разные уряды ВКЛ, вплоть до Люблинской унии, завещания, интересные судебные решения (это эпитет С. Даукантаса), реестр государственных доходов 1499 г., реестр библиотеки Жигимонта Старого в Вильнюсе"[11]. Кроме того, в сборнике были помещены акты, представляющие материал для исследования литовской шляхетской геральдии, реестры доходов таможень в Полоцке, Луцке, Бресте и Каунасе и другое.

Археологическая комиссия, однако, сборников у Т. Нарбута не вытребовала. Следы их на продолжительное время исчезли. Правда, в печати появилось сообщение, что сын Т. Нарбута Станислав в 1883 г. передал библиотеке Оссолиньских во Львове сборники выписей по истории Литвы, принадлежавшие отцу[12]. В описи рукописей этой библиотеки появляются загадочные "Выписи из Литовской Метрики"[13]. Фредерик Папэ публикует один акт из ЛМ, указывая, что взял его из сборника Т. Нарбута, находящегося в Библиотеке Оссолиньских[14]. Так как сам Т. Нарбут выписей из ЛМ сделать не мог, все указывало на то, что это - сборники С. Даукантаса. Наконец, идущий по следам подарка Т. Нарбута Владас Жукас в 1987 г. побывал в наследнице части рукописей Библиотеки Оссолиньских, в

Львовской научной библиотеке им. В. Стефаника АН Украины, и сообщил о находящихся там подаренных Т. Нарбутом сборниках выписей[15]. Один из них - выписи И. Онацевича из архивов Кёнигсберга, пересланный Т. Нарбуту С. Даукантасом, другой - выписи самого С. Даукантаса из ЛМ.

В самом деле, в библиотеке хранятся, кроме сборника выписей И. Онацевича[16], два сборника выписей из ЛМ, сделанные С. Даукантасом. Один из них - это подшитая книга на 196 листах (пронумерованы страницы - 388)[17]. Она полностью заполнена выписями С. Даукантаса из ЛМ. Каждая страница заполнялась полностью, после окончания одного акта на той же странице имеется начало следующего. Перед каждой записью указывается книга ЛМ, из которой выпись сделана, и листы. Все это могло свидетельствовать, что сборник составлен по заранее обдуманному плану. Однако этому противоречит отсутствие хронологической и тематической последовательности. В начале сборника подшиты 2 непронумерованных листа, на которых имеется содержание сборника, реестр записей, сделанный рукой Нарбута. В конце реестра пометки с подписью Т. Нарбута: Calą tę księgę przepisał s.p. Szymon Dowkont pomocnik Metrykanta w S. Peterburgu gorliwy zbioracz materiałow do Dziejow Litewskich, niech mu będzie cześć i honor na ziemi a wieczna szczęsliwość po zgonie. Здесь Т. Нарбут ошибся, так как С. Даукантас пережил его на 3 недели (Т. Нарбут умер 15.11.1864, С. Даукантас - 6.12.1864).

Большую часть сборника - с. 1-210, № 1-104 - составляют разные дипломатические документы, переписанные из ЛМ, Книги записей № 5 по нумерации, употребляемой С. Даукантасом и соответствующей нумерации, применяемой в Центральном государственном архиве древних актов - нынешнем месте хранения ЛМ (Ф. 389). Далее, на с. 210-388, имеется еще 90 выписей из разных книг ЛМ за 1391-1635 гг. Это привилеи Витаутаса, дипломатические материалы, отказы государей послам ВКЛ на сеймах, записи государей разным лицам, завещания, судебные дела и прочее.

Более сложный по составу другой сборник[18]. Это тоже подшитая книга на 151 листе (пронумерованы страницы - 298). В начале книги, на двух непронумерованных листах, имеется реестр записей, заканчивающийся подписью Т. Нарбута, на-

зывающего себя собственником этого сборника. Как правило, каждый акт начинается здесь на новом листе, имеется несколько пустых, незаписанных оборотных страниц листа. Бумага разнообразная, разного формата. Записи пронумерованы, их всего 73. Однако во второй половине книги записи подшиты без учета нумерации. Видимо, сборник некоторое время был не подшит.

Это подтверждает содержание сборника, 59 записей из 73 составляют выписи С. Даукантаса из ЛМ: великокняжеские привилеи Подляшской, Витебской, Волынской, Смоленской, Киевской и Полоцкой землям, договоры ВКЛ с Молдавией, Великим Новгородом, Псковом, Тверью и другими русскими княжествами, дипломатические материалы отношений с этими государствами, татарами, Польшей. Имеется несколько выписей документов по внутренней жизни ВКЛ. Все они охватывают период за 1387-1635 гг.

Кроме того, имеется 16 записей, сделанных С. Даукантасом, однако не являющихся выписями из ЛМ. Среди них два текста С. Даукантаса трудноопределимого жанра. Они начинаются как рассуждения по определенной теме, а в конце принимают форму письма Т. Нарбуту[19]. Это рассуждения о шляхетских гербах литовцев и о реестре привилеев ВКЛ, находившихся в архиве Радвилов. В конце последнего имеются интересные замечания С. Даукантаса о своей работе над ЛМ и приготовлением выписей: W moich wypisach porządku nie ma dla tego, że ksiegi biorą do Archeologicznej Kommissji i trzymają po roku, po poł roku u siebie, nim wracają. Pozniej można je ułożyć porządkiem lat i miejśc, wszystko co było u nas prócz organiczeń za panowania Witouta, Swidrigieły, Zygmunta Kiejstutowicza i Kazimierza tyczącego się samsiadów, te Wielmożny Dobrodziej już posiada. Dokumenta bardzo są nieakuratnie w księgi wpisane, jak Pan Kapitan postrzega, naczęsciej bez daty jak np traktat Zygmunta Kiejstutowicza z lią wojewodą, gdzie tylko pawiedziano: pisano w Soczawie, a roku niepolożono i na kopii jego rok następnego dokumentu jest położony. Co się tycze wierności z księgami, w tym Wielmożny Dobrodziej moze bydz pewnym, ponieważ są lektowone, a jeżeli się okazuie jaka wada w gramatycznym względzie, to ta się znajduie w księgach. Także Aleksandra już zebrałem, teraz zbieram Zygmunta i Zygmunta

Augusta, ktore Wielmożnemu Kapitanowi udziele, kiedy Bóg da zdrowie i kiedy ma prętko drukowac"[20].

Совершенно ясно, что около 80 % материала, помещенного в этот "собственный сборник" Т. Нарбута, он получил из рук С. Даукантаса. Причем около 60 % всего материала составляют выписи из ЛМ. В сборник подшито еще 14 актов разного происхождения. Здесь имеются выписи самого Т. Нарбута из печатных изданий, копии 2 документов из архива магистрата г. Риги, предоставленные Карлом Эдуардом Наперским[21], копии документов, место хранения которых не указано, но при некоторых из них имеются пометки Игнатия Даниловича или Василия Анастасевича[22]. Весь этот материал охватывает период за 1253-1736 гг., если не считать текстов самого С. Даукантаса.

Содержание сборников в общих чертах соответствует их характеристике, данной самим С. Даукантасом в 1858 г. Некоторые мелкие различия, отсутствие некоторых выписей, упоминаемых в 1858 г., могут быть объяснены тем, что сам С. Даукантас мог что-нибудь перепутать, так как с 1858 г., когда он отослал Т. Нарбуту сборники, все же уже прошло 15 лет, или тем, что Т. Нарбут мог что-нибудь изъять, особенно из неподшитого сборника. Совершенно ясно, что ныне во Львове хранящиеся сборники являются теми же сборниками (один из них несколько переделан), которые С. Даукантас в 1843 г. переслал Т. Нарбуту, затем неоднократно требовал вернуть, наконец, в 1858 г. передал Вильнюсской археологической комиссии. Нарбуты не выполнили его просьб, а после смерти С. Даукантаса в 1864 г. и закрытия царскими властями Археологической комиссии в 1865 г. уже и не могли выполнить.

Нам предстоит разобраться в перипетиях, связанных еще с одним малоизвестным сборником выписей из ЛМ. В письме Т. Нарбуту от 22 июня 1845 г. С. Даукантас писал, что у него находится принадлежавший покойному графу Юргису Плятерису (Плятеру) сборник привилеев Жемайтии, который он надеется когда-нибудь издать с дедикцией Ю. Плятеру[23]. О находившемся в библиотеке Плятера сборнике источников по истории Литвы сообщал Т. Нарбуту в 1836 г. и деятель литовской культуры Симонас Станевичюс[24]. На самом деле в архиве С. Даукантаса имеется переплетенная рукопись в 188 листов[25], на обложке которой помечено: Fragmenta Historica ex

Bibliotheca Illustrissimi Comitis Georgii Plater.., а на титульном листе: Privilegia, jura et immunitatis Ducatus Samogetarum jusu venerabilis capituli Mednicensis ex pargamenis aut transumpti originalibus cum indictione in quoniam libro actorum Lithvanorum inveniuntur ad usumque ejusdem venerabilis capituli anno 1778 conscripta atque comparata. Итак, перед нами сборник привилеев Жемайтского княжества,подготовленный по заказу капитула епископства Жемайтии в 1788 г. Как явствует из сигнатур, указанных при каждом акте, это копии с книг ЛМ. В сборнике помещены 63 акта начиная с XV в. (с книги данин Казимира) по 1740 г. Этот сборник свидетельствует, между прочим, что уже в конце XVIII в. с книг ЛМ снимались копии и формировались сборники выписей, пока еще в практических, не научных целях. Не подлежит сомнению, что этот сборник - упоминаемый сборник Ю. Плятера.

Но в архиве С. Даукантаса имеется и другой сборник выписей из ЛМ с актами Жемайтии. Он помещен в папке вместе с находящимися в россыпи выписями из ЛМ[26]. Среди этой россыпи имеется подшитый том, имеющий 195 листов. На них переписаны 57 актов, относящихся к Жемайтии. Хронологические рамки те же, что и в сборнике Ю. Плятера, 51 акт имеется в обоих сборниках. Этот сборник имеет приметы черновика, его С. Даукантас подготовил, видимо, независимо от сборника Ю. Плятера, не позже 1841 г. Мы ссылаемся на пометку, указывающую на отсутствие нескольких листов, на которых находился "jurament Zygmunta Augusta, oddany panu Narbutowi 15 stycznia 1842 roku"[27].

Кроме того, в этой же единице хранения, среди россыпи, имеются еще выписи из ЛМ около 40 актов по истории Жемайтии за 1511-1640 гг. Все это указывает на то, что С. Даукантас готовил, по примеру двух первых сборников, сборник с актами Жемайтии. Когда к нему не известным нам путем перешел сборник Ю. Плятера, С. Даукантас решил, как писал Т. Нарбут, издать его с дедикацией Ю. Плятеру.

Однако С. Даукантаса, видимо, не удовлетворяло содержание сборника Ю. Плятера, он его значительно пополнил, чисто переписал и таким образом появился третий сборник с актами Жемайтии[28]. Сборник состоит из 384 листов, в него вошли 96 актов за 1390-1715 гг. 54 акта имелись в сборнике Ю. Плятера,

от девяти С. Даукантас отказался. В то же время он ввел в сборник 35 актов из ЛМ, отсутствовавших в сборнике Ю. Плятера. В результате стремления С. Даукантаса пополнить сборник в него вошли и выписи из архивов Кёнигсберга (5 единиц), а также из некоторых публикаций. Однако материалы ЛМ составляют около 90 % выписей. Этот сборник полностью подготовлен к печати, в нем имеются заглавный лист, дедикация Ю. Плятеру, предисловие, содержание, археологические и исторические комментарии, списки великих князяй литовских и королей польских, чьи привилеи и грамоты помещены в сборнике, а также список старост Жемайтии.

Подготовку сборника к печати С. Даукантас заканчивал после возвращения в Литву в 1850 г. Хотя выписи из архива Кёнигсберга заверены в 1842 г., С. Даукантас их получил, как явствует из подшитой в сборнике декларации, в 1857 г.[29]. Надежды с изданием С. Даукантас связывал с врачом Петрасом Смуглявичюсом, входившем в кружок молодых людей с литуанистическими интересами и аспирациями развития на этой почве культурной деятельности, кроме того, на некоторое время приютившем С. Даукантаса[30]. На заглавном листе сборника рукой С. Даукантаса было написано: Sumptibus M. D. Petri Smuglewicz Doctoris Medicinae impressa. Однако эта запись позже зачеркнута другими чернилами, а издание и этого сборника С. Даукантаса по неизвестным причинам не было осуществлено.

В архиве С. Даукантаса хранится еще один сборник выписей из ЛМ[31]. Это сборник привилеев самоуправляющимся городам Литвы и привилеев светским и духовным феодалам на право образования местечек в их владениях, на учреждение торгов и ярмарок в них, или, как принято сокращенно называть, привилеев городам и местечкам. Этот сборник состоит из двух частей. Первая (лл. 1-235) - это переписанная полностью книга меньшей канцелярии ВКЛ за 1791-1792 гг.[32], в которую были занесены привилеи на самоуправление, т.е. на Магдебургское право, предоставленные 74 городам ВКЛ за 1791-1792 гг. Вторая часть (лл. 240-488) - это 169 актов по 111 городам и местечкам за 1495-1790 гг. из ЛМ. Всего в сборник занесено 243 акта по 162 городам и местечкам Литвы (только 2 местечка находятся за преде-

лами Литвы, у западной границы Белоруссии). В сборнике нет сведений о подготовке его к печати.

Мы привели краткую характеристику последнего сборника, так как он хорошо известен и широко использовался исследователями истории городов и местечек Литвы[33].

* * *

Работы С. Даукантаса по изучению ЛМ и подготовке сборников ее материалов оставались малоизвестными. Из-за неблагоприятных условий развития литовской культуры в царской России, отсутствия меценатов С. Даукантасу, не желавшему сотрудничать с пренебрегавшими самобытностью и самостоятельностью Литвы польскими историками и меценатами от истории и не обладавшему собственными средствами, не удалось опубликовать свои сборники. Однако эта его работа и знание ЛМ все же при его жизни давали некоторую отдачу. Здесь не будем разбирать вопрос об использовании материалов ЛМ в научных трудах самого С. Даукантаса - сюжет обширный, требующий специальных исследований.

С. Даукантас щедро снабжал материалами ЛМ других историков Литвы своего времени. Наиболее красноречивый факт - посылка сборников Т. Нарбуту. Конечно, С. Даукантас надеялся, что Т. Нарбут поможет издать их. Но в письмах Т. Нарбуту неоднократно встречается призыв вводить материалы сборников в научный оборот. Хрестоматийным в литовской историографии становится факт сотрудничества С. Даукантаса и Мотеюса Валанчюса при работе последнего над изданной в 1848 г. "Žemaičių vyskupystė" (Епископство Жемайтии)[34]. М. Валанчюс в своем историческом труде приводит данные о предоставлении 19 городам и местечкам Жемайтии привилеев, приводит описания гербов городов. Только в четырех случаях есть указание на ЛМ, но нет сомнения, что здесь был использован материал сборника С. Даукантаса - сборника привилеев городам и местечкам.

После того, как были опубликованы письма С. Станявичюса Михаилу Балинскому[35], стало известно, что С. Станявичюс в 1844 г. предоставил М. Балинскому обширный материал по истории городов Литвы для готовящегося тома по ВКЛ издания

"Starożytna Polska". Сам С. Станявичюс получил эти сведения от одного жемайтиса, работавшего в Петербурге при ЛМ[36]. Нет сомнений в том, что этот жемайтис был С. Даукантас.

Мы привели только несколько примеров распространения С. Даукантасом материалов ЛМ, но уверены, что после специального исследования таких фактов стало бы известно намного больше. Дело затрудняет то обстоятельство, что С. Даукантас требовал от своих сотрудников сохранять его имя в тайне, боясь репрессий со стороны начальства[37] - ведь все это он делал вопреки существующим правилам.

* * *

Деятельность С. Даукантаса по изучению ЛМ и распространению ее материалов следует считать пионерской и яркой страницей раннего изучения ЛМ. Надо отметить, что всю работу он проделал самостоятельно, в одиночку, без какой-либо помощи государственных учреждений или общественных организаций, нарушая строгие правила, созданные царской бюрократией, и постоянно испытывая из-за этого опасения репрессий.

В свете задач издания ЛМ вряд ли возможно воспользоваться опытом С. Даукантаса археографической подготовки материалов - требования и правила ныне другие. Однако его опыт подготовки тематических сборников представляется нам весьма перспективным. Оба направления издания ЛМ (по книгам и сборникам) имеют право на существование . Следовало бы издать сборники С. Даукантаса. Это мероприятие поставило бы перед издателями немало трудных задач, но оно заманчиво в плане издания материалов ЛМ с учетом приближающейся двухсотлетней годовщины рождения С. Даукантаса, которая будет отмечаться в 1993 г.

---

[1]Пташицкий С.Л. Описание. С. 64-66.
[2]Merkys V. Simonas Daukantas. V., 1972.
[3]Там же С. 113.
[4]Большая часть сохранившихся рукописей С. Даукантаса хранится в ОР ИЛЯЛ. Ф. 1. "Симонас Даукантас ". Выписи из ЛМ, хранящиеся там же, коротко охарактеризованы: Сонгайлайте Р. С. Даукантас - исследователь ЛМ // Литовская Метрика. Тез. докл. С. 60-61.

[5]Письма С. Даукантаса издавались неоднократно. Пользуемся и ссылаемся на новейшую публикацию: Daukantas S. Raštai / Sudarė V. Merkys. T. 2. P. 738. Здесь и далее даты приводятся по новому стилю.

[6]Об этих изданиях ЛМ писали Хорошкевич А.Л. К истории издания и изучения. С. 74-75; Катилюс А. Первые публикации документов ЛМ // Литовская Метрика. Тез. докл. С. 54-56.

[7]Daukantas S. Raštai. T. 2. P. 750.

[8]Там же. С. 746-747; Merkys V. Simonas Daukantas. P. 153-155.

[9]Письма С. Даукантаса Т. Нарбуту от 06.12.1844, 24.02.1845, 03.03.1845, 22.06.1845, 27.04.1848, 04.05.1851, 25.05.1854 // Daukantas S. Raštai. T. 2. P. 753-776; Merkys V. Simonas Daukantas. P. 154-162.

[10]Daukantas S. Raštai. T. 2. P. 777-780.

[11]Здесь и С. Даукантас, и Йахим Лелевель, и последующие исследователи этого реестра ошибались до тех пор, пока Константинас Яблонскис не доказал, что это реестр библиотеки канцлера ВКЛ Альбертаса Гоштаутаса (Гоштовта). Jablonskis K. Lietuvos kultūra ir jos veikėjai. V., 1973. P. 353-357.

[12]Žukas V. S. Daukanto dokumentų nuorašai // Literatūra ir menas. 1988 m. balandžio 23 d.

[13]Inwentarz rękopisów Biblioteki Zakładu Narodowego im Ossolińskich we Lwowie. T. 4. Lwów, 1926. Nr. 2938/111, 3116/111.

[14]Akta Aleksandra, króla polskiego, wielkego księcia litewskiego (1501-1506) / Wydał F. Papée. Kraków, 1927. Nr. 21. S. 20-21.

[15]Žukas V. S. Daukanto dokumentų nuorašai...

[16]РО ЛНБ. Ф. 5. Оп. 1. V 2937/Ш.

[17]Там же. № 2938/Ш.

[18]Там же. № 3116/Ш. Как видно из подписей на листах использования, оба этих сборника в 1969-1973 гг. изучал Витаутас Рауделюнас, однако о результатах своих исследований в научной литературе не сообщал.

[19]Там же. С. 279-286.

[20]Там же. Л. 286.

[21]Там же. Л. 265-271.

[22]Там же. Л. 43-44, 241-244.

[23]Daukantas S. Raštai. T. 2. P. 763-764.

[24]Stanevičius S. Raštai. V., 1967. P. 420.

[25]ОР ИЛЯЛ. Ф. 1. V 111.

[26]Там же. № 66.

[27]Там же. Л. 137.

[28]ОР БАН СССР. Собрание 33. № 14.

[29]Там же. Между Л. 6 и 7; Л. 49, 52 и др.

[30]Aleksandravičius E. Kultūrinis sąjūdis Lietuvoje 1831-1863 m. V., 1989.

[31]ОР ИЛЯЛ. Ф. 1. № 69.

[32]ЛМ. Кн. 556.

[33]Укажем на новейшие исследования, где имеются ссылки на более раннюю литературу: Tyla A. Žemaitijos savivaldžių miestų dokumentai Lietuvos Metrikoje // Lietuvos miestų istorijos šaltiniai. V., 1988. P. 5-8; Meilus E. Lietuvos miestų, miestelių steigimo ir turgų bei prekyviečių privilegijos (XVII a. antroji pusė - XVIII a.) // Ten pat. P. 60-62.

[34]Merkys V. Simonas Daukantas. P. 250; Merkys V. "Žemaičių vyskupystė" // Valančius M. Raštai. T. 2. V., 1972. P. 10.

[35]Simono Stanevičiaus laiškai Mykolui Balinskiui / J. Lebedys ir V. Milius // Literatūra. T. XIII. V., 1970. P. 184, 200-203.

[36]Tyla A. Žemaitijos savivaldžių miestų dokumentai Lietuvos Metrikoje. P. 9.

[37]Письмо С. Даукантаса Т. Нарбуту от 27.07.1842, см. также комментарий издателя В. Меркиса: Daukantas S. Raštai. T. 2. P. 727, 806.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ КОВАЛЬСКИЙ
ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ КУЛАКОВСКИЙ

ИЗДАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ НА УКРАИНЕ В XIX-XX вв.

Литовская Метрика - важнейший комплекс источников по средневековой истории Великого княжества Литовского - постоянно, начиная с середины XVIII в., привлекала к себе внимание целого ряда исследователей истории. Особенно этот интерес возрос после подписания соглашения между Академией наук СССР и Академией наук ПНР о совместном издании книг ЛМ. В этой связи, несомненно, одной из первоочередных задач исследователей ЛМ является освещение вопросов истории издания и изучения документальных богатств этого источникового комплекса.

Историческая наука уже имеет удачные примеры решения этой проблемы в целом (работа А.Л.Хорошкевич[1]). Следующим шагом в освещении истории издания и изучения ЛМ, продолжающим и по некоторым аспектам углубляющим исследование А.Л. Хорошкевич, является анализ данного процесса по отдельным регионам. Постольку подобные работы по региону Украины практически отсутствуют, то попытка восполнить этот пробел представляется нам отнюдь не бесполезной.

В первый период публикации документов ЛМ, охватывающий отрезок времени с середины XVIII в. и связанный с археографической деятельностью ученых Вильнюса, Варшавы, Петербурга и Москвы, издание материалов ЛМ на Украине не практиковалось. С изданием в 1843 г. И. Даниловичем и М. Оболенским "Книги Посольской" и появлением в свет в 1846 г. первого тома многотомной серии Петербургской археографической комиссии "Акты, относящиеся к истории Западной России", подготовленного И. Григоровичем, началась интенсивная публикация документов ЛМ[2]. Постепенно в этот процесс втягивается и Украина.

Как известно, публикация документов XV-XVIII вв., почерпнутых из ЛМ, проводились без определенного плана и

системы. По видам издания и степени полноты передачи текста в соответствии с книгами ЛМ источниковеды склонны делить их на две группы: 1) издания отдельных документов; 2) сплошные поактовые издания книг ЛМ. Исходя из того, что публикация второй группы на Украине пока еще не практиковалась, нами рассмотрены только издания отдельных документов ЛМ. Эти издания связаны, прежде всего, с деятельностью в дореволюционное время Киевской археографической комиссии, Львовского археографического центра и целого ряда видных исследователей ЛМ (М.В. Довнар-Запольский, Н.А. Максимейко, М.С. Грушевский и др.).

Важнейшим центром издания источников по истории Украины XV-XVIII вв. с конца первой половины XIX в. становится Киев, где в 1843-1924 гг. работала Киевская археографическая комиссия. Учредители и ведущие деятели Комиссии на ее начальном этапе М.А. Максимович, Н.Д. Иванишев и В.Ф. Домбровский установили связи с крупнейшими архивохранилищами страны, в т.ч. с архивом Сената в Петербурге, где были почерпнуты источники из ЛМ.

Первым фундаментальным многотомным изданием Комиссии явилось "Памятники, изданные временной Комиссией для разбора древних актов"[3] (далее - ПКК). Каждый том ПКК разделялся на три отдельные самостоятельные части, в которых были подобраны источники по определенной проблематике. Редактор второго отдела Н.Д. Иванишев опубликовал во втором томе "Устав о волоках" Сигизмунда Августа 1557 г., использовав в качестве источника книгу № 6 Публичных дел (ЛМ-528)*. Здесь же были помещены последующие дополнения к "Уставу..." и почтовый устав от 20 апреля 1558 г.[4] Несмотря на то, что ПКК выдержали еще одно издание, которое состяло из трех томов (Т. 1 - 1898 г.; 2 - 1897 г.; Т. 3 - 1898 г.)

---

* Согласно мнению большинства участников межреспубликанской конференции "Литовская Метрика" (Вильнюс, апрель 1988 г.) о необходимости перехода на современную нумерацию книг, но в то же время сохранения связи с предыдущей археографией, которая оперировала старыми номерами книг, авторы везде приводят двойную нумерацию (новая в скобках), за исключением книг, номера которых не изменились, и документов ЛМ, изданных в последние годы (тогда употребляется существующая нумерация книг).

и где значительно была упрощена методика текстов, место ЛМ в источниковой базе серии расширено не было.

Следующим и наиболее значительным изданием Комиссии явилась археографическая серия, получившая название "Архив Юго-Западной России" (далее - АЮЗР). Всего с 1858 по 1914 г. было опубликовано 35 томов в 38-и книгах. Имея в виду определенные археографические недостатки и классовую ограниченность издателей АЮЗР, отметим главное - удачная структура, четко выраженный тематико-хронологический принцип построения издания, широкая и разнообразная источниковая база сделали эту публикацию незаменимой в работе ученого-исследователя средневековой истории Украины.

Первая публикация отдельных документов из ЛМ в рамках АЮЗР была выполнена видным украинским историком и археографом В.Б. Антоновичем. В подготовленном им к изданию томе части III АЮЗР ("Акты о казаках (1500-1648)". К., 1863) было помещено три акта (№ 1, 2, 105) из кн. Записей № 6, 21 и 16 (ЛМ-6, 21, 16), которые содержали наиболее ранние сведения по истории украинского казачества.

Значительно шире были использованы акты ЛМ при издании Ч. VII АЮЗР ("Акты о заселении Юго-Западной России". Т. 1 - 1886 г.; Т. 2 - 1890 г.; Т. 3 - 1905 г.), в чем, безусловно, определенная заслуга редактора и автора вводных статей к этим томом М.Ф. Владимирского-Буданова.

Изданные в этой части акты ЛМ представляют собой следующие разновидности:

1. Инвентари (описания) замков: в 1552 г. - Черкасского, Каневского, Киевского (Т. 1. № 14-16), Чернобыльского, Остерского, Винницкого, Мозырьского (Т. 1. № 82-85), Брацлавского, Кременецкого (Т. 2. № 7, 8) - все по книге Переписей № 6 (ЛМ-563).

2. Люстрации староств: 1564 г. - Любомльского (Т. 2. № 16); 1565 г. - Барского (Т. 2. № 11, 14), Хмельницкого, Каменецкого, Ратненского (Т. 2. № 12, 13, 15), опубликованные по текстам книги Переписей № 12 (ЛМ-569); 1570 г. - Киевского воеводства (Т. 2. № 1), почерпнутая из III кн. Записей; 1629 г. - Овручского (Т. 2. № 25) - из 22-й книги Переписей (ЛМ-579).

3. Привилеи на фундации (основания) городов и местечек, помещенные в третьем томе: Янева в 1578 г. на Брацлавщине

(№ 13), Брусилова на Киевщине и Переяславля - в 1585 г. (№ 15, 16), Искоростеня в 1589 г. (№ 18), Александрова на Киевщине, Богуслава и Пирятина - в 1591 г. (№ 19-21), Новые Вышковци в 1592 г. (№ 22). Они были извлечены издателями из книги Записей № 5, 10, 26/27 (ЛМ-195, 200, 216) так называемой Волынской (Русской) Метрики (далее - ВМ)*

Несколько особняком стоит один публично-правовой акт - запись о разделе волостей между житомирскими и киевскими боярами 1482-1491 гг. (Т. 2. № 2), изданный по тексту 4-й книги Записей (ЛМ-4). Документ о назначении королем Владиславом IV комиссии для расследования жалоб мещан г. Брацлава в 1639 г. (Т. 2. № 27), несмотря на ссылку издателем на ЛМ как источник, в действительности был опубликован по 41-й книге Переписей Коронной метрики (ныне - АГАД).

В 1893 г. на страницах первого тома ч. VIII АЮЗР ("Материалы для истории местного управления в связи с историей сословной организации. Акты Барского староства XV-XVI вв." К., 1893) М.С. Грушевский опубликовал отдельный акт ЛМ при МГАМИД из отдела "Древние акты" № 82 (ныне - АГАД).

Еще два Древних акта ЛМ № 54, 211 (ныне - АГАД) вошли в третий том той же части ("Акты о брачном праве и семейном быте в Юго-Западной Руси в XVI-XVII вв.". К., 1909. № 3, 8). Наряду с ними редактор этого тома О. Левицкий ввел в научный оборот три акта (№ 4-6), взятых соответственно: из 8-й книги Записей (ЛМ-8), 8-й книги Судных дел (ЛМ-227) и книги Записей № 21 (ЛМ-21). Все эти документы по тематике не выходят за рамки названия данного тома и поэтому имеют частное значение.

В значительной мере расширилось место ЛМ в источниковой основе четвертого ("Акты о землевладении в Юго-Западной России XV-XVIII вв.". К., 1907) и пятого томов ч. VIII АЮЗР ("Акты об украинской администрации XVI-XVII вв.". К., 1907), что, впрочем, и не удивительно, ибо готовили тома к

---

* Несмотря на формальную принадлежность ВМ к Коронной метрике, этот комплекс из 30 книг (ЛМ-191-220), по нашему мнению, является органической частью ЛМ. Эта мысль отнюдь не нова, на такой позиции стоял известный дореволюционный исследователь ЛМ М.Ф. Владимирский-Буданов.

печати большие знатоки ЛМ М.Ф. Владимирский-Буданов и М.В. Довнар-Запольский.

Всего в четвертом томе опубликовано 52 акта из ЛМ (№ 1, 2, 5, 8, 10, 14-20, 22, 23, 30 (I-VIII, XI-XX), 31 (I, II), 34, 35, 36 (I, II), 38, 39 (I-V), 44, 50, 51, 54, 55, 61, 66). Подбирались они из книги Публичных дел № 28 (ныне - АГАД), книг Записей № 3, 5, 6, 8, 9, 11, 25 (ЛМ-3, 5, 6, 8, 9, 11, 25), особенно 22-й книги Записей (ЛМ-22) (36 документов). Среди всей массы актового материала выделяются великокняжеские привилеи и их подтверждения на целый ряд фольварков, сел, местечек и городов Украины представителями господствующих сословий ВКЛ: князьям А. Чарторыйскому (№ 10), В. Верейскому (№ 22), Н. Острожскому (№ 34), писарям Михайлу Васильевичу (№ 30 I, II), Богушу Богитивиновичу (№ 36 I, II) и др., дающие ценные сведения по социально-экономической истории украинских земель конца XV - первой половины XVI в. В этом томе также представлены продажные (№ 30 III, XI; 61), меновые (№ 30 XIV), купчие листы (№ 55) и другие виды документов.

В отличие от других томов АЮЗР, пятый том ч. VIII включил в себя исключительно документы ЛМ и ВМ. Все акты ЛМ в томе были помещены двумя комплексами: № 1-82 - в основной части публикации и № 1 I-VII, 2-6, 8-10 в дополнении. Кроме того, два документа М.В. Довнар-Запольский поместил в вводной статье к тому "Украинские староства в первой половине XVI в."[5] Обращает на себя внимание очень широкая представительность различных книг ЛМ в источниковой базе "Актов об украинской администрации XVI-XVII вв." - 7, 10, 15, 19, 21, 23, 24, 26-30, 37, 39, 40, 42, 44, 45, 47, 62-я книги Записей, книги Судных дел № 7, 27, 34, 40, 52, 223 (соответственно ЛМ-226, 229, 248, 254, 266, 437), книги Публичных дел № 7, 9, 10 (ЛМ-529, 531, 532). Еще 102 документа были почерпнуты из книг Записей ВМ № 1-3, 5-7, 9-17, 19, 26/27, 30 (соответственно ЛМ-191-193, 195-197, 199-207, 209, 216 и 219).

Следует отметить, что название этого тома не отражает полностью содержания актового материала, который охватывает широкий круг проблем, в частности:

1. Развитие городов, внутренней и внешней торговли (№ 47, 58, 61, 95, 101, 104, 109, 110, 127 и др.).

2. Участие горожан в антифеодальных выступлениях (№ 154, 155).

3. Отдельные сведения о казачестве и борьбе против татаро-турецкой экспансии (например, № 19).

4. Состояние обороны Правобережной Украины (№ 41, 42-45, 53, 56, 57, 60, 64, 65).

5. Назначение правительством представителей господствующих классов на местные административные посты и их политика (№ 15-17, 19-21, 23, 25-27, 70-73, 135, 149, 157 и др.).

Безусловно, одним из основных вопросов, возникающих перед современным исследователем ЛМ при использовании АЮЗР, является вопрос о адекватности передачи текста подлинников в этой сериальной публикации. Проведя выборочное сравнение текстов актов в АЮЗР с оригиналами в ЛМ, авторы пришли к заключению о большой точности и тщательности археографов и издателей в этом вопросе, хотя изредка встречаются опечатки[6], что не удивительно, учитывая технические сложности издания древних рукописей.

Наряду с двумя крупными сериальными публикациями документальных источников по истории Украины XV-XVIII вв. Киевская археографическая комиссия издала во второй половине XIX - начале XX в. целый ряд сборников исторических материалов.

Тематической публикацией типа хрестоматии с привлечением как повествовательных, так и документальных памятников явился "Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей", изданный В.Б. Антоновичем и Ф.А. Терновским. Основная масса документальных материалов "Сборника..." - археографические повторения. Лишь три документа XVI-XVII вв. были впервые введены в научный оборот, из них один (№ 19) - описание Киевского замка королевскими люстраторами в 1552 г. по 6-й кн. Переписей (ЛМ-563). Позже эту люстрацию опубликовал М.Ф. Владимирский-Буданов в Т. 1. Ч. VII АЮЗР.

Отдельные акты ЛМ, относящиеся к истории Украины, публиковались в периодическом издании - "Чтениях исторического общества Нестора летописца" (ЧИОНЛ) - печатном органе одноименного общества, существовавшего в 1873-1917 гг. при Киевском университете.

В XIV кн. ЧИОНЛ Ф.Д. Николайчик поместил 37 документов из фонда ЛМ[7], которые наглядно показывают рост владений князей Вишневецких на Левобережной Украине в 1578-1647 гг. Это королевские привилеи, декреты королевского, сеймового и асессорского судов, соглашения и доверенность ("пленипотенция").

Среди нескольких десятков документов, освещающих некоторые вопросы социально-экономической истории Украины и опубликованных в VIII кн. ЧИОНЛ И.М. Каманиным[8], находятся две королевские привилеи 1571 и 1574 гг. козаку - земянину Омеляну Ивановичу, жалующие ему большие земельные угодия возле реки Ворсклы. Эти акты передал И.М. Каманину М.С. Грушевский, обнаруживший их в книгах ВМ.

Несколько особняком стоит публикация "Грамоты Великих князей Литовских с 1390 по 1569 год" - одно из наиболее ранних изданий отдельных актов ЛМ на Украине, предпринятое В.Б. Антоновичем и В. Козловским в 1868 г. Среди документов ЛМ выделим два (№ 24, 25) - локационные привилеи, детально проанализированные украинскими источниковедами[9]. С Киевом продолжительное время была связана деятельность одного из крупнейших исследователей ЛМ М.В. Довнар-Запольского, опубликовавшего значительное количество актов ЛМ в IV кн. киевских "Университетских известий" (1898 г.) и в приложениях к двум своим монографиям, увидевшим свет в 1901[10] и 1905[11] гг. В частности, в приложении к "Очеркам по организации западно-русского крестьянства в XVI веке" автор поместил более 50 документов, представляющих 28 книг ЛМ первой половины XVI в.

Отдельные акты ЛМ мы находим также в приложениях к трудам М.Н. Ясинского[12] и А.С. Грушевского[13].

В конце XIX - начале XX в. на Украине, наряду с Киевом, источники ЛМ издавались во Львове, где археографической деятельностью занимались как украинские, так и польские

дворянские и буржуазные историки, преследовавшие при этом определенные классовые и политические цели.

Особенно широко документы ЛМ были использованы при издании в 1887-1910 гг. семитомной публикации под названием Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie" ("Архив князей Сангушко в Славуте"), охватывающей период 1284-1577 гг.

В первом томе его издателем и редактором всей публикации польским буржуазным историком С. Радзиминьским было опубликовано три акта ЛМ (№ 62, 96, 107), а еще четыре документа ЛМ были изданы по копиям, сделанным польским королем Станиславом Августом в 1759, 1778, 1780 и 1791 гг. (№ 112, 118, 121, 123).

Кроме С. Радзиминьского, самое деятельное участие в отборе, подготовке и издании документов для "Архива Сангушко" принимал хранитель славутского архива Б. Горчак. Он, готовя к публикации третий и четвертый тома, широко использовал ЛМ. Всего 103 документа ЛМ вошли в третий том, а 111 - в четвертый. Они были почерпнуты из книг Записей № 2-4, 6-9, 11, 14, 15, 17, 19-25, 28-31; 2, 3, 8, 10, 12, 18-20, 26, 36-й книг Судных дел (соответственно ЛМ-222, 223, 227, 229, 231, 233-235, 241, 250); книги Публичных дел № 28; 80, 87, 89-й книг "Так названой Метрики Литовской" и Древних актов № 210, 215, 216, 222-225, 227 (Книги последних трех отделов хранятся теперь в АГАД).

Последние два тома (шестой и седьмой) "Архива Сангушко", изданные С. Радзиминьским в 1910 г., вышли с подназванием "Dyplomataryusz gałęzi Niesuchojeżskiej". Здесь только один документ шестого тома (№ 30) был извлечен из 37-й кн. Судных дел (ЛМ-251).

Хотя в семитомнике опубликованы весьма разнообразные по форме и содержанию источники ЛМ, нам представляется возможным выделение по видовому признаку ряда наиболее важных групп источников. Особо выделяется группа великокняжеских и королевских привилеев и их подтверждений на феодальную земельную собственность, населенные пункты и др. Наибольшее число документов помещено в третьем томе (выборочно - № 4, 10, 12, 27, 31, 53, 122, 144, 193, 288, 494). Среди получивших пожалования крупнейшие земельные собственники ВКЛ - Острожские, Сангушко, Заславские, Корец-

кие, Четвертинские, Гольшанские. Вторая группа публично-правовых актов представлена различными решениями судебно-административных органов, касающихся разбирательств по спорным вопросам нарушения феодальной собственности, границ и др. (Т. 3 - № 113, 133, 196, 269, 270, 351 и др.; Т. 4 - № 76, 92, 115, 183, 204, 426 и др.; Т. 6 - № 30). Третья значительная часть опубликованных в данном издании источников ЛМ представлена частно-правовыми актами, среди которых выделяем следующие виды: купчие-договора о продаже владений, сел, каменных домов в городах, угодий (Т. 3 - № 436, 480; Т. 4 - № 75, 98, 121, 150 и др.), записи о передачи добр родственникам, другим лицам, церкви (Т. 3 - № 13, 14, 50, 72), тестаменты (завещания) (Т. 4 - № 336).

Практически все источники, почерпнутые из ЛМ для данной публикации, написаны кириллицей на древнерусском языке с элементами украинского и белорусского и напечатаны на языке оригинала с сохранением особенностей правописания того времени, при этом титла раскрыты, опущен ъ в середине слов. Польские археографы в начале всех документов поместили регесты на польском языке.

Воздерживаясь от всеобъемлющих оценок и детального анализа всей массы актового материала ЛМ в "Архиве Сангушко", следует отметить два аспекта: 1) документы этой семитомной публикации далеко выходят за рамки фамильного архива князей Сангушко, подчеркивая тем самым неадекватность названия публикации ее содержанию и превращая издание по деятельности одного магнатского рода в издание по социально-политической истории украинских замель XV-XVI вв.; и 2) лишь незначительное количество изданных актов ЛМ были ранее опубликованы в таких изданиях, как "АЮЗР" и др., т.е. можно говорить о значительном количестве документов ЛМ, впервые введенных в научный оборот.

Публикация отдельных документов ЛМ во Львове связана также с деятельностью Наукового товариства Ім. Т. Шевченка (Научное общество им. Т.Г. Шевченко - НТШ), основанного в 1892 г. Источники по истории социально-экономических и частично политических отношений на украинских замлях, почерпнутые из ЛМ, помещались в печатном органе этого общества - "Записках НТШ" (далее - ЗНТШ).

Особое внимание в ЗНТШ привлекают 17 документов за 1592-1597 гг. из 10-й и 11-й (ЛМ-200, 201) книг ВМ, опубликованные в 31, 32 томах[14]. Эти акты представляют собой различные юридические документы по делам конфискованного движимого и недвижимого имущества участников восстания 1594-1596 гг. под руководством С. Наливайко: королевские декреты, привилеи, "оповеданья" (заявления и свидетельства очевидцев восстания) и решения королевского асессорского суда.

Несколько позже в 40 томе ЗНТШ основной издатель актов Метрики в этом печатном органе М.С. Грушевский поместил четыре подтверждения королей Сигизмунда Августа и Генриха Валуа 1572 и 1574 гг.[15], почерпнутые из 2-й (ЛМ-192) кн. ВМ. Озаглавив эту публикацию "Кiлька киiвських документiв XV-XVI в." ("Несколько киевских документов XV-XVI в."), издатель поставил пред собой вполне определенную задачу - прежде всего дать материал для освещения генеалогии некоторых киевских боярских родов.

В 1905-1906 гг. в ЗНТШ двумя сериями вышли "Матерiали до iсторii суспiльно-полiтичних i економiчних вiдносин Захiдно Украiни" ("Материалы по истории общественно-политических и экономических отношений Западной Украины"). Во второй серии[16], охватившей документальные источники второй и третьей четверти XVI в. (1531-1574 гг.), помещено два документа (№ 94, 95) из ЛМ.

Отметим также, что на страницах ЗНТШ помещались отдельные акты ВМ в разделе под названием "Miscellanea" ("Всякая всячина" или "Смесь"). Так, в 25 томе издан по тексту 11-й (ЛМ-201) книги ВМ королевский привилей 1596 г. на Магдебургское право местечку Дидову на Киевщине[17]. В 44 томе опубликован лист короля Стефана Батория татарскому калге Мехмет-Гирею, датируемый 1577 г. и почерпнутый из 26/27-й (ЛМ-216) книги ВМ[18]. Наконец, в 53 томе в этом разделе из 11-й (ЛМ-201) книги ВМ помещен публично-правовой акт 1596 г.[19], свидетельствующий о возрастающем сопротивлении населения Киевского воеводства налогам со стороны королевской власти.

Во Львове длительное время очень плодотворно работал М.С. Грушевский. Преимущественно здесь им создавался мо-

нументальный труд - "Історія України - Руси" (История Украины - Руси"). В примечаниях к "Истории...", представляющих большую ценность и для современного источниковеда, автор периодически приводил целые документы для подтверждения тех или иных своих мыслей. В примечании к 4-му тому М.С. Грушевский поместил "Лист литовских сословий на люблинский сейм 1566 г."[20], использовав в качестве источника 8-ую книгу Публичных дел (ЛМ-530).

В целом обращает на себя внимание то, что в публикациях Львовского археографического центра (за исключением "Архива Сангушко") материалы ЛМ были использованы в незначительной мере. Это объясняется, на наш взгляд, прежде всего региональным направлением ведущих публикаций ("Жерела до Історіі України - Руси" - "Источники по истории Украины-Руси")*, освещающих историю Галичины, которая раньше других была насильственно захвачена шляхетской Польшей и, как следствие, события в этом регионе отражались преимущественно в Коронной метрике.

Кроме Киева и Львова, дореволюционная география издания ЛМ на Украине представлена Харьковом и Симферополем. Об этом свидетельствует известная публикация документов ЛМ, изданная М.В. Довнар-Запольским в Симферополе[21], и приложение к монографии харьковского ученого Н.А. Максимейко[22], на которой мы остановимся несколько подробнее.

Так вышло, что Н.А. Максимейко практически одновременно с М.К. Любавским работал над освещением одного и того же вопроса - деятельности сеймов ВКЛ до Люблинской унии 1569 г. Несколько ранее увидела свет работа М.К. Любавского "Литовско-русский сейм". Но Н.А. Максимейко, как он сам отметил в введении к своей монографии, посчитал нелишним опубликовать свой труд в силу значительных несовпадений своих выводов с выводами М.К. Любавского. В приложении к своей монографии харьковский ученый издал практически те же документы ЛМ, что и его оппонент. Значительную часть

---

* За исключением томов 7 и 12 (Львов, 1908 и 1911), посвященных истории украинского казачества и относящихся территориально ко всей Украине.

этих документов Н.А. Максимейко, в отличие от М.К. Любавского, привел отрывочно, а часть представил названиями, опуская сам акт. При публикации документов ЛМ он использовал двадцать пять книг Записей, четырнадцать книг Судных дел, четыре - Публичных дел. Ряд актов было почерпнуто из кн. Посольской (1545-1572 гг.), в то время уже изданной[23].

Наблюдавшийся на Украине в конце XIX - начале XX в. интерес к ЛМ, благотворно сказывающийся на издании отдельных документов ЛМ, значительно ослаб в силу определенных причин в послереволюционное время. Средневековая история Украины, слишком приукрашенная в трудах буржуазных историков, надолго стала одним из ключевых звеньев в идеологической борьбе нового со старым. Допускались перегибы, зачастую занятие средневековой украинской историей механически отождествлялось с национал-уклонизмом. В результате такой ценнейший источник, как ЛМ, выпал из поля зрения украинских историков. Попытки издания документов ЛМ, предпринятые в конце 20-х годов, общей картины не меняют [24].

Поэтому неудивительно, что к ЛМ первыми обратились не историки, а языковеды.

В середине 60-х годов Институт языковедения АН УССР начал издавать серию "Пам'ятки украïнсько мови" ("Памятники украинского языка"). В одном из вышедших в свет томов, а именно "Украïнськ грамоти XV ст." (К., 1965), были использованы документы ЛМ. Редактор этого тома В.М. Русанивский поместил 7 актов ЛМ в основной части (№ 14-19, 24) и один - в дополнении (№ 11), почерпнутые из 4-й кн. Записей. Несмотря на то, что все они являются археографическими повторениями (ранее опубликованы в РИБ. Т. 27), публикация этих актов имеет определенное значение, поскольку В.М. Русанивский произвел сверку текстов в "РИБ" с оригиналами и издал их с максимальной точностью согласно правил транслитерации украино-язычных текстов XIV-XVIII вв.[25] Заслуживает внимания и описание издателем внешних особенностей 4-й книги Записей - безусловно, свидетельство профессионального подхода к использованию ЛМ.

Публикацию материалов ЛМ продолжила в 80-х гг. кафедра историографии и источниковедения Днепропетровского госу-

ниверситета. Начало этому положил Н.П. Ковальский, опубликовав в приложении к учебному пособию по источниковедению истории Украины королевский привилей от 7 июня 1585 г. на предоставление городу Острогу Магдебургского права[26]. В качестве источника издатель использовал 198-ю кн. ВМ. В 1984 г. в "Методических указаниях к изучению курса "Источниковедение истории СССР" был помещен королевский привилей 1576 г. В. Гулевичу на основание трех городов в селах Молчанове, Качине и Сутьеске с предоставлением им Магдебургии[27]. Акт приводился по тексту 193-й кн. ВМ. Еще через два года в очередном учебном издании кафедры его составителями вводились в научный оборот шесть цеховых уставов, территориально относящихся к городам Луцку (№ 1-4, 6) и Овручу (№ 5)[28]. Они были почерпнуты из ЛМ-41, 45-й и ЛМ-195, 200, 201-й (книги ВМ). В этом, безусловно, полезном издании вызывает критику некоторое несоответствие норм передачи текстов цеховых уставов существующим правилам издания ЛМ[29]. Весьма сомнительна также рациональность публикации одного и того же цехового устава дважды (№ 1, 2), хотя и по разным книгам ЛМ.

Наконец, особо хотелось бы отметить совместно подготовленное историческим факультетом Днепропетровского госуниверситета и ЦГИА Украины издание подлинных заглавий (своеобразных регестов) 479 актов из первых пяти книг ВМ (ЛМ-191-195) за 1569-1582 гг. [30] Издание снабжено введением, в котором выделяется описание методики работы с регестами книг ЛМ. Подобный вид публикации ЛМ представляет собой принципиально новое направление в археографической деятельности украинских историков по рассматриваемой в этой работе теме.

Тем не менее, констатируя некоторую активизацию археографической деятельности на Украине по отношению к ЛМ, можно говорить о назревшей необходимости сплошного поактового издания отдельных книг ЛМ и ВМ как необходимого компонента четкой системы издания всех видов источников в республике[31].

Неразрывно с изданием документов ЛМ в различных археографических центрах Украины (Киеве, Харькове, Симферо-

поле, находящихся в составе царской России, и Львове - в составе Австро-Венгерской империи) шло и ее изучение.

Сейчас с положения многолетней ретроспективы легко обвинить всех дореволюционных историков, работающих на Украине, в потребительском отношении к ЛМ. Действительно, в дореволюционной историографии из книг Метрики выборочно черпались отдельные факты без учета их взаимосвязи и в качестве элемента определенного информационного поля - части целого. По существу, отсутствовали эвристические и информационные исследования ЛМ. Она не рассматривалась как единое целое, комплекс источников различных видов и разновидностей, возникших закономерно и в определенных условиях. Проблема степени репрезентативности, естественной выборки, аутентичности, полноты и адекватности документов ЛМ в реальной исторической действительности не ставилась и не решалась.

Все это так, но не нужно упрощать ситуацию, памятуя о естественном для человеческого познания процессе восхождения от простого к сложному. В условиях, когда простое прочтение каждого нового акта ЛМ давало исследователю массу новых фактов, что-то уточняло, а что-то заставляло отбросить прочь - в таких условиях путь сбора явной источниковой информации был естественным, превалирующим, наиболее соответствующим тому временному состоянию источниковедения. Шел этап введения в научный оборот основной массы разновидностей актов ВКЛ, сопровождавшийся их изучением со стороны отдельных ученых посредством сочетания юридического и конкретно-исторического методов.

Именно на этом пути значительно преуспели в своих трудах ученые, воспитанники Киевского университета М.Ф. Владимирский-Буданов (1838-1916) и М.В. Довнар-Запольский (1867-1934).

Исследования по истории русского права на основе документов ЛМ продолжил ученик М.Ф. Владимирского-Буданова украинский историк права, в будущем чл.-кор. АН УССР Н.А. Максимейко (1870-1941). Однако потерпев относительную неудачу при исследовании литовско-русских сеймов до Люблинской унии 1569 г. (о чем упоминалось выше), Н.А. Максимейко в дальнейшем к ЛМ практически не обращался.

Безусловно, специального рассмотрения заслуживает изучение ЛМ, особенно ВМ, со стороны крупнейшего украинского дореволюционного историка М.С. Грушевского (1866-1934). Постоянно подвергая научному анализу свои публикации документов ЛМ, он в главном труде своей жизни "Історія України-Руси" довольно скромно использовал данные ЛМ. Может это было следствием недооценки историком информационных возможностей ЛМ? Нет, причина этого видится в другом. При создании столь крупного труда вряд ли было под силу одному человеку, даже столь талантливому, как Грушевский, привлечь массово архивные фонды, в т.ч. ЛМ. Реальным был путь привлечения и анализа документов, уже введенных в научный оборот, что и делал М.С. Грушевский. Между тем, зная значимость ЛМ, он был последовательным сторонником ее систематического издания[32].

В послереволюционный период в Екатеринославе (ныне - Днепропетровске) некоторое время работал видный русский историк, известный исследователь в области ЛМ М.К. Любавский (1860-1936). О том, что он и в этот период не прекращал изучения ЛМ, свидетельствует целый ряд его писем, хранящихся теперь в Днепропетровском историческом музее им. Д.И. Яворницкого, в которых он давал свои определения некоторых разновидностей актов ЛМ.

В украинской исторической науке до последнего времени книги ЛМ как исторический источник не рассматривались. Более того, даже простое использование данных ЛМ было довольно редким явление. Исключение составляют труды Д.И. Мышко[33], в которых широко использованы документы ЛМ, хотя специальный источниковедческий анализ не приводился.

Лишь в 1979 г. один из авторов данной работы (Н.П. Ковальский) посвятил ЛМ небольшое исследование[34], в котором проанализировал ряд книг ЛМ (ЛМ-22, 37, 38, 47, 222, 261), в документах которых нашли отражение известия по истории украинских замель XVI в. Он же в 1983 г. в своей новой работе[35] подверг анализу данные ЛМ, характеризующие разнообразные стороны жизни украинского города второй половины XVI - первой половины XVII в., прежде всего его социально-экономическое развитие. Автор выявил 102 локационных, магдебур-

гских и комбинированных привилеев. При этом особенно широко были использованы материалы 29 книг ВМ (ЛМ-191-219).

В последние годы изучение ЛМ на Украине значительно активизировалось. Так, Г.В. Боряк в своей кандидатской диссертации, посвященной анализу документальных источников по административно-территориальному устройству украинских земель в конце XV - середине XVI в.[36], проанализировал книги ЛМ соответствующего периода, привел сведения о количестве и составе сохранившихся книг, установив при этом общий объем сконцентрированного в них актового материала и выявив региональные диспропорции в представительности документов.

Весьма знаменательным событием в историографии изучения ЛМ на Украине явилась кандидатская диссертация С.В. Абросимовой[37]. Построенная исключительно на анализе документов ЛМ и освещающая историю городов Украины первой половины XVI в., она наглядно демонстрирует всю многогранность и глубину источниковой информации этого уникального комплекса документов, подтверждая тем самым актуальность и большую практическую значимость подобных исследований.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о публикации документов ЛМ и ее изучения на Украине, необходимо отметить следующее. В дореволюционной украинской археографии уделялось довольно значительное место актам ЛМ. Прежде всего, были широко представлены в публикациях документы по истории - русско-литовского права, заселения южных границ Украины, социально-экономического развития города и генезиса феодального землевладения. Территориально они относились преимущественно к Правобережной Украине. По времени хорошо представлены конец XV - первая половина XVII в. и практически не изданы акты второй половины XVII-XVIII в. Вызывают серьезные критические замечания принципы археографических изданий материалов ЛМ, в первую очередь, отсутствие синхронных переводов с польского языка.

Украинская археография в значительной мере преодолела все эти археографические недостатки. Но ни широта, ни интенсивность изданий отдельных документов ЛМ не могут удовлетворить современные потребности исследователей ЛМ. Давно

уже назрела необходимость в сплошных поактовых изданиях книг ЛМ, прежде всего ВМ, или хотя бы их регестов.

Предпринятый, хотя и довольно беглый, историографический обзор изучения ЛМ на Украине свидетельствует о многолетнем застое украинской исторической науки в этой области в 30-60 гг. Значительная активизация этого процесса, наблюдавшаяся в последние годы, коснулась лишь двух научных центров: Киева и Днепропетровска. Между тем, неразработанность важнейших направлений изучения ЛМ как источника по истории Украины, необходимость применения количественных методов исследования и использования клаузульно-формулярного анализа требуют кооперации более значительных научных сил республики. Лишь в таком случае возможна ликвидация большого пробела в источниковой базе средневековой истории Украины, который является следствием определенной недооценки ЛМ как исторического источника.

---

[1] Хорошкевич А.Л. К истории издания... С. 69-94.

[2] Подробнее об этом см.: Катилюс А. Первые публикации документов ЛМ //Литовская Метрика: Тез. докл. С. 54-55.

[3] ПКК. Т. 1. Киев, 1845; Т. 2. Киев, 1846; Т. 3. Киев, 1852; Т. 4. Киев, 1859.

[4] ПКК. Т. 2. Отд. 2. С. 1-182, 182-233.

[5] АЮЗР. Ч. VIII. Т. 5. С. 22-24.

[6] Например, вместо "пашни" ошибочно напечатано "патни" (АЮЗР. Ч. VII. Т. 1. С. 86; ср. оригинал: ЛМ. Кн. 563. Л. 11 об.).

[7] Николайчик Ф.Д. Матер. по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине // ЧИОНЛ. Киев, 1900. Кн. XIV. С. 84-192.

[8] Каманин Н.М. Матер. по истории казацкого землевладения. 1494-1668 гг. // ЧИОНЛ. Кн. VIII. Киев, 1894. С. 5-28.

[9] Ковальский Н.П. Источниковедение социально-экономической истории Украины XVI - первой половины XVII века: Акты о городах. Днепропетровск, 1983. С. 7-23.

[10] Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство.

[11] Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905.

[12] Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889.

[13] Грушевский А.С. Пинское Полесье: Исторические очерки XIV-XVI вв. Ч. 2. Киев, 1903.

[14] Матеріали до стор козацьких рух в 1595-1596 рр. // ЗНТШ. Львів, 1899. Т. 31-32. Кн. V-VI. С. 1-30.

[15] Кілька київських документ в XV-XVI в. // ЗНТШ. Львів, 1900. Т. 40. С. 1-18.

[16] Матеріали до історі суспільно-політичних економічних відносин Західно України. Ч. 2 // ЗНТШ. Львів, 1906. Т. 69. С. 84-166.

[17] Miscellanea // ЗНТШ. Львів, 1898. Т. 25. С. 3-5.
[18] Miscellanea // ЗНТШ. Львів, 1901. Т. 44. С. 1-2.
[19] Miscellanea // ЗНТШ. Львів, 1903. Т. 53. С. 1-2.
[20] Грушевський М.С.Історія України-Руси. Київ-Львів, 1907. Т. 4. С. 493-495.
[21] Довнар-Запольский М.В. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга метрики Литовской 1502-1509 гг. Симферополь, 1898.
[22] Максимейко Н.А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902.
[23] Книга Посольская. М., 1843.
[24] Розов В. Українські грамоти XIV-XV вв. Київ, 1928.
[25] Пещак М.М., Русанівський В.М. Правила видання пам'яток української мови XIV-XVIII ст. Київ, 1961.
[26] Ковальский Н.П. Источники по социально-экономической истории Украины XVI - первой половины XVII века: Структура источниковой базы. Днепропетровск, 1982. С. 69-71.
[27] Методические указания к изучению курса "Источниковедение истории СССР" /Сост.: Н.П. Ковальский, Ю.А.Мыцык. Днепропетровск, 1984. С. 13-15.
[28] Методические рекомендации по подготовке к спецсеминару по источниковедению истории Украины XVI-XVII веков: Цеховые уставы городов Украины /Сост.: Н.П. Ковальский, Г.Н. Виноградов. Днепропетровск, 1986. С. 16-30.
[29] Методические указания по изданию Литовской метрики /Сост.: А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.
[30] Методические рекомендации по использованию документов Литовской метрики XVI в. в курсе источниковедения отечественной истории /Сост.: Н.П Ковальский, Г.В.Боряк. Днепропетровск, 1987.
[31] XXVII з'їзд КПРС. Актуальні проблеми вдосконалення соціалізму: Історична наука сучасність (Матеріали "Круглого столу") // Український історичний журнал. 1988 № 8. С. 92.
[32] Грушевський М.С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 5. С. 622.
[33] Мишко Д.І. Українсько-російські зв'язки в XIV-XVI ст. Київ, 1959; Его же. Соціально-економічні умови формування української народності (Становище селян і антифеодальні рухи на Україні в XV - першій половині XVI ст.). Київ, 1963.
[34] Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI-XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979.
[35] Ковальский Н.П. Источниковедение социально-экономической истории Украины XVI - первой половины XVII века: Акты о городах. Днепропетровск, 1983.
[36] Боряк Г.В. Административно-территориальное устройство украинских земель в конце XV - середине XVI в.: Анализ документальных источников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987.
[37] Абросимова С.В. Документы Литовской метрики как источник по истории городов Украины первой половины XVI века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1988.

REZIUMĖ

E. BANIONIS

LIETUVOS METRIKOS KNYGŲ GENEZĖ
(XV a. paskutinysis ketvirtis)

Pačioje XVI a. pabaigoje XV-XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovo (valstybės) raštinėje susikaupusi dokumentacija buvo perrašyta į knygas-kopijas (vadinamas Lietuvos Metrika). Todėl kyla vienas esminių Lietuvos Metrikos šaltino tyrinių klausimų - ar knygos-kopijos yra adekvačios pirminėms originalioms LDK raštinės knygoms, ar XVI a. pabaigoje perrašinėjamos knygos-kopijos susidarė pagal naujus dėsnius ir jos neatspindi, pvz., XV a. pabaigos LDK raštinės raštvedybos bei dokumentacijos saugojimo struktūros?

Išanalizavus seniausius, 1480-1486 m., išlikusius diplomatinių dokumentų tekstų nuorašus, prieita prie šių išvadų. LDK raštinėje 1480-1486 m. nuolat buvo daromi tiek išsiunčiamų, tiek gaunamų diplomatinių dokumentų tekstų nuorašai, kurie buvo skirti ilgalaikiam saugojimui bei einamųjų užsienio reikalų panaudojimui (čia kyla klausimas - kur ir kokiomis sąlygomis buvo saugomi gautųjų diplomatinių dokumentų originalai?). Diplomatinių dokumentų tekstų nuorašai buvo daromi atskiruose arba sulenktuose ir vienas į kitą įdėtuose lapuose. Šie lapai su diplomatinių dokumentų tekstų nuorašais buvo dedami vienas prie kito, taip ilgainiui buvo kaupiama, taip formavosi ir taip buvo saugoma LDK raštinės diplomatinė dokumentacija, 1480-1486 m. turėjusi, naudojant dabartinės archyvistikos terminiją, atskiro "saugojimo vieneto" pavidalą. Tokie didesni ar mažesni "saugojimo vienetai" ilgainiui prarado vientisumą, "išbyrėjo" ir didesniais ar mažesniais fragmentais susimaišė su kitų rūšių dokumentacijos "saugojimo vienetų" fragmentais. Būtent tokie XVI a. pabaigoje jie buvo perrašyti į Lietuvos Metrikos knygą-kopiją Nr. 3. Pažymėtina, kad šią knygą-kopiją sudaro įvairiarūšės dokumentacijos fragmentai, bet kartu tai chronologiškai kompaktiška, XV a. IX dešimtmečio LDK raštinės dokumentacijos knyga-kopija.

Lietuvos Metrikos tyrinėtojo N. Berežkovo nuomone, 1486 m. LDK raštinėje pabandyta pradėti reguliariai tvarkyti pasiuntinybių knygą, į kurią nurašydavo tik išsiunčiamų diplomatinių dokumentų tekstų nuorašus; tais pačiais metais buvo surinkti 1480-1486 m. diplomatinių dokumentų tekstų nuorašai ir dar kartą perrašyti į naujai sudarytą rinkinį. Tikriausiai N. Berežkovą sukaustė knygos (dabartine šio termino prasme), kaip kažko stacionaraus ir patvaraus, įvaizdis. O šį įvaizdį asociatyviai stiprino XV a. pabaigos raštinės

dokumentacijoje sutinkamas žodis "knygos (книги)". Tačiau žodis "knygos" buvo vartojamas tik daugiskaitoje, jo vienaskaitinė forma raštinės dokumentacijoje atsirado tik XVII a. pradžioje. Mūsų nuomone, žodis "knygos" XV a. pabaigos LDK raštinės terminijoje reiškė pirmiausia jos raštvedybinės dokumentacijos fizinę būklę pavienių popieriaus lapų ar nedidelės apimties "sąsiuvinių", kuriuose buvo pagal tam tikrus kriterijus atrinktų dokumentų tekstai, sankaupą ilgalaikiam saugojimui. Tam tikra prasme pavadinimas "knygos" buvo priešstata kitai raštinių dokumentacijai - "ritiniams" (столбцы, свитки)". Iš čia išplaukia viena principinių mūsų išvadų dėl Lietuvos Metrikos knygų genezės: bandyti nustatyti tikslią datą, kada LDK raštinėje pradėta reguliariai tvarkyti "knygas", yra iš esmės klaidinga. Šį klausimą turi pakeisti esminiai kitos problemos sprendimai: kada LDK raštinė susiformavo kaip pastovi, pakankamai savarankiška centrinio valstybės valdymo įstaiga ir nuo kada joje pradėta nuolat nurašinėti reikiamų dokumentų tekstus ilgalaikiam saugojimui. Šio klausimo sprendimo galimybes labai riboja pačių LDK raštinės nuorašų išlikimas. Pagal tai galima teigti, kad nuo 1480 m. LDK raštinėje tikrai ilgalaikiam saugojimui buvo nurašinėjami diplomatiniai tekstai. Kitas klausimas: kada tokia LDK raštinės dokumentacija pradėta formuoti ir baigiamajame etape įrašinėti į "knygas" fizine ir dabartine šio termino prasme.

Kaip buvo organizuojamas LDK raštinės darbas su vienos rūšies - "teismų ir dalinimų" - dokumentacija didžiojo kunigaikščio Aleksandro valdymo (1492-1605) metais?

Aleksandro nurodymu, raštininkas Teodoras Januškaitis (Fedkus Januškevičius) 1492-1494 m. paruošdavo privileginius raštus, sau pasilikdamas jų tekstų nuorašus: 1494 m. šiuos nuorašus jis dar kartą perrašė į "naujas knygas", šitaip suformuodamas jų 1492-1494 m. "seriją saugojimo vienetą". Toliau, iki 1496 m., į "serijas saugojimo vienetus", kurie buvo dedami vienas prie kito ir taip formavosi "knygos", T. Januškaitis jau tik perrašinėjo privileginius raštus, kuriuos paruošdavo raštininkai jo tėvas Januška ir Ivanas Sapiega.

1492-1496 m. į kitą "knygą" buvo kaupiami chronologiškai paralelūs "serijos saugojimo vienetai", kuriuos perrašinėjo kitas raštininkas Teodoras (Fedkus Grigoravičius).

1496 m. seriją, kuriai vadovavo T. Januškaitis, pratęsė Januška, tačiau jo perrašyti "saugojimo vienetai" buvo padėti ne prie T. Januškaičio serijos, bet prie raštininko T. Grigoravičiaus. Ši serija buvo tęsiama iki 1498 m. Tuo tarpu T. Januškaitis po metų pertraukos, nuo 1497 m., pratęsė seriją, kurią 1494-1496 m. tvarkė jo tėvas Januška.

Tokia darbo organizavimo ir tam tikro raštininkų darbo specializacijos sistema, kai privileginius raštus chronologiškai paraleliai perrašinėjo tam skirti du raštininkai, tęsėsi iki 1499 m. Šios dvi chronologiškai paralelios "serijos-knygos" gana neblogai išsaugotos iki XVI a. pabaigos, tik po jų perrašymo į knygas-kopijas jos suskilo į 5 dalis, išsiskaidžiusias po 3 knygas-kopijas.

Nuo 1500 m. "serijos - saugojimo vienetai" smulkėja, chronologiškai apima tik keletą mėnesių ir juose įrašyta tik po keletą ar keliolika dokumentų tekstų. Be to, labai dažnai chronologiškai paralelūs iš karto būdavo trys "serijos - saugojimo vienetai". 1500-1506 m. "serijos saugojimo vienetai", kurių galima suskaičiuoti net 12, išsibarstę po įvairias dviejų knygų-kopijų vietas. Iš to matyti, kad LDK raštinėje 1500-1506 m. darbo organizavimas prarado 1494-1498 m. įdiegtą raštininkų darbo pasiskirstymo ir nuoseklumo sistemą. Iš dalies tai galima paaiškinti raštininkų kartos kaita: 1499 m. mirė Ivanas Vladyka, 1500 Januška, 1502 T. Grigoravičius. Juos pakeitę raštininkai - T. Januškaitis, I. Sapiega, Gromyka, Bogušas Bogovitinovičius likdami raštininkais, sparčiai kilo socialiniais ir karjeros laiptais. Be to, LDK raštinės nusistovėjusiam darbo ritmui nemažos įtakos turėjo Lietuvos didžiojo kunigaikščio Aleksandro išrinkimas Lenkijos karaliumi 1501 m. ir jo dažni ilgalaikiai išvykimai iš Lietuvos.

V. MENŽINSKIS

LIETUVOS METRIKOS 1522-1552 m. "UŽRAŠYMŲ KNYGŲ" DOKUMENTINĖ SUDĖTIS

Pirmą kartą kompleksiškai išanalizavus LM knygų Nr. 12-33 ("Užrašymų knygos" Nr. 12-33) dokumentinę sudėtį, nustatyta, kad 1522-1552 m. didžiojo kunigaikščio raštinės raštvedybinio darbo apimtis buvo labai didelė šio laikotarpio knygose įrašyti 4 886 dokumentų tekstai. Taigi, raštinė kasmet išduodavo ir į knygas nurašydavo vidutiniškai po 166 dokumentus.

XVI a. II ketvirčio LDK raštinės knygas sudaro dokumentų tekstai, išduoti didžiojo kunigaikščio, centrinės ir vietos administracijos vardu. Privačių aktų kategorijai priskirtini tik 38 dokumentų tekstai. Tai sudaro esminį skirtumą tarp to laikotarpio LDK raštinės ir Rusų valstybinės raštinės knygų.

Kiekviena tiriamojo laikotarpio LM knyga toli gražu nėra paprastas dokumentų tekstų kopijų rinkinys. Knygos buvo sudaromos vadovaujantis tam tikra dokumentų tekstų atrankos sistema. Pavyzdžiui, knygose Nr. 13, 17, 25 yra likę aiškūs raštinės dokumentų tekstų

sisteminimo požymiai juos stengtasi išdėstyti grupuojant pagal adresatus.

Jei analizuosime, su kokiais LDK regionais susiję dokumentų tekstai, tai pastebėsime dideles disproporcijas. Kiekybės ir dokumentų rūšių požiūriu didžiąją dalį sudaro dabartinės Baltarusijos (45,8 % visų dokumentų tekstų) ir dabartinės Lietuvos (30,1%) dokumentų tekstai. Kur kas mažiau tekstų yra dabartinės Ukrainos (14,7 %) bei tuometinės Palenkės (9,4 %).

Pagal tematiką 3 343 dokumentų tekstai, arba 68,5 %, skirti feodalinei pasaulietinei, o ne bažnytinei žemėvaldai - tai labai esminis skirtumas, lyginant LDK raštinės knygas su to meto Rusų valstybės analogiškomis knygomis.

Kiekybiniai LM 1522-1552 m. "Užrašymų knygų" tyrimo duomenys pateikti 7 lentelėse, iš kurių matyti dokumentų tekstų pasiskirstymas pagal regionus, chronologija bei dokumentų rūšis. Duomenys puikiai išryškina didelę pasaulietinės žemėvaldos koncentraciją dabartinių Lietuvos ir Baltarusijos teritorijose bei nuolatinį vyriausybės dėmesį šiam LDK regionui.

Plačiau aprašyti dokumentų tekstai, smulkiai apibūdintos jų informatyvumo galimybės LDK socialinės, ekonominės, politinės istorijos tyrimams. Pateikta bendroji LDK raštinės aktų klasifikavimo schema. Pagal dokumentų tekstų turinį jie suskirstyti į 5 pogrupius. Visuose pogrupiuose išskirti tam tikri požymiai, kuriuos būtina panaudoti tiriant LDK istoriją įvairiais aspektais.

LM knygų Nr. 12-33 dokumentinės sudėties analizė įgalina palyginamąjį metodą plačiai taikyti tyrinėjant kai kurių LDK regionų - lietuvių, baltarusių, ukrainiečių, Palenkės žemių - istoriją, analizuojant LDK vyriausybės politiką jų atžvilgiu. Pagaliau LM dokumentinės sudėties analizė bei jos išvados neabejotinai palengvins tolesnius LDK diplomatikos ir LDK raštinės istorijos tyrimus.

J. KIAUPIENĖ

XVI a. VILNIAUS PILIES TEISMO KNYGOS LIETUVOS METRIKOJE

LDK iki 1564 m. teisminių-administracinių reformų ir 1566 m. II Lietuvos Statuto paskelbimo veikė vaivadų vadovaujami pilies teismai. Pilies teismų atsiradimui ir jų veiklai nušviesti skirta F. Leontovičiaus studija (Леонтович Ф.И. Областные суды в Великом княжестве Литовском. С.-Петербург, 1910). Istorinis šaltinis, kurį paliko ši institucija, teismų knygos iki šiol neskelbtos, netyrinėtos, jų medžiaga nepanaudota istorinėje literatūroje.

LM išliko kelios dešimtys XVI a. ikireforminių pilies teismų knygų nuorašų (originalai neišliko). LM tyrinėtojai sutinka, kad šių ne valdovo, o vaivadų vadovaujamų pilies teismų knygos į didžiojo kunigaikščio kanceliarijos archyvą pateko atsitiktinai, kartu su kitais LDK kanclerių dokumentais. Tačiau XVI a. pab. perrašant LM knygas, jos jau buvo traktuojamos kaip neatskiriama LM dalis.

Išaiškinome LM išlikusiais 23 Vilniaus pilies teismo knygas. LM aprašo sudarytojas S. Ptašickis 21 iš jų nurodė skyriuje "Teismų knygos" (Nr. 230, 233, 234, 237, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 250, 252, 253, 255, 256, 259, 260, 262). Dar 2 XVI a. Vilniaus pilies teismo knygas S. Ptašickis klaidingai priskyrė "Užrašymų knygų" serijai (Nr. 34, 40).

XVI a. Vilniaus pilies teismo knygos nevienalytės, gerai parodančios, kaip LDK, vykstant bajorų luomo konsolidacijos ir įsigalėjimo valstybėje procesui, kito, diferenciavosi senoji teismų sistema, formavosi nauji luominiai teismai. Jas galima skirstyti į keletą grupių. Pirmajai grupei priskirtinos 1542-1555 m. Vilniaus vaivados ir jo vietininko 7 teismo knygos (Nr. 230, 233, 234, 238, 242, 244, 245). Antrajai - 3 1551-1552 m. Vilniaus vaivados parinktų teisėjų teismo knygos (Nr. 240, 241, 243). Trečiajai - 2 1559-1564 m. Vilniaus vietininko teismo knygos (Nr. 253, 262, l. 1-153). Atskirą grupę sudaro 12 1549-1565 m. mišrių įrašų knygų (Nr. 34, 40, 237, 246, 247, 250, 252, 255, 256, 259, 260, 262, l. 153-429). Taigi sugrupuotos Vilniaus pilies teismo knygos atspindi naujų luominių teismų klostymosi LDK proceso atskirus etapus.

Chronologiškai ankstyviausią LM išlikusi knygų grupę sudaro Vilniaus vaivados ir jo vietininko teismo knygos. Jos reprezentuoja senąją LDK teismų sistemą, egzistavusią iki 1529 m. I Lietuvos Statuto ir keletą dešimtmečių po jo paskelbimo, kada didžiojo kunigaikščio vietininkai, o vėliau juos pakeitę vaivados bei seniūnai jiems pavestose teritorijose turėjo administracinę ir teisminę valdžią visiems tos teritorijos bajorams, miestų gyventojams, nepavaldiems Magdeburgo teisei ir iš svetur atvykusiems "svečiams". Vilniaus vaivada teisdavo ir priimdavo pareiškimus teismui pats vienas, arba dalyvaujant bajorų atstovams stebėtojams, taip pat, būdamas užimtas kitais valstybės reikalais, pavesdavo teisėjauti savo pavaduotojui Vilniaus vietininkui.

Kokybiškai naują LDK teismų sistemos raidos XVI a. etapą atspindi Vilniaus pilies teismo knygos, kuriose įrašai daryti vaivados parinktų teisėjų vardu. Parinktų teisėjų teismas veikė vienu metu, kartu su paties Vilniaus vaivados teismu, bet buvo savarankiška teismo įstaiga Vilniaus paviete. Parinktų teisėjų teismas būsimų poreforminių luominių bajoriškų teismų prototipas, bajoriškas teismas,

nagrinėjęs, sprendęs Vilniaus pavieto bajorų civilines ir baudžiamąsiais bylas, priiminėjęs bajorų pareiškimus teismui turto, asmens saugumo ir kitais klausimais.

Vilniaus vietininko teismo knygos rodo, kad LDK, bajorų luomui atsiribojant nuo kitų luomų, vyko tolesnė Vilniaus pilies teismo diferenciacija pradėjo veikti dar viena savarankiška šio teismo institucija Vilniaus vietininko teismas. Šio teismo knygos aiškiai nusako ir jo paskirtį nagrinėti nemagdeburginių Vilniaus miestiečių bei miesto "svečių", nepriklausiusių bajorų luomui, civilines ir baudžiamąsias bylas bei atlikti kitą, teismui priklausantį darbą. Akivaizdžiai pasikeitęs ir Vilniaus vietininko, kaip teisėjo, statusas. Tai jau nebe Vilniaus vaivados pavaduotojas, teisėjavęs tik vaivadai paliepus, o savarankiškas teisėjas, teisėjavęs dažniausiai vienas pats.

Vilniaus pilies teismo mišrių įrašų knygose susiduriame su įrašais, neretai vienalaikiais, darytais įvairių šio teismo institucijų vardu. Didelė šių knygų grupė - dėsningas pereinamojo, reformų ruošimo laikotarpio reiškinys, kai vienu metu egzistavo ir savarankiškai veikė 3 specializuotos Vilniaus pilies teismo institucijos: 1) universalus Vilniaus vaivados teismas, į kurį galėjo kreiptis visi vaivadijos bajorai, nemagdeburginiai miestiečiai ir atvykėliai, 2) bajoriškas parinktų teisėjų teismas, skirtas Vilniaus pavieto bajorams, ir 3) miestietiškas nemagdeburginis Vilniaus vietininko teismas, skirtas tenkinti nemagdeburginių Vilniaus miestiečių, pilies jurzdikos gyventojų ir atvykėlių poreikius. Juose dirbo tie patys Vilniaus pilies teismo pareigūnai teisėjai ir raštininkai, buvo tvarkomos tiek atskiros padalinių, tiek bendros teismo knygos.

Vilniaus pilies teismo raštinėje buvo tvarkomos ne viena, o tuo pačiu metu kelios skirtingos paskirties įrašų knygos. Daugiausia išliko knygų, kuriose įrašyta įvairi civilinių ir baudžiamųjų bylų eigą atspindinti medžiaga, taip pat įrašai, atsiradę atliekant įvairius juridinius veiksmus. Kitose knygose tėra įrašai, daryti juridiškai apiforminant įvairius judamo ir nejudamo turto pirkimo-pardavimo, užstatymo, užrašymo, skolos ir kitus sandėrius, įgaliojimus bei testamentus.

Knygos rašytos LDK raštinių slavų kalba. Absoliuti įrašų dauguma - slavų kalba, tik vienas kitas įrašas lotynų arba lenkų kalba. Vėliau, tvarkant LM archyvą, Vilniaus pilies teismo knygose buvo įrašytos dokumentų tvarkytojų sudarytos įrašų antraštės ir rejestrai rusų bei lenkų kalbomis.

Šiuo metu LM figūruoja 23 įrištos XVI a. Vilniaus pilies teismo knygos. Vienos knygos turi titulinius lapus, kitose tėra tituliniai įrašai. Yra knygų, kuriose nėra nei titulinių lapų, nei titulinių įrašų, ir tik iš teksto galima nustatyti teismą, kuriame buvo rašyta knyga, jos paskirtį ir chronologinius rėmus. Atlikta tekstologinė analizė rodo,

kad tarp šių 23 knygų yra ir mechaniškai sujungtų (Nr. 262), buvusių atskirų knygų ar jų dalių.

Daugelio knygų viduje įrašai išdėstyti nuosekliai chronologine tvarka. Kitose knygose (Nr. 238) chronologinė įrašų seka pažeista ankstesne data datuotų bylų įrašai atsiduria po vėliau nagrinėtų. Tai liudytų, kad ikireforminio Vilniaus pilies teismo raštinėje bylos medžiaga ne visada iš karto visa būdavo įrašoma į knygą, egzistavo juodraščiai, parengiamoji medžiaga.

Visų tokių mechaniškai sujungtų Vilniaus pilies teismo knygų išaiškinimas, jų atskyrimas, kaip ir jose pasitaikančių chronologinės įrašų sekos pažeidimų, antraščių ir rejestrų sudarymo laiko nustatymas, reikalauja tolesnės specialios šaltinotyrinės analizės, kurią teks atlikti būsimiems šių knygų tyrinėtojams ir skelbėjams.

S. ABROSIMOVA

LIETUVOS METRIKOS DOKUMENTAI XVI a. PIRMOSIOS PUSĖS UKRAINOS MIESTŲ ISTORIJOS ŠALTINIS

LM dokumentai kompaktiškumu ir kompleksiškumu yra vienas svarbiausių XVI a. pirmosios pusės Ukrainos miestų istorijos šaltinių. Straipsnyje norėta atskleisti jo informacinį potencialą.

Išanalizavus 76 LM knygas, išaiškintos 2 knygos ir 1006 atskiri dokumentai, kuriuose užfiksuota įvairiapusė informacija apie XVI a. pirmosios pusės 77 Ukrainos miestų ir miestelių socialinę, ekonominę istoriją. Išaiškintos informacijos statistinė analizė parodė, kad mus dominantys dokumentai LM knygose išsidėstę netolygiai. Daugiausia jų yra knygose Nr. 8, 14, 37, 38 ir gan pilnai atspindi Lucko, Kijevo, Vladimirovo, Kremeneco, Braclavo, Ovručo, Kameneco, Vinicos, Čerkasų, Ostrogo ir kitų Ukrainos miestų raidą. Tematiniu kompaktiškumu išsiskiria 2 "Surašymų knygos" (Nr. 561, 563), kuriose yra 12 ukrainietiškų pilių aprašymai (iliustracijos). LM dokumentų apie Ukrainos miestus masinis pobūdis, rūšinė įvairovė, statistinė forma sudarė galimybę pakankamai efektyviai panaudoti dokumentų statistinės analizės metodus ir tokiu būdu atskleisti LM informacinį potencialą. LM dokumentai nušviečia pagrindinius socialinius, ekonominius Ukrainos feodalinių miestų istorijos aspektus: miestų genezę ir jų ypatumus regione; miestų topografiją; miestiečių mokesčius ir prievoles; tolesnę miestiečių ekonominę eksploataciją įvedus naujus mokesčius ir prievoles; amatų plėtotę, jų specializaciją ir cechų organizaciją; prekybos mieste ir už jo ribų vystymąsi; mugių ir turgų plitimą; muitų sistemą; socialinius santykius ir klasinę kovą miestuose.

Ypač vertingi normatyviniai dokumentai: magdeburginės ir lokacinės privilegijos, privilegijos, miestų valdymui, mugėms ir turgams. Atlikto tyrimo duomenys rodo LM dokumentų aukštą registravimo lygį, o tai leidžia juos vertinti kaip vieną pagrindinių, kompleksišką ir kompaktišką XVI a. pirmosios pusės Ukrainos miestų socialinės, ekonominės istorijos šaltinį. LM dokumentų duomenys atskleidžia Ukrainos miestų, tuo metu buvusių LDK sudėtyje, aukštą ekonominio išsivystymo lygį. Jie gali būti sėkmingai panaudoti kitų regionų miestų lyginamiesiems tipologiniams tyrimams.

M. SPIRIDONOVAS

LIETUVOS DIDŽIOSIOS KUNIGAIKŠTYSTĖS KARIUOMENĖS SURAŠYMAS 1567 m. - BALTARUSIJOS GYVENVIEČIŲ ISTORIJOS ŠALTINIS

Pirmą kartą analizuojamas istorinių-geografinių duomenų apie LDK kariuomenės surašymą 1567 m. kompleksas. Tikslas nustatyti jame paminėtų dabartinės Baltarusijos gyvenamųjų vietovių skaičių. Aiškinami ir kiti svarbūs klausimai, būtent, ar yra žinių apie gyvenviečių tipą, jų administracinę-teritorinę priklausomybę kaip vieną iš svarbiausių identifikavimo ir lokalizavimo požymių, apie žemės valdų savininkus ir valdytojus, koks tų žinių pobūdis.

1567 m. kariuomenės aprašymo dalyje, kurią sudaro 7 įvairių bajorų grupių kategorijų su specifiniu teisiniu ir tarnybiniu statusu sąrašai, paminėtos 656 valdos. 180 iš jų, arba 27,4 %, priklausė ponams, Ponų tarybos nariams. Be to, daug bajorų, užrašytų šituose sąrašuose, nenurodė savo valdų. Jei laikyti keletą to paties pavadinimo valdų viename paviete viena gyvenviete, tai 656 valdoms atitinka 514 gyvenviečių. Didesnė jų dalis (278 gyvenvietės, arba 54,1 %) buvo Minsko, Ašmenos ir Naugarduko pavietuose.

1567 m. kariuomenės surašymo pirmojoje dalyje, kurią sudaro 21 pavieto ir 2 žemių bajorų sąrašai, taip pat totorių sąrašai, paminėtos 1343 gyvenvietės. Didesnė jų dalis (821, arba 61,1 %) buvo Ašmenos ir Gardino pavietuose. Surašymo antrojoje dalyje taip pat nepaminėtos daugelio bajorų vald

Abiejose 1567 m. kariuomenės surašymo dalyse 18 pavietų, ištisai, ar tik iš dalies buvusių dabartinės Baltarusijos teritorijoje, nurodyta 1670 gyvenviečių: 1) Ašmenos - 321 (19,2 %), 2) Breslaujos 23 (1,4 %), 3) Bresto - 132 (7,9 %), 4) Gardino - 191 (11,4 %), 5) Kijevo 2 (0,1 %), 6) Lydos - 152 (9,1 %), 7) Minsko - 187 (11,2 %), 8) Mozyrio 21 (1,3 %), 9) Mstislaulio 2 (0,1 %), 10) Naugarduko - 281 (19,2 %), 11) Oršos 50 (3,0 %), 12)

Pinsko 61 (3,6 %), 13) Polocko 15 (0,9 %), 14) Rečicos 34 (2,0 %), 15) Slonimo - 65 (3,9 %), 16) Vilniaus - 11 (0,7%), 17) Vitebsko 5 (0,3 %), 18) Volkovysko 117 (7,0 %).

Daugeliu atvejų surašyme nurodyti tik gyvenvietės - valdų centrai. Kitos gi gyvenvietės, buvusios stambiose valdose, neminimos. Žinios apie rytinio pasienio pavietų bajorų valdas yra fragmentinės, nes čia dauguma bajorų dėl Livonijos karo negalėjo atvykti į surašymą.

Nepaisant daugelio esminių trūkumų, 1567 m. kariuomenės surašymas yra vienas informatyviausių Baltarusijos gyvenviečių istorijos feodalizmo epochoje ankstyvųjų šaltinių. Būtina sudaryti jo geografinę rodyklę su komentarais ir istorinį žemėlapį.

J. ANCHIMIUKAS

LIETUVOS METRIKA IR N. RUMIANCEVO BŪRELIS

Grafo N. Rumiancevo ir jo mokslinio būrelio XIX a. pirmajame ketvirtyje veikla, nukreipta Rusijos rašytinių istorijos šaltinių paieškai bei kaupimui, nepaliko be dėmesio ir vieno svarbiausių LDK istorijos šaltinio - LM. LM tuo metu buvo saugoma Senato III departamente ir praktiškai buvo neprieinama tyrinėtojams. Pasinaudojus tarnybiniais ryšiais ir protekcijomis, buvo pasiekta, kad su LM galėtų susipažinti V. Anastasievičius. 1817 m. jis parengė gan smulkų 1798 m. priimtų į Senatą LM knygų aprašą ir taip tyrinėtojai gavo pirminę informaciją apie LM.

Jau bendrosios žinios apie LM sudomino N. Rumiancevą. Jo pavedimu V. Anastasievičius padarė kai kurių XV a. pabaigos diplomatinių dokumentų tekstų nuorašus. 1820 m. kopijavimo darbas buvo baigtas, ir V. Anastasievičius įteikė N. Rumiancevui XV a. pabaigos diplomatinių dokumentų iš LM-4 ir LM-5 nuorašų komplektą. 1821 m. N. Rumiancevo prašymu K. Būse Varšuvos archyve pradėjo daryti nuorašus ir ten saugomos LM kopijos lotynišku alfabetu. Tokiu būdu buvo parengtas vienas nuorašų tomas diplomatinių dokumentų iš LM-5 ir kitas valstybės vidaus reikalų dokumentų iš LM-4 ir LM-5.

N. Rumiancevas gautuosius LM dokumentų nuorašus buvo pasiryžęs paskelbti. Tuo tikslu buvo konsultuojamasi su A. Malinovskiu ir nutarta LM dokumentų tekstus paskelbti kartu su rankraštyje likusiais M. Dogelio rinkinio II ir VII tomais. Tačiau nei šis, nei kiti N. Rumiancevo LM dokumentų paskelbimo planai liko neįgyvendinti. Šį darbą 1830-1848 m. atliko Muchanovas savo "Rinkinyje" ("Сборник Муханова") bei Archeografijos komisija "АЗР"

I tome, kuriuose buvo panaudoti N. Rumiancevo LM dokumentų nuorašai.

Z. KIAUPA

SIMONO DAUKANTO DARBAI IR LIETUVOS METRIKA

Įžymaus Lietuvos istoriko ir švietėjo S. Daukanto (1793-1864) gyvenimas glaudžiai persipynė su LM. 1835 m. jis pradėjo tarnauti Rusijos imperijos Senate, kur 1837-1850 m. dirbo ten saugomos LM metrikanto padėjėju. Lietuvos istorijos tyrimo darbai skatino S. Daukantą domėtis LM kaip istorijos šaltiniu ir imti nurašinėti jos aktus. Lietuvių literatūros ir tautosakos institute saugomame S. Daukanto archyve yra per 1000 lapų išrašų iš LM. Iš pirmo žvilgsnio šie išrašai gali atrodyti atsitiktiniai, tačiau tai, matyt, yra pirmojo S. Daukanto darbo su LM etapo - medžiagos atrinkimo rezultatas. Antrajame etape buvo sudaryti 4 didelės apimties teminiai rinkiniai, į kuriuos įėjo didžioji išrašų iš LM dalis.

Du iš jų S. Daukantas atsiuntė T. Narbutui 1843 m. Pastarasis ieškojo būdo juos paskelbti, tačiau nepavyko. Po to S. Daukantas ne kartą prašė juos grąžinti, bet T. Narbutas negrąžino. Po jo mirties sūnus perdavė rinkinius Osolinskių bibliotekai Lvove (dabar Lvovo mokslinė V. Stefaniko biblioteka).

Pirmas iš jų - 196 l. knyga. Visa ji S. Daukanto išrašai iš LM. Didžiąją dalį (104 išrašai iš 194) sudaro iš LM-5 perrašyta diplomatinė medžiaga, kitą dalį 1391-1635 m. aktai iš įvairių LM knygų Vytauto privilegijos, diplomatiniai aktai, valdovų atsakymai LDK seimuose į paklausimus, testamentai, teismo bylos ir kt.

Antrasis rinkinys (151 l. knyga) sudėtingesnis, be S. Daukanto išrašų iš LM, T. Narbutas čia įdėjo ir kitokią medžiagą. Betgi dauguma, 59 įrašai iš 73 - S. Daukanto išrašai, tarp jų 43 - išrašai iš LM. Tai valdovų privilegijos LDK žemėms, LDK sutartys su Moldova ir Rusijos kunigaikštystėmis, kitokia 1387-1635 m. diplomatinė medžiaga. Iš kitų įrašų paminėtini du S. Daukanto tekstai, primenantys laiškus (be pradžios) T. Narbutui.

Žinoma, kad 1545 m. Daukantas turėjo J. Pliateriui priklausiusį Žemaitijos privilegijų nuorašų rinkinį. Šis rinkinys saugomas S. Daukanto archyve. Tai yra 1788 m. Žemaičių vyskupystės .kapitulos užsakymu parengtas Žemaitijos privilegijų ir kitų aktų išrašų iš LM rinkinys. Ten pat saugomas S. Daukanto ne vėliau kaip 1841 m. parengtas analogiškas rinkinys, nedaug besiskirias nuo pirmojo. Žemaitijos privilegijų rinkinį S. Daukantas rengė spaudai, MA bibliotekoje S.-Peterburge saugomas parengtas spaudai egzempliorius,

turintis titulinį lapą, dedikaciją J. Pliateriui, įvadą, archeografinius ir istorinius komentarus. Tai 384 lapų tomas, kuriame įrašyti 96 1390-1715 m. aktai, iš jų 89 iš LM. Rinkinį spaudai S. Daukantas baigė rengti grįžęs į Lietuvą, 1857 m. ar greit po to, paskelbimo viltis siejo su P. Smuglevičiumi, tačiau jos liko neįgyvendintos.

S. Daukanto archyve saugomas išrašų iš LM rinkinys. Tai privilegijų savivaldiems miestams ir privilegijų pasaulietiniams bei bažnytiniams feodalams, suteikiančių teisę steigti miestelius jų valdose, rengti ten turgus ir muges, rinkinys. Jis susideda iš dviejų dalių. Pirmoji dalis - tai ištisai perrašyta LDK mažosios raštinės 1791-1792 m. aktų knyga, kurioje buvo įrašytos tų metų privilegijos savivaldai, t.y. Magdeburgo teisei 74 LDK miestams (LM-556). Antroji dalis tai 1495-1790 m. su 111 miestų ar miestelių susiję 169 aktai iš įvairių LM knygų.

S. Daukantui paskelbti savo rinkinius nepavyko, jie liko mažai žinomi, tik miestietiškasis rinkinys pastaraisiais dešimtmečiais yra plačiai naudojamas mokslinėje apyvartoje. Tačiau S. Daukanto darbas, jo LM žinojimas dar jam gyvam esant davė vaisius. Čia atkreipiame dėmesį tik į vieną reiškinį S. Daukantas dosniai dalinosi savo sukaupta medžiaga su to meto Lietuvos istorikais T. Narbutu, M. Valančiumi, per S. Stanevičių - M. Balinskiu.

S. Daukanto veiklą tiriant LM ir platinant jos medžiagą tenka laikyti ryškiu ankstyvojo LM tyrimo etapo puslapiu. Pabrėžtina, kad visą darbą jis atliko vienas, savarankiškai, be kurios nors valstybinės įstaigos ar visuomeninės organizacijos pagalbos, nuolat jausdamas carinės biurokratijos represijų pavojų.

LM medžiagos archeografinio parengimo patyrimu, S. Daukanto įgytu rengiant šiuos rinkinius, dabar vargu ar įmanoma pasinaudoti - nebe tie reikalavimai ir taisyklės. Tačiau teminių rinkinių rengimo patyrimas yra perspektyvus, jį reikia tirti ir juo pasinaudoti. Tikslinga paskelbti S. Daukanto rinkinius.

N. KOVALSKIS, P. KULAKOVSKIS

LIETUVOS METRIKOS DOKUMENTŲ TYRIMAS IR PUBLIKAVIMAS UKRAINOJE XIX-XX a.

Pavienių LM dokumentų skelbimas Ukrainoje prasidėjo XIX a. Iš pradžių (penktajame dešimtmetyje) dokumentus skelbimui iš LM atrinkinėjo Kijevo archeografai, susibūrę Laikinojoje komisijoje seniesiems aktams tirti (Kijevo archeografijos komisijoje). Dokumentai buvo skelbiami serijiniuose Komisijos leidiniuose "Памятники", "Архив Юго-Западной России". Pastarajame leidinyje buvo paskelbti vertingi

socialinės, ekonominės Ukrainos istorijos dokumentai: pilių inventoriai (aprašai), seniūnijų iliustracijos, lokacinės, fundacinės ir magdeburginės privilegijos miestams, miesteliams ir kaimams. Dokumentai buvo paimti iš vadinamosios "Voluinės Metrikos" XVI a. pabaigos XVII a. pirmosios pusės knygų.

Kai kurie pavieniai LM dokumentai buvo skelbiami Kijevo universiteto leidinyje "Чтения исторического общества Нестора Летописца".

Kitas LM dokumentų tyrimo centras buvo Lvove. Čia archeografinį darbą dirbo ukrainiečių ir lenkų istorikai. Jų pastangomis buvo leidžiama: "Записки научного общества им. Т. Шевченко", "Archivum XX. Sanguszkow w Slawucie", įvairius dokumentus savo monografijų prieduose paskelbė M. Jasinskis, M. Dovnar-Zapolskis, N. Maksimeika, M. Grušеvskis ir kt. LM tyrimo darbai buvo atliekami taip pat Kijeve, Lvove, Charkove, Simferopolyje.

LM tyrimų XIX-XX a. pradžioje tikslas su Ukrainos istorija susijusių dokumentų išaiškinimas ir panaudojimas.

Valstybės ir teisės istorijos tyrimams Ukrainoje LM dokumentų tekstus aktyviai panaudojo M. Vladimirskis-Budanovas, M. Jasinskis, N. Maksimeika, konkretiems siauresnės tematikos tyrimams - V. Antonovičius, M. Grušеvskis, A. Grušеvskis, F. Nikolaičiukas. Tyrimo gilumine analize ir LM dokumentų tekstų panaudojimo apimtimi išsiskiria stambiausio LDK agrarinės istorijos tyrinėtojo M. Dovnar-Zapolskio darbai.

1928 m. V. Rozovas paskelbė XIV-XV a. ukrainietiškos tematikos dokumentų tekstus, nemaža kurių buvo paimta iš LM publikacijų. Deja, LM ilgam pasitraukė iš Ukrainos istorikų bei archeografų dėmesio sferos.

Tam tikras susidomėjimas LM pasireiškė septintajame dešimtmetyje, nuo aštuntojo dešimtmečio pabaigos Ukrainos istorikai LM pradėjo skirti nuolatinį dėmesį. N. Kovalskis paskelbė net keletą mokslo tiriamųjų darbų, skirtų LM, šis istorijos šaltinių kompleksas tapo S. Abrosimovos kandidatinės disertacijos objektu, N. Kovalskis, G. Boriakas, G. Vinogradovas paskelbė kai kuriuos LM registrų ir dokumentų tekstus.

Artimiausioje ateityje Ukrainos istorikų laukia darbai, susiję su LM ukrainietiškų, ypač Voluinės, dokumentų tekstų kompleksiniu publikavimu.

SUMMARIES

E. BANIONIS

BOOKS' GENESIS OF THE LITHUANIAN METRICA (THE LAST QUARTER OF THE 15TH CENTURY)

At the very end of the 16th century the documents stored in the Ducal Chancery of the Grand Duchy of Lithuania were copied into the books-copies (called the Lithuanian Metrica). So the essential question of the sources of the research work in the field of the Lithuanian Metrica is whether these books-copies are equivalents to the initial original books of the Chancery of the Grand Duchy of Lithuania or they are books-copies compiled according to the new rules and they don't reflect, for example, the clerical work and document storage structure of the Chancery in the 15th century.

Thorough analysis of the oldest diplomatic documents texts of the period 1480-1486 led to the following conclusions. In 1480-1486 in the Ducal Chancery all diplomatic documents for long-lasting storage as well as curent documents for foreign relations were copied (the question is where and under what conditions were kept the originals of the incoming diplomatic documents?). Diplomatic documents were copied on separate or bent in two and put one into another lists of paper. The lists were put one to another and in such a way diplomatic documentation was formed and stored in 1480-1486, using the present-day archival term, had a semblance of separate "storage unit". Such bigger or smaller in volume "units" had lost their integrity, "dissipated", fragmented, mixed with the other "storage units" and being in such a state were copied in the book-copy N3 of the Lithuanian Metrica which consists of the fragments of various documents but it still forms a compact chronological copy of the documentation of the Grand Duchy of Lithuania.

N. Berezhkov, the researcer of the Lithuanian Metrica, had the opinion that there was an attempt in 1486 to have regular book of legations which contained the texts of outgoing documents. In the same year (1484) the texts of the earlier diplomacy documents were copied and collected. Perhaps N. Berezhkov was misled by the book's image in the present-day meaning of this word. This book image was strengthened by the word books ("книги") used at the end of the 15th century. But "books" were used only in plural, and only at the beginning of the 17th century you can meet "book". We suppose that the word "books" as a term used in the Chancery

at the end of the 15th century first of all meant physical state of the Chancery documentation - separate lists of paper or note-books of small volume with the texts of the documents gathered according to the special criteria for long-lasting storage. In some meaning the name "books" meant the opposite to the other physical state of documents - "rolls" ("столбцы, свитки"). Here follows our main and principal conclusion concerning the genesis of the Lithuanian Metrica: an attempt to determine the exact date of the beginning of "books" is essentially misleading. This issue must be changed by the main solutions of other problems: when was the Chancery of the Grand Duchy of Lithuania formed as a constant and an independent enough institution of the central state government and when was the beginning of the constant copying of the documents for long-lasting storage. The solution of this problem is limited by the copies survival of the Chancery. According to this, it is possible to assert that since 1480 at the Chancery of the Grand Duchy of Lithuania diplomatic documents have been copied for long-lasting storage. The other question is when were the documents formed in such a way and when were they collected and bound in "books" in physical and present-day meaning of this word. How was the Chancery work organized with the documents of one sort "judicial and division" during the reign of Grand Duke Alexander (1492-1605)?

Under the direction issued by Alexander in 1492-1494 the privilege acts were written by Theodore Yanushkovitch, who was leaving a copy for himself. In 1494 he had rewritten the documents to "new books" and so formed "series storage units" which put one to another formed "books". T. Yanushkovitch had only to rewrite the privilege documents which were prepared by other writers his father Yanushko and Ivan Sapiega.

In 1492-1496 chronological parallel documents "series-storage units" were rewritten and gathered by Theodore Gregorovitch. In 1496 the series of T. Yanushkovitch was continued by Yanushko but his "storage units" were put not at T. Yanushkovitch series but at T. Gregorovitch. These series were continued till 1496. And T. Yanushkovitch after a year continued the series of documents which were written by his father Yanushko.

Such an organization of clerical work and specialization system, when the documents of the privileges in chronologically parallel order were rewritten by two writers was going on till 1498. The books were stored till the end of the 16th century and during rewriting were divided only in 5 parts and in 3 books-copies.

Since 1500 "series - storage units" have become smaller, chronologically took only several months and they contained only

severai document texts, besides, often there were three "series - storage units" at once. In 1500-1506 "series - storage units", which amount in 12, are fuond in various places of two books-copies. It shows that in 1500-1506 in the Chancery of the Grand Duchy of Lithuania the system of work distribution and consistency which had been introduced in 1494-1498 was lost. Partly it may be explained by the change of writers' generations: in 1499 died Ivan Vladyka, in 1500 - Yanushko, in 1502 - T. Gregorovitch. They were replaced by T Yanushkovitch, I. Sapiega, Gromyka, Bogush Bogovitinovitch. They ascented in social and carreer life. The election of Grand Duke Alexander in 1501 King of Poland and his frequent and long-lasting departures from Lithuania had affected the clerical work of the Grand Ducal Chancery.

V. MENZHYNSKI

DOCUMENT STRUCTURE IN "BOOKS OF INSCRIPTIONS" OF THE LITHUANIAN METRICA

Complex analysis of document structure in "Books of Inscriptions" N 12-33 of the Lithuanian Metrica is given in this article for the first time. It was determined that the work volume in the Chancery of the Grand Duchy in 1522-1552 was enormous. There are inscriptions of 4886 documents, what means that every year the Chancery averagelly copied 166 documents.

The books of the second quarter of the 16th century contain the texts of the documents issued by the Grand Duke, central and local admonistrations and only 38 documents may be attributed to the category of private acts. It is the main difference between the books of the Russian State.

Every book of that period is not only a bare collection of document copies. These books have their own document selection system. For example, in books N 13, 17, 25 one can find noticeable systematic features the documents are grouped according to addressees.

Analysing the concerning regions of the Grand Duchy which are in the document texts we'll see great disproportions in this aspect. In quantity and sorts of documents the greatest part belongs to present-day Byelorussia (45.8 %), present-day Lithuania (30.1 %) and only 14.7 % to the present-day territory of the Ukraine, (9.4%) to the former Podlachia.

Subject analysis shows that 3 343 texts or 68.5 % are concerning the feudal lay land-ownership but not the clergy land-ownership what

is the main difference when the GD Chancery books are compared with the analogues of the Russian State.

The quantitative LM books analysis results of the period 1522-1552 are given in 7 tables which reflect the distribution of the document texts according to the regions, chronology and sorts of documents. The data show the greatest concentration of land-ownership in the present-day territories of Lithuania and Byelorussia as well as continuous attention of the government to this region of the GDL.

Much place in the article is devoted to the group and subgroup description of the documents, to the possibility of the application of this information in the research of the social, economic, political history of the GDL. General classification scheme of the Chancery acts is given according to the texts of the documents they are divided in 5 subgroups which have certain features necessary to use in variuos aspects of the history investigations of the GDL.

The document structure analysis of the books N 12-33 of the LM gives a wide possibility to comparative method and its application in the history investigations of separate regions of the GDL Lithuanian, Byelorussian, Ukrainian, Podlachian and analysing the politics of the GDL goverment. At last, the structural analysis of the documents of the LM and the conclusions, without any doubt, will help to the future research work in the field of the GDL diplomacy and Chancery history.

J. KIAUPIENĖ

JUDICIAL BOOKS OF THE VILNIUS CASTLE COURT OF THE 16TH CENTURY IN THE LITHUANIAN METRICA

Till judicial-administrative reforms in the Grand Duchy of Lithuania in 1564 and the introduction of the 2nd Lithuanian Statute in 1566 the Castle Court existed under the quidance of voivodes. The origin and the activity of the Castle Court are revealed in the study by F. Leontovitch ("Областные суды в Великом Литовском Княжестве", Санкт-Петербург, 1910) the source of the history left after this institution - judicial books which are neither published nor investigated and their material is not used in the historical literature.

In the Lithuanian Metrica one can find judicial book copies of the prereform period (originals have not survived). The researcher of the Lithuanian Metrica agrees that theese judicial books of the Castle Court which were quided by voivodes were accidentically stored in the archive of the Grand Ducal Chancellors. But at the

end of the 16th century when the books were recopied they were considered as the integral part of the Lithuanian Metrica.

We looked through 23 judicial books of the Castle Court. S. Ptashycki who compiled the LM inventory has mentioned 21 of them in the sector "Judicial Books" (N 230, 233, 234, 237, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 250, 252, 253, 255, 256, 259, 260, 262). 2 judicial books of the 16th century S. Ptashycki erroneously attributed to the series of "Books of Inscriptions" (N 34, 40).

The judicial books of the Vilnius Castle Court are different and clearly showing how in the GDL during the processes of consolidation and strengthening of the nobility the old system of court was changing and a new one was forming. They may be divided into several groups. The first group consists of 7 books of 1542-1555 - judicial books of Vilnius voivode and his vicegerent (N 230, 233, 234, 238, 242, 244, 245). The second group consists of 3 books of 1551-1552 these are judicial books of judges appointed by Vilnius voivode (N 240, 241, 243). The third group - 2 books of 1559-1564 of Vilnius vicegerent (N 253, 262, 1. 1-153). The books of miscallaneous records form a separate group (N 34, 40, 237, 246, 247, 250, 252, 255, 256, 259, 260, 1. 153-429). The judicial books of the Vilnius Castle Court grouped in such a way reflect different stages of a new class court development.

Chronologically the earliest group of books consists of the judicial books of Vilnius voivode and his vicegerent. They represent the old court system in the GDL which was existing till 1529, till the 1st Statute and several decades after its introduction when the vicegerents of the Grand Duke and later the voivodes and the elders (seniūnai) in their territories had administrative and judicial power on the gentry of their region, town population without Magdeburg Rights and "guests" from foreign countries. The voivode of Vilnius judged and took applications alone under supervision of the gentry representatives or charged his vicegerent.

The new development of the judicial system in the GDL reflects the judicial books of the Vilnius Castle Court The court of elected judges existed together with the court of Vilnius voivode, but at the same time it was an independent institution in the Vilnius district (pavietas). This type of court was a prototype of the postreform gentry courts which judged civil and penal lawsuits, tried the applications of the gentry concerning property, personal security and other cases.

The books of Vilnius vicegerent court show that during the process of gentry separation, the differentiation of the Castle Court

was going on and one more independent court began its activity - the court of Vilnius vicegerent. The books of this court show its designation to judge the cases of town-dwellers without Magdeburg Rights and the lawsuits of town "guests" who didn't belong to the gentry, as well as other justice administration work. The status of Vilnius deputy voivode was noticeably changed. He was already independent, judged himself and not only under the voivode's direction.

The amount of miscellanious judicial record books is numerous. Here we find different entries of various judicial institutions. The peculiar feature of the transitional reforms introduction period is when 3 specialized independent institutions of the Vilnius Castle Court existed at the same time: 1) general-purpose court of Vilnius voivode for the gentry, town-dwellers without Magdeburg Rights and foreigners; 2) gentry elected court for the Vilnius district gentry; 3) the court of Vilnius vicegerent for town-dwellers without Magdeburg Rigts, inhabitants subjected to the castle administrative and judicial subordination and town guests. The same judges and clerks were working at these courts and they had separate and common judicial books.

At Vilnius Castle Court there were several various records books. The greatest part of them which had survived contain different file material as well as entries describing legal activity. Some books contain only the records of real estate sale-purchase, mortgage, bequest, debt and other transactions as well as warrants and testaments.

The books are written in the Ruthenian chancery language. Only some records are in Latin or in Polish. In the course of time putting in order the archive of the LM in the judicial books of Vilnius Castle Court title inscriptions and inventories appeared in Russian and Polish.

At present there are 23 bound judicial books in the Lithuanian Metrica of the 16th century Vilnius Castle Court. Some books have title pages, some only title inscriptions. There are some books without any title pages or title inscriptions, and only according to the text it is possible to determine the court of the lawsuit of book nomination and its chronological frame. Textological analysis shows that among those 23 books there are mechanically included books (for example, N 262), former separate books or their parts.

In the majority of books entries are made in chronological order. But in some books (for example, N 328) chronological sequence is violated earlier files are found after the later ones. It serves as an evidence, that in the prereform Vilnius Castle Court chancery,

file material was not always, not at once and not fully recorded in books there were rough notes and draft material.

These mechanically joined judicial books of Vilnius Castle Court need explanation, separation of the material, determination in chronological sequence order, title and inventory time as well as further, special source research analysis such tasks are awaiting for future researchers and publishers of the LM books.

S. ABROSIMOVA

DOCUMENTS OF THE LITHUANIAN METRICA AS A SOURCE OF THE HISTORY OF THE UKRAINIAN HABITATIONS OF THE 16TH CENTURY

The article presents the documents of the Lithuanian Metrica as the main source of the history of the Ukrainian habitations of the 16th century and reveals its informational potential.

The analysis of 76 books helped to explain two books and 1006 separate documents with the fixed many-sided information about the habitations development in the first half of the 16th century, their social and economical history. The statistical analysis of the obtained information showed that documents arrangement in the LM books is uniform. The greatest amount is in books N 8, 14, 37, 38 and fully reflect the development of the Ukrainian towns: Lutsk, Kiev, Vladimir, Kremenets, Braslavl, Ovruch, Kamenets, Vinitsa, Cherkasy, Ostrog. According to the thematical compactness two books, N 561 and 563, must be singled out with the description of 12 Ukrainian towns, their nature, variety, statistical analysis method and the disclosure of the informational potentional of the LM documents which show the main social economical aspects of the Ukrainian feudal towns: the genesis of towns and their characteristic features in the region, typography of towns; taxes and service of the town population, introduction of new taxes and duties and the increase of economical exploiting; development of trades, specialization and organization of guilds; development of commerce in and out of towns; fair and market development; customs tariff system; social relations and class struggle. Normative documents are especially valuable: Magdeburg and limited privileges, privileges of town self-rule, of fairs and markets.

The data of the analysis confirm the high level of the LM documents registration and evaluate them as the main, complex and compact source of the social, economical development history of

the Ukrainian towns and habitations in the first half of the 16th century.

The data in the Lithuanian Metrica reveal a high development standard of the Ukrainian towns which were in the territory of the Grand Duchy of Lithuania. The above-mentioned data may be successfully used in the comparative typological investigations of the towns of other regions.

M. SPIRIDONOV

GENERAL CENSUS OF THE ARMY OF THE GDL AS A SOURCE OF THE HISTORY OF THE BYELORUSSIAN HABITATIONS

The article gives historic-georgaphic information of the census of the GDL army in 1567 which enables to determine the mentioned inhabited areas in the territory of the present-day Byelorussia and other valuable information about the types of habitations, their administrative-territorial subordination as one of the most important features for identification and localization, about the estate properietors and the nature of such an information.

656 estates are mentioned in the census of 1567 with 7 lists of various groups-categories of the gentry having specific legal and service status. 180 estates or 27.4 % belonged to the members of the Council (Ponų Taryba, Рада Панов). A great part of the gentry included in the lists hadn't pointed out their land-ownership. Counting several estates under the same name in the same habitation area, 656 estates correspond to 514 habitations. More than a half of them (278 estates or 54.1 %) were in Minsk, Ashmena and Novohrudok districts (pavietuose).

In 1564 in the army lists consisting of 21 districts and 2 gentry estates as well as the lists of Tatars, 1343 habitations are mentioned. More than a half of them (821 or 61.1 %) in Ashmena, Novohrudok and Grodno districts (pavietouse). In the second part of the lists the estates of the gentry are not mentioned.

In both parts of the army lists of 1567 18 districts completely or partly were in the present-day Byelorussia with 1670 habitations: 1) Ashmena 321 (19.2 %), 2)Breslavl - 23 (1.4 %), 3) Brest - 132 (7.9 %), 4) Grodno - 191 (11.4 %), 5) Kiev - 2 (0.1 %), 6) Lyda 152 (9.1 %), 7) Minsk 187 (11.2 %), 8) Mozyr - 21 (1.3 %), 9) Mstislavl - 2 (0.1 %), 10) Novohrudok - 281 (19.2%), 11) Orsha 50 (3.0 %), 12) Pinsk 61 (3.6 %), 13) Polotsk 15 (0.9 %), 14) Rechia 34 (2.0 %), 15) Slonim - 65

(3.9 %), 16) Vilnius - 11 (0.7 %), 17) Vitebsk - 5 (0.3 %), 180 Volokovysk - 117 (7.0 %).

In many cases only the names of the habitations-estate centres are pointed out. Other habitations in the great domains are not mentioned. Only partial information is given about the estates of the gentry in the eastern part because a great part of the gentry had no possibility to come and take part in the census because of the Livonian War.

Despite many shortcomings, 1567 year army census serves as the earliest source of information about the history of habitations in Byelorussia during the feudal epoch. It is necessary to prepare geographic lists with comments and a historial map including the publications of the books of the Lithuanian Metrica of the 16th century.

Y. ANKHIMIUK

THE LITHUANIAN METRICA AND RUMIANTSEV'S CIRCLE

The activity of Count N. Rumiantsev and his circle in the first quarter of the 19th century was orientated to the search and accumulation of the sources of the Russian history. The Lithuanian Metrica as one of the most important sources of the history of the Grand Duchy of Lithuania was one of the main sources. The Lithuanian Metrica was stored then at the 3rd Department of the Senate and was practically unatainable for investigations. Due to official relations and protection V. Anastasevitch had an opportunity for the LM knowledge. In 1817 he prepared a detailed enough list of the LM books that were taken by the Senate in 1798 and the researchers obtained the primary information about the Lithuanian Metrica.

General review of the Lithuanian Metrica had interested N. Rumiantsev. Under his direction V. Anastasevitch made some copies of the diplomatic documents of the 15th century. In 1820 the copying was finished and V. Anastasevitch handed to N. Rumiantsev the collection of diplomatic documents of the 15th century from LM-4 and LM-5. In 1821 on N. Rumiantsev's request K. Busse in the archive of Warshaw began copying from the stored there Lithuanian Metrica. in Latin letters. In such a way one volume of copies was of diplomatic documents of LM-5 and the other - of the Ducal internal affairs document texts of LM-4 and LM-5.

N. Rumiantsev intended to publish the above-mentioned documents. He had consultations with A. Malinovski and decided

to publish the volumes of M. Dogel collections - the 2nd and the 7th volumes. But N. Rumiantsev had not realized his plans. It was done by Mukhanov in 1830-1848 in his "Selected works: ("Сборник Муханова") and in "АЗР", the 1st volume where were used the document copies of the LM by N. Rumiantsev.

Z. KIAUPA

WORKS OF S. DAUKANTAS IN THE INVESTIGATIONS OF THE LITHUANIAN METRICA

S. Daukantas' life was closely connected with the Lithuanian Metrica. In 1835 he began to work at the Senate of the Russian Empire and in 1837-1850 he has been working as a metricant's assistant of the LM. The research works of the Lithuanian history urged S. Daukantas' interest in the LM as a history source and he began to copy the acts from the LM. In the archive of S. Daukantas stored at the Institute of the Lithuanian Language and Literature one can find about a thousand recopied documents from the LM. At the first sight this mass of documents may seem unorganized but that was only at the first stage of his work and later there were 4 wide thematic collections which contained the greatest part of the copies from the Lithuanian Metrica.

Two of them S. Daukantas sent to T. Narbutas in 1843. T. Narbutas tried to publish them but his attempts were unsuccesful. After that S. Daukantas tried to return his work but T. Narbutas didn't return them. After his death his son gave the document collections to Osolynski library in Lvov (present-day Lvov V. Stephanik Scientific Library).

The first of them - the book containing 196 pages and consisting of excerpts from the Lithuanian Metrica. The greatest part (104 excerpts of 194) is diplomatic material of the Lithuanian Metrica - 5. Other material is 1391-1635 acts from various books of the Lithuanian Metrica, privileges by Vytautas, the answers of the rulers to the inquires at the Seims of the Grand Duchy, testaments, judicial files, etc. The second collection (the book of 151 pages) is more complex with T. Narbutas' added material of other origin. But the core material 59 excerpts of 73 are made by S. Daukantas included 43 excerpts from the Lithuanian Metrica. They are the privileges of the rulers for land-ownership in the Grand Duchy, the treaties of the Grand Duchy with Moldavia and the Russian principalities, other diplomatic material of the period

1387-1635. Among them there are two letters (without beginnings) of S. Daukantas to T. Narbutas.

It is known that in 1845 S. Daukantas possessed a collection of privileges of Samogitia (Žemaitija) which belonged to J. Pliateris. This collection is stored in S. Daukantas' archive. This is a collection of Samogitia privileges and acts compiled under the order of the capitula of Samogitia diocese in 1788. There one can find equivalent collection prepared by S. Daukantas in 1841 which differs from the first one insignificantly. S. Daukantas gathered this collection of the privileges of Samogotia and intended to publish. In St. Petersburgs' library of the Academy of Sciences a variant for publishing is stored with the title list, dedication to J. Pliateris, introduction, archeographic and historic commentary. It is a book of 384 pages with 93 acts of 1390-1715, 89 of them from the Lithuanian Metrica. S. Daukantas finished the preparation of this publication after coming back to Lithuania in 1857 or soon after that and cherished hopes for publication connected with P. Smuglevičius, but his hopes never came true.

There is one more collection of the Lithuanian Metrica by S. Daukantas in the archive - the privileges to self-ruled towns, to the lay and the clergy feudal lords granting their right to found little towns in the estates, to organize markets and fairs. It consists of two parts. The first part completely rewritten book of acts of the Grand Ducal Chancery in 1791-1792 with the privileges to self-rule, Magdeburg Rigts to 74 towns in the Grand Duchy (LM-556). The second part is the enclosures of the period of 1495-1790 with 169 acts concerning 111 towns or little towns from the various books of the Lithuanian Metrica.

S. Daukantas' wish to publish his collections was not successful and they are not widely known, with the exception of the town acts collection which is introduced and used in science during the last decade. But this work by S. Daukantas and his thorough knowledge of the Lithuanian Metrica gave some fruitful results when he was still living. Here we pay attention only to one phenomenon S. Daukantas shared the gathered material with other historians of that time: T. Narbutas, M. Valančius, S. Stanevičius, M. Balinski.

The activity of S. Daukantas in the research and spreading of collected material of the LM is considered to be advanced and important in the early stages of the research work of the LM. It is worth to note that he had done the work alone, independently, without any help from the state or social organizations, being in constant danger of the repressions from the side of tsar's bureaucracy.

S. Daukantas' experience in the archeographic collection of the LM material is hardly suitable now because of the new requirements and rules. But the idea of thematic collections is perspective, worth of the research and its application. It would be expedient to publish the collections of S. Daukantas.

N. KOVALSKI, P. KULAKOVSKI

INVESTIGATION OF THE DOCUMENTS OF THE LITHUANIAN METRICA AND THEIR PUBLICATIONS IN THE UKRAINE IN THE 19TH-20TH CENTURIES

Publications of the solitary documents of the Lithuanian Metrica in the Ukraine began in the 19th century. At the beginning (in the fifth decade of the century) the texts of the documents for their publication were selected by Kiev archeographers who were gathered in the Temporary Commission for the investigation of the acts (Kiev Commission of Archeology). The texts of the documents have been published in the Commission's series-publications: "Памятники", "Архив Юго-Западной России". In the latter issue the most valuable documents, as the castle inventories, local, foundation and Magdeburg privileges to towns, little towns and villages. The published documents were taken of so-called "Volynian Metrica", of its books of the late 16th and the early 17th centuries.

Different single document texts were published in the issue of Kiev University "Чтения исторического общества Нестора Летописца".

The other centre of the investigations of the Lithuanian Metrica was in Lvov. The Ukrainian and Polish historians has been carrying out archeographic researches. Due to their attempts the following issues were published: "Записки научного общества им. Т. Шевченко", "Archivum XX. Sanguszkow Slawucie", various documents as the supplement to their monographs were published by M. Jasinski, M. Dovnar-Zapolski, N. Maksimeiko, M. Grushevski and others.

The research work of the LM documents has been carried out in Kiev, Lvov, Kharkov, Simpheropol. The main objectives of these works were turned upon the explanation and application of the documents which were concerned with the Ukrainian history.

The documents of the Lithuanian Metrica were actively used in the investigations of the state and legal history in the Ukraine by M. Vladimirski-Budanov, M. Jasinski, N. Maksimeiko. For more concrete thematical investigations by V. Antonovitch, M. Grushevski, F. Grushevski, F. Nikolaichiuk. Exceptionally thorough analysis and the LM documents application was accomplished by the greatest

researcher of the agrarian history of the GDL - M. Dovnar-Zapolski. In 1928 V. Rozov published some documents of the Lithuanian Metrica. Unfortunately, the LM has diminished from the sphere of investigations by the soviet Ukrainian historians for a long time.

Some interest in the LM was noticeable in the seventh decade, and since the eighth decade the Ukrainian historians began constant investigations. N. Kovalski published several scientific-research works devoted to the LM. This complex source of the history became the subject of S. Abrosimova for her thesis. N. Kovalski, G. Boryak, G. Vinogradov had published some registers and document texts.

In the nearest future complex publications concerning the Ukrainian and especially Volynian documents are awaiting for the Ukrainian historians.

Библиографические сокращения

АВК. - Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 22. Вильна, 1895; Т. 24. Вильна, 1897; Т. 36. Вильна, 1912.

АГАД. - Главный архив древних актов в Варшаве (Archiwum Główne akt dawnych).

АЗР. - Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1340-1506. СПб., 1846; Т. 2: 1506-1541. СПб., 1848; Т. 3: 1544-1587. СПб., 1848.

АЛМ. - Акты Литовской Метрики, собранные Ф.И. Леонтовичем. Т. 1-2. Варшава, 1896-1897.

АЮЗР. - Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1361-1598. СПб., 1863.

Базилевич К.В. - Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952.

Бережков Н.Г. Итинерарий. - Бережков Н.Г. Итинерарий великих князей литовских по материалам Литовской Метрики (1481-1530 гг.) // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.

Бережков Н.Г. Метрика. - Бережков Н.Г. Литовская Метрика как исторический источник. Часть первая: О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 год. М.-Л., 1946.

Брискман М.А. В.Г. Анастасевич. - Брискман М.А. В.Г. Анастасевич (1775-1845). М., 1958.

ВМ. - Волынская Метрика.

Востоков А. Описание. - Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума, составленное А. Востоковым. М., 1842.

ГВНП. - Грамоты Великого Новгорода и Пскова. // Под ред. С.М. Волка. М.-Л., 1949.

Голембовски Л. - Gołębiowski L. Dzieje Polski za panowania Kazmirza, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa, 1848.

ГПБ. - Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство. - Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901.

Записки отд. рук. - Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина.

ЗНТШ - Записки Научного общества им. Т. Шевченко.

Иконников В.С. Опыт. - Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1.

Коланковски Л. - Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1: 1377-1499. Wilno, 1930.

Книга Посольская. - Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 год), издана кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М., 1843.

Козлов В.П. Колумбы. - Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1985.

Литовская Метрика. Тез. докл. - Литовская Метрика. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. Апрель 1988 г. Вильнюс, 1988.

ЛМ. - Литовская Метрика.

ЛМ. Кн. 5, 6... 54... - ЦГАДА. Ф. 389 "Литовская Метрика". Оп. 1. Ед. хр. 5,6... 54... .

ЛМ-5, 6... - ЦГАДА. Ф. 389 "Литовская Метрика". Оп. 1. Ед. хр. 5, 6... .

ЛС. - Литовский Статут.

Леонтович Ф.И. Областные суды. - Леонтович Ф.И. Областные суды в Великом княжестве Литовском // Журнал министерства юстиции. Год XVI. № 9, № 10. СПб., 1910.

ЛОИИ. - Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.

Любавский М.К. Очерк истории. - Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910.

Любавский М.К. Сейм. - Любавский М.К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901.

МГАМИД. - Московский главный архив Министерства иностранных дел.

Муханов. - Сборник Муханова. СПб., 1836.

Нарбут Т. - Narbutt T. Dzieje narodu Litewskiego: Panowanie Kazimierza i Aleksandra. Wilno, 1840. T. 8.

Неустроев А.Н. Письма Евгения. - Неустроев А.Н. Письма митрополита Евгения к В.Г. Анастасевичу из Калуги и Пскова (1813-1818) // Древняя и новая Россия. 1880. № 12.

ОР БАН СССР. - Отдел рукописей Библиотеки Академии Наук СССР.

ОР ГБЛ. - Отдел рукописей Государственной библиотеки России.

ОР ИЛЯЛ. - Отдел рукописей Института литовской литературы и фольклора.

ОР ЛНБ. - Отдел рукописей Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника Академии Наук Украины.

Папэ Ф. - Papée F. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich: Ostatnie dwanastoliecie Kazimierza Jagiellończyka. T. 1. Kraków, 1904.

Переписка Евгения - Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н.П. Румянцевым и некоторыми другими современниками с 1813 по 1825 год включительно. Воронеж, 1868-1885. Вып. 1-3.

Переписка Н.П. Румянцева - Переписка Н.П. Румянцева с московскими учеными // Чтения Общества истории и древностей Российских. М., 1882. Кн. 1.

ПКК. - Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов. Т. 1. Киев, 1845; Т. 2. Киев, 1846; Т. 3. Киев, 1852; Т. 4. Киев, 1859.

Полетаев Н. Письма митрополита. - Полетаев Н. Письма митрополита киевского Евгения Болховитинова к В.Г. Анастасевичу // Русский архив. М., 1889. № 2-6.

Протоколы АК - Протоколы заседаний Археографической комиссии. Вып. 1: 1835-1840. СПб.; Вып. 2: 1841-1849. СПб., 1886.

ПСРЛ. - Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1853.

Пташицкий С.Л. Описание. - Описание книг и актов Литовской Метрики / Составил метрикант С.Л. Пташицкий. СПб., 1887.
Пуласки К. - Pułaski K. Stosunki z Mendli - Girejem, chanem tatarów perekopskich (1462-1515). Akta i listy. Kraków - Warszava, 1881.
РИБ. - Русская историческая библиотека.
РИБ. Т. 27. - Литовская Метрика. Отдел первый, часть первая: Книги Записей. Т. 1 // РИБ. Т. 27. СПб., 1910.
РИБ. Т. 30. - Литовская Метрика. Отдел первый-второй. Часть третья: Книги Публичных дел. Т. 1 // РИБ. Т. 30. Юрьев, 1914.
РИБ. Т. 33. - Литовская Метрика. Отдел первый. Часть третья: Книги Публичных дел: Переписи войска Литовского // РИБ. Т. 33. Пг., 1915.
Сборник ОРЯС. - Сборник Отделения русского языка и словесностей императорской Академии Наук.
Сб. РИО. - Сборник русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882; Т. 41. СПб., 1884.
Ст. л. - Старый лист.
Стлб. - Столбец.
Хорошкевич А.Л. К истории издания. - Хорошкевич А.Л. К истории издания и изучения Литовской Метрики // Acta Baltico-Slavica. Т. 8. Warszawa, 1973.
ЦГАДА. - Центральный государственный архив древних актов, Москва.
ЦГИА. - Центральный государственный исторический архив.
ЧИОНЛ. - Чтения исторического общества Нестора летописца.
Щукинский сборник. М., 1905. Вып. 4.
Itinerarium. - Itinerarium Cazimiri IV, Poloniae Regis, MDL. // Папэ Ф.
Kennedy Grimsted P. What is and what was the Lithuania Metrica? - Kennedy Grimsted P. What is and what was the Lithuanian Metrica?: The Contents, History and Organization of the Chancery Archives of the Grand Duchy of Lithuania // Harvard Ukrainian Studies. Volume VI, Number 3, September 1982.
Kennedy Grimsted P. Czym jest i czym była Metryka Litewska?- Kennedy Grimsted P. Czym jest i czym była Metryka

Litewska?: Stan obecny i perspektywy odtworzenia zawartości archiwum kancelaryjnego Wielkiego Księstwa Litewskiego // Kwartalnik historyczny, XCII. 1985, № 1. 55-83.

Neuman M. Itinerarium. - Neuman M. Itinerarium Aleksandra Jagiellończyka Wielkiego księcia Litewskiego, króla Polskiego (czerwiec 1492 - sierpień 1506) // Historia. Zaszyt 11. Poznań, 1971. S. 117-156.

Научное издание
Сборник статей
ЛИТОВСКАЯ МЕТРИКА. ИССЛЕДОВАНИЯ 1988 г.
Редакторы *Л. Раалисте, С. Скябене, Г. Рагаускайте*
Технический редактор *Р. Йодкене*

Подписано к печати 31. 03. 1992. УУ 324. Усл. печ. л.10,07. Тираж 500.
Заказ. 1533. Изд-во "Academia". 2600 Вильнюс, ул. А. Гоштауто 12.
Отпечатано в типографии 1-й Вильнюсской политехнической школы, 2000
Вильнюс, Паменкальнё, 11
Цена договорная.

Сборник статей. Литовская Метрика. Исследования 1988 г. - Вильнюс: "Academia". 1992. С. 189.
ISSN

В сборнике представлены материалы научной конференции, проходившей в апреле 1988 г. в Вильнюсе, на которой рассматривались вопросы, связанные с проблематикой изучения истории Литовской Метрики - книг канцелярии Великого княжества Литовского, охватывающих временной период XV-XVIII вв. В статьях изучаются вопросы генезиса копийных книг канцелярии ВКЛ в конце XV в., их документальный состав за XVI в., возможности использования документов книг ЛМ как исторический источник по той или иной тематике, освещается историческая судьба этого уникального архивного фонда в XIX в. Сборник рассчитан на историков и на тех, кто интересуется вопросами истории Литвы.